

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2023

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Педагогические науки

5.8.2. Теория и методика обучения
и воспитания

Филологические науки

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

5.12.3. Междисциплинарные исследования
языка

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

2.2023

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – ведущий специалист лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного педагогического университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – lead specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State Pedagogical University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК:

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОГО СОГЛАСОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Е.А. Лютикова, А.А. Герасимова

Исследование вариативного согласования
в русском языке: проблемы и методы 9

К.А. Студеникина

Об идентичности морфологических признаков
при эллипсисе в русском языке:
данные именных групп
с сочиненными прилагательными 28

Д.Д. Белова, Т.И. Давидюк

Согласование с сочиненным подлежащим,
содержащим личное местоимение:
экспериментальное исследование
на материале русского языка 53

Л.И. Паско

Против АТВ-анализа
частичного согласования в русском языке:
экспериментальное исследование 89

Д.Д. Врубель

Эффект синкретизма при предикативном согласовании
с сочинительными конструкциями
с повторяющимся союзом *и* 104

А.А. Данилова

Согласование по роду с существительными общего рода 119

Ф.В. Байков

Нелокальные синтаксические взаимодействия
через границу именной группы:
отрицательное согласование
и вопросительное передвижение 171

Contents

SPECIAL ISSUE:

EXPERIMENTAL STUDIES

ON AGREEMENT VARIATION IN RUSSIAN

E. Lyutikova, A. Gerasimova

Studying agreement variation in Russian:

Problems and methodology 9

K. Studenikina

Towards the feature identity for ellipsis in Russian:

Evidence from noun phrases

with coordinated adjectives 28

D. Belova, T. Davidyuk

Agreement with coordinated subjects containing
a personal pronoun:

Experimental data from Russian 53

L. Pasko

Against ATB-analysis of partial agreement in Russian:

An experimental study 89

D. Vrubel

The role of syncretism in the predicate agreement

with coordinate constructions

with the Russian correlative conjunction *i...i* 104

A. Danilova

Gender agreement with common nouns 119

F. Baykov

Non-local syntactic interactions across

an NP/DP boundary:

Negative concord and *wh*-movement 171

УДК: 81-114.4

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-9-27

Е.А. Лютикова, А.А. Герасимова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Исследование вариативного согласования в русском языке: проблемы и методы

Статья открывает выпуск журнала, посвященный экспериментальным исследованиям вариативного согласования в русском языке. Проблематика согласовательной вариативности не интегрируется в модели грамматики ввиду отсутствия системного подхода к сбору данных о силе и сфере действия отдельных факторов, релевантных для выбора стратегии согласования. В статье мы обсуждаем методологические проблемы, связанные с исследованием согласовательной вариативности, и представляем исследовательские сюжеты, опубликованные в специальном выпуске. Мы показываем, что одно из возможных решений задачи по включению ситуаций варьирования в эмпирических базис теории грамматики состоит в использовании методологического аппарата экспериментального синтаксиса.

Ключевые слова: согласование, вариативность, экспериментальный синтаксис, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лютикова Е.А., Герасимова А.А. Исследование вариативного согласования в русском языке: проблемы и методы // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 9–27. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-9-27

© Лютикова Е.А., Герасимова А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-9-27

E. Lyutikova, A. GerasimovaLomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Studying agreement variation in Russian: Problems and methodology

This paper opens the issue compiling a series of experimental studies on variable agreement in Russian. The agreement variation is not integrated into grammatical models due to the lack of any systematic approach to collecting data on the effect size and scope of relevant grammatical factors. We discuss methodological problems related to the study of agreement variability, and present case studies published in the special issue. We show that one of the possible solutions to the problem of including variability phenomena to the empirical basis of formal syntax is to use the methodology of experimental syntax.

Key words: agreement, variation, experimental syntax, Russian language

Acknowledgments. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

FOR CITATION: Lyutikova E., Gerasimova A. Studying agreement variation in Russian: Problems and methodology. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 9–27. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-9-27

1. Введение

Согласование является одним из наиболее хорошо исследованных языковых феноменов, напрямую отражающих как локальное, так и нелокальное признаковое взаимодействие синтаксических единиц. Простейшая формальная модель согласования подразумевает, что форма согласующейся составляющей (мишени согласования) однозначно предсказывается на основании формальных признаков той составляющей, с которой происходит согласование (контролер согласования), так что механизм согласования срабатывает единообразно и обеспечивает

однозначное вычисление значений признаков в языковом выражении с конкретным набором лексических единиц. Тем не менее, многочисленные языковые данные, полученные при изучении согласования в разноструктурных языках, свидетельствуют о том, что сам механизм согласования (выбор контролера, ограничения на локальность согласования и т.п.) может зависеть от конкретного набора формальных признаков, характеризующих элементы языкового выражения. Из подобных эмпирических обобщений вытекают требования к дескриптивно полной формальной модели согласования: она должна моделировать не только однозначно вычисляемые языковые выражения, но и случаи согласовательной вариативности.

Случаи согласовательной вариативности обыкновенно относят к категории «осложненного» согласования, которое отклоняется от некоторого «стандартного» варианта, и включают в грамматики в виде отдельного списка (см. [Иомдин, 1990; Мельчук, 1993; Corbett, 2003] и др.). Исчисление основных языковых явлений, подпадающих под понятие осложненного согласования, является эффективным в прикладных задачах, например, при автоматической обработке текста, но оно недостаточно для теоретических целей: для ответа на вопрос, почему именно в таких конструкциях возникает вариативность и почему происходит выбор в пользу того или иного варианта. К периферийным и неканоническим конструкциям лингвисты ожидаемо обращаются по остаточному принципу. Однако изучение именно таких языковых феноменов зачастую наиболее эффективно при выборе между конкурирующими теориями. Способность модели объяснять такие случаи не как исключения, а как ожидаемые зоны вариативности может служить свидетельством эмпирической адекватности модели. В то же время включение таких периферийных ситуаций в теоретическую модель согласования отвечает требованию полноты грамматики.

В данной статье мы представим проблему формального описания согласования в русском языке. Мы полагаем, что удобным исследовательским инструментом для выявления свойств согласования может служить изучение допустимого варьирования в согласовании. Оптимальная модель согласования должна полноценно отражать как основные характеристики механизма согласования, так и факторы, определяющие дистрибуцию вариантов в непрототипических случаях. Поскольку в ситуации согласования мы имеем дело со множеством параметров, которые определяют выбор между согласовательными вариантами, интроспекции исследователя становится недостаточно и возникает отдельный вопрос о методах сбора соответствующей эмпирической базы. Мы покажем, что основой для построения теоретической модели согласования,

отвечающей указанным критериям полноты, может стать факторный анализ приемлемости или частотности отдельных согласовательных вариантов. Статьи, предлагаемые читателю в специальном выпуске журнала, представляют образцы исследований, выполненных в указанной научной парадигме.

Наше изложение организовано следующим образом. В разделе 2 мы представим текущее состояние исследований согласования в русском языке и обоснуем недостаточность имеющихся исследований согласовательной вариативности. В разделе 3 мы обсудим методологические проблемы, связанные с исследованием вариативности, и аргументируем преимущества методологического аппарата экспериментального синтаксиса в решении этих проблем. В разделе 4 мы рассмотрим направления исследования вариативности, представленные в рамках специального выпуска журнала, и проясним их соотношение с предложенной программой моделирования согласовательной вариативности в русском языке.

2. Исследование вариативного согласования в русском языке

Подходы к определению процесса согласования и его компонентов в отечественном языкознании сформулированы преимущественно в рамках традиционной русистики, а также в традиции функционально-типологического направления.

В основу определения согласования русская научная традиция вкладывает две идеи. С одной стороны, согласование представляется как уподобление значений грамматических признаков [Буслаев, 1868/1958, § 121; Шахматов, 1925, с. 14, § 13; Потебня, 1958, с. 74–75]. Вместе с тем согласование рассматривается как один из типов подчинения зависимого слова господствующему слову [Пешковский, 1914/1956, с. 68; АГ, 1960, с. 22–23; АГ, 1970, с. 493; РГ, 1980, § 1815]. Определение согласования через подчинение не раз подвергалось критике. Основные возражения касаются неуниверсальности такого подхода и его ориентации на грамматические особенности исключительно русского языка [Кибрик, 1977; Иомдин, 1990]. По-видимому, первым универсальным определением согласования, которое не опирается на непосредственное подчинение, в отечественном языкознании можно считать определение, предложенное А.Е. Кибриком [Кибрик, 1977]. Также стоит отметить работу Л.Л. Иомдина, в которой были разработаны формализованные правила согласования для решения задач автоматического синтаксического анализа и синтеза текстов [Иомдин, 1990]. Несмотря на то, что

введенные определения согласования позволяют постулировать согласование как при прямом подчинении, так и при прочих видах синтаксических отношений между контролером и мишенью, существенную сложность представляют такие ситуации, когда имплицирование признаков мишени происходит неоднозначно, что приводит к возникновению согласовательных вариантов.

Случаи вариативного согласования рассматривают как нестандартный вариант, противопоставленный общему случаю: это отклонение от ядерной модели в [Кибрик, 1999], «осложненное согласование» в [Иомдин, 1990], согласование «по смыслу» в [Мельчук, 1993]. Исчислив случаи, не подпадающие под определение стандартного согласования, авторы формулируют наборы формальных правил, которые описывают согласование в простых случаях и в присутствии осложняющих факторов. Хотя исчисление основных языковых явлений, подразумевающих осложненное согласование, помогает в решении прикладных задач, оно недостаточно для теоретических целей: для ответа на вопрос, почему именно в таких конструкциях возникает вариативность и почему происходит выбор в пользу того или иного варианта. Подобный подход не формулирует правила деривации признаков, в частности, не специфицирует, в каких условиях и за счет каких механизмов происходит альтернативное согласование. По этой причине более формализованные отечественные подходы к согласованию, такие как [Кибрик, 1977; Иомдин, 1990], хотя и устраняют часть недостатков, которые обнаруживаются в традиционных определениях, тем не менее, не способны предсказывать варьирование и объяснять его источники.

Важно отметить, что вариативное согласование до настоящего момента не являлось предметом целенаправленных исследований и в русистике генеративной направленности. Сторонники формально-синтаксических подходов в своих работах эффективно используют варьирование в согласовании в качестве источника получения информации о синтаксической структуре именных составляющих – их категориального статуса и сопряженной с ним признаковой матрицы. Примерами этого могут быть такие работы, как [Matushansky, 2008, 2010; Pesetsky, 2013; Лютикова, 2015; Gerasimova, Lyutikova, 2020]. Тем не менее, собственно факторы варьирования никак не имплементируются в формальную модель согласования, следовательно, унификация значений согласовательных признаков остается единственным ожидаемым вариантом деривации.

Альтернативный подход к исследованию вариативности – анализ дистрибуции имплицированных признаков. В отечественном языкознании предпринимались попытки систематического сбора количествен-

ных данных в контексте вопросов согласования. Так, в работах [Панов, 1968] и [Мучник, 1971] представлены результаты проекта по сбору данных морфологического опросника Института русского языка 1963–1964 гг., в ходе которого 3780 участников отвечали на вопросы о предпочтительных вариантах в конкретных конструкциях. Отдельно отметим корпусный подход к оценке дистрибуции согласовательной вариативности, примененный при составлении частотно-стилистического словаря [Граудина и др., 1976].

Из недавних работ следует отметить корпусное исследование, в котором анализировалось синтаксическое поведение именных групп, возглавляемых количественным числительным, и именных групп, возглавляемых количественным существительным типа «большинство» [Кувшинская, 2013], а также работы, в которых, помимо прочего, исчисляется согласовательная вариативность русских количественных конструкций [Микаэлян, 2012; Mikaelian, 2013]. Исчисление вариативности в неканонических конструкциях разных типов мы находим в работе [Санников, 2008], а также в статьях проекта Русская корпусная грамматика (rusgram.ru).

Притом что эмпирический материал названных работ представляет несомненную ценность, эти исследования не могут служить единственной основой обобщенной модели вариативного согласования, поскольку имеют ряд ограничений. Так, подробно рассматриваются лишь отдельные сюжеты без учета полной картины параметров согласования (например, предикативное согласование групп с числительным и количественным существительным без учета вариативности в атрибутивном согласовании [Кувшинская, 2013]), а статистические данные опросов уже потеряли синхронную актуальность. В представленных работах нет общего подхода, выделяются и рассматриваются отдельные проблемы вариативного согласования. Другой источник данных о вариативном согласовании – пособия по стилистике, в которых формулируются рекомендации по выбору того или иного варианта, но без соответствующего эмпирического обоснования (см., например, [Былинский, Розенталь, 1961; Голуб, 2010]).

Итак, мы видим, что теоретические модели согласования принципиально не учитывают возможное варьирование в компетенции носителей и неспособны адекватно представить маргинальные и нестабильные грамматические феномены. С другой стороны, существующие подходы к согласованию, базирующиеся на употреблении, – в первую очередь, корпусные исследования – отождествляют модель употребления и модель грамматики, так что содержательные обобщения над количественными данными остаются данными об употреблении и не имплементированы в формальную грамматическую систему.

Мы предполагаем, что моделирование согласовательной вариативности могло бы стать новым шагом к построению эмпирически обоснованной лингвистической теории согласования. Текущее положение дел в исследовании варьирования в согласовании и вариативных феноменов в целом, на наш взгляд, является в том числе и следствием используемой методологии. В следующем разделе мы обсудим, какие аспекты имеет проблема моделирования согласовательной вариативности и наметим пути решения соответствующих исследовательских задач.

3. Методологические особенности моделирования вариативного согласования

Вариативное согласование постулируется тогда, когда наблюдается неоднозначное вычисление согласовательных признаков мишени при фиксированных значениях признаков контролера. Варьирование возникает в ситуациях согласования с неканоническим контролером (например, с управляющими квантификаторами, «двое из нас придем/придут/придет») или в присутствии нескольких потенциальных контролеров согласования (например, в сочинительных конструкциях, «приду/придем я и Вася»). Кроме того, ограничения на согласование по различным грамматическим категориям устроены не единообразно: существуют конфигурации, в которых блокируется согласование по лицу, но разрешается согласование по числу (контексты лично-падежных ограничений), но нет таких конфигураций, в которых согласование по числу было бы запрещено, а согласование по лицу разрешено. На вариативность, связанную с типом контролера согласования и согласовательными грамматическими категориями, накладываются дополнительные эффекты, связанные с внешним синтаксисом и лексическими характеристиками компонентов согласования. Так, дистрибуция вариантов подвержена влиянию факторов линейного порядка контролера и мишени, эффекту синкретизма форм, может зависеть от противопоставления супплетивного и регулярного формообразования у мишени, семантических характеристик контролера (например, одушевленность, абстрактность). Наконец, не последнюю роль играет вариативность идиолектов носителей русского языка: можно предположить, что варьирование в контекстах неканонического согласования до определенной степени является эпифеноменом различий грамматических профилей носителей.

В теоретическом плане проблема моделирования согласования вообще и вариативного согласования в частности имеет несколько аспектов. Первый аспект связан с внутренним устройством модели согласования, ее параметризацией: какие элементы могут вступать в отношение согласования и какие характеристики они имеют, по каким признакам может

устанавливаться отношение согласования, в каком направлении происходит признаковое взаимодействие между контролером и мишенью, является ли отношение контролера и мишени одно-однозначным и др.

Второй аспект – это границы согласования как модели синтаксического взаимодействия. Поскольку модель должна полноценно отражать основные характеристики механизма согласования и учитывать всю совокупность языковых феноменов, в которых этот механизм оказывается задействован, необходим учет как ядерных случаев согласования, так и смежных феноменов, проявляющих сходные с ними ограничения. При широком понимании согласования согласовательные феномены могут выражаться морфосинтаксически не только как уподобление контролера и мишени по грамматическим признакам (каноническое согласование), но и как лицензирование элементов с определенными синтаксическими и семантическими характеристиками, как синтаксическое передвижение составляющих и др. Подобное расширенное понимание согласования отвечает современным тенденциям в формальном синтаксисе – рассматривать операцию согласования как универсальную для грамматики естественного языка. В рамках такого подхода любое грамматическое взаимодействие между языковыми единицами может быть представлено как согласование по некоторому формальному признаку или группе признаков. Стремление описать разнообразные грамматические явления с помощью единой операции согласования соотносится с общим принципом минимализма в языкознании: предпочтение отдается моделям, требующим как можно меньшего количества составных частей вычислительного компонента грамматики.

В соответствии с указанными теоретическими особенностями согласовательной проблематики глобальная задача построить параметрическую модель согласования в русском языке, по нашему мнению, должна подразделяться на два направления работы. С одной стороны, необходимо провести параметризацию отдельных составляющих согласовательного механизма: структуры контролера и мишени согласования, согласовательных признаков, а также условий запуска этого механизма. Во-первых, нужно установить, какие правила разрешения действуют в ситуациях согласования с неканоническим контролером или с несколькими потенциальными контролерами, а также разработать проблему интеграции этих правил в модель согласования в русском языке. Во-вторых, возникает задача по исследованию влияния на выбор согласовательного варианта как грамматических и семантических характеристик контролера и мишени, вступающих в отношение согласования, так и их внешних свойств вроде взаимного линейного расположения. Успешность решения последней задачи определяется

описанием соответствующих эффектов не в виде отдельных эвристик, а в форме спецификации контролера и мишени через единую систему признаков и посредством формулирования условий, в которых протекает процесс согласования.

С другой стороны, стоит задача интеграции расширенной согласовательной модели в формальную модель русского синтаксиса. Необходимо определить, включаются ли согласовательные механизмы в любых процессах взаимодействия синтаксических элементов, в том числе таких, которые не выражаются в наблюдаемом морфологическом согласовании. Одним из таких процессов является лицензирование (полярное, падежное, тематическое и т.д.). Возможные сходства и отличия подобных феноменов и канонического согласования (требование с-командования, локальность, передвижение) могут послужить аргументами при выборе эмпирически адекватной теоретической модели таких явлений. Таким образом, актуален вопрос о возможности распространения согласовательного подхода на такие области русского синтаксиса, как лицензирование различных феноменов отрицанием, падежное маркирование и некоторые виды передвижений.

Две указанные задачи по моделированию согласования предполагают повышенные требования к эмпирическим данным. Теоретическая грамматика, осуществляющая формальное моделирование обобщенной грамматики носителей русского языка, в основном опирается на интроспекцию как источник эмпирических данных. Тем самым она принципиально не учитывает возможное варьирование в компетенции носителей и неспособна адекватно представить маргинальные и нестабильные грамматические феномены. В то время как моделирование канонического согласования может вестись на основе исключительно качественных (бинарных) различий («грамматично/неграмматично»), для моделирования варьирования, при котором предполагается влияние различных параметров и их взаимодействие, необходимы количественные измерения вариативности. С этим требованием связан эмпирический аспект проблемы. В отличие от многих предшествующих исследователей, строивших модели согласования на основе качественных данных, мы предполагаем, что основой для построения теоретической модели согласования должны стать количественные данные, на которых возможно проводить факторный анализ приемлемости или частотности вариантов.

Количественные методы в лингвистике разделяются на два больших семейства подходов: корпусный и экспериментальный. В формальных работах мы видим следующий прием по консолидации двух подходов (см. напр., [Князев, 2019; Лютикова, Герасимова, 2019]). На первом

этапе проводится корпусное обследование изучаемого явления. В том случае, когда корпусные данные демонстрируют вариативность и не складываются в общую картину, на следующем этапе проводится экспериментальное исследование, нацеленное на то, чтобы выявить паттерны языкового поведения носителей языка в отношении изучаемого явления. Затем исследователь переходит к эксплицитному моделированию изучаемого явления и построению гипотез, объясняющих наблюдаемые закономерности.

При несомненной эффективности такого подхода к сбору эмпирических данных, мы считаем, что при исследовании вариативности такой подход мало применим в своем изначальном виде. Корпусная лингвистика, завоевавшая значительную популярность в последние годы, достигла существенных результатов с точки зрения разнообразия принимаемого к рассмотрению материала, однако, как кажется, пока не нашла способа преодолеть два существенных ограничения. Во-первых, в корпусных данных заведомо отсутствует отрицательный языковой материал, который крайне важен для построения эмпирических обобщений о том, где в данном языке проходит граница между возможными и невозможными языковыми выражениями. Во-вторых, что даже более существенно, огромный материал, представленный в корпусе, невозможно контролировать с точки зрения параметрического варьирования отдельных подсистем русской грамматики.

Этими недостатками не страдают экспериментальные методы получения данных. Экспериментальный синтаксис – это область знаний, в которой синтаксические структуры исследуются посредством экспериментальных методов: исследователь целенаправленно меняет характеристики языковых структур, предполагая, что изменения окажут влияние на продукты восприятия и порождения или количественные характеристики поведения человека при языковой деятельности. В такой изоляции потенциальных источников понижения приемлемости и состоит факторный подход к исследованию языковых феноменов. Изначально направление включало в себя только один инструмент – методику извлечения суждений, которая заключается в следующем: суждения относительно приемлемости грамматической структуры выносятся репрезентативной группой испытуемых, которые оценивают языковые стимулы с различным лексическим наполнением по некоторой шкале [Schütze, 1996; Cowart, 1997]. Строгая экспериментальная процедура извлечения суждений противопоставлялась интроспекции ввиду необходимости обеспечить контроль за условиями вынесения оценки [Schütze, 1996; Cowart, 1997; Fanselow, 2007; Featherston 2007; Newmeyer, 2007]. Если условия не будут строго контролироваться, как

в случае неформальных опросов носителей языка, то экспериментальные манипуляции, которые проводятся с целью понять, что вызвало изменение в оценке грамматичности, потеряют всякий смысл: исследователь не сможет утверждать, что к изменению оценки привела его манипуляция, а не какой-то случайный фактор.

Таким образом, в экспериментальном контексте данные возникают как естественная реакция носителей языка на контролируемый стимул. Целенаправленно воздействуя на характеристики стимула, исследователь получает возможность фиксировать релевантные параметры грамматического варьирования и учесть их при построении дальнейших обобщений и объяснительных гипотез. Более того, экспериментальные методы дают отрицательный языковой материал, а также позволяют адекватно собирать и обрабатывать суждения носителей о приемлемости тех или иных языковых выражений.

В последние годы мы наблюдаем явную тенденцию к использованию методов экспериментального синтаксиса при исследовании вариативности при согласовании на материале германских и славянских языков. Так, например, экспериментальные исследования с позиций формального синтаксиса проводятся в отношении анализа согласования сочинительных конструкций, включая феномен согласования с ближайшим конъюнктом (*closest conjunct agreement*) [Marušić et al., 2015; Willer-Gold et al., 2016, 2018; Arsenijević et al., 2020; Himmelreich, Hartmann, 2021]. Также внимание уделяется вариативности в биноминативных конструкциях [Hartmann, Neyscock, 2017, 2020; Hartmann, 2019].

Моделирование согласовательной вариативности в русском языке с опорой на данные, полученные с помощью методов экспериментального синтаксиса, никогда прежде не проводилось. В целом лишь очень незначительное количество исследователей русского языка опирается на экспериментальные методы получения языковых обобщений. Исключением выступают работы Т. Иониной [Ionin, Luchkina, 2018] и серия статей М. Полинской с соавторами [Xiang et al., 2011; Polinsky et al., 2013], использующие экспериментально-синтаксические методы сбора данных.

В работах, представленных в данном выпуске, согласовательная вариативность в русском языке впервые рассматривается в рамках формально-ориентированных синтаксических теорий с опорой на данные, полученные с помощью методов экспериментального синтаксиса.

В следующем разделе мы рассмотрим теоретические задачи, которые ставят перед собой авторы, и обсудим, как предложенные исследования встраиваются в общую проблематику моделирования согласовательной вариативности в русском языке.

4. Концепция экспериментального исследования варьирования при согласовании в действии

Работы, опубликованные в настоящем выпуске журнала, представляют собой примеры исследований, проведенных в рамках теоретической программы моделирования согласования, которую мы предложили выше. С одной стороны, в статьях исследуются отдельные параметры согласовательного механизма, а именно: структура контролера и мишени согласования, согласовательные признаки и условия, при которых устанавливается отношение согласования. Отдельное внимание уделяется согласованию с неканоническим контролером: особый интерес представляют так называемые правила разрешения (*resolution rules* [Givon, 1970; Corbett, 1983, p. 177]), которые применяются в случае конфликта признаков, характеризующих разные именные группы, например, в ситуации сочинения. В то же время исследователей интересуют отдельные эффекты, которые оказывают влияние на выбор согласовательной формы в ситуации вариативности, как, например, эффекты линейного расположения мишени и контролера согласования, эффекты синкретизма, эффекты аргументной структуры предиката и др.

С другой стороны, происходит расширение круга феноменов, описываемых при помощи механизма согласования, до таких явлений, которые не относятся к согласованию в традиционном понимании – как наблюдаемое морфосинтаксическое уподобление признаков мишени с признаками контролера. Возможность согласовательного подхода при анализе признакового взаимодействия между составляющими определяется на основе единообразия механизмов такого взаимодействия (параметризуемого относительно признаков), единой системы морфосинтаксических эффектов (передвижение, падежное маркирование, несвободная признаковая сочетаемость) и единой системы ограничений на взаимодействие составляющих (ограничения на локальность, интервенция, требование с-командования). Рассмотрим более подробно представленные читателю сюжеты.

Выпуск начинается со статьи К.А. Студеникиной, посвященной исследованию правил разрешения, которые действуют в ситуациях согласования с неканоническим контролером. Автор сравнивает различные подходы к анализу именных групп с сочиненными прилагательными: анализ с помощью сочинительного сокращения / эллипсиса, когда предполагается удаление совпадающей составляющей в фонологической структуре (в рассматриваемых конструкциях – существительного), и анализ с помощью АТВ-передвижения, когда для совпадающих составляющих предполагается одновременное передвижение из двух

сочиненных групп. Чтобы установить, какой из подходов более соответствует эмпирическим данным русского языка, К.А. Студеникина экспериментально оценивает приемлемость именных групп с различным соотношением признаков числа у сочиненных модификаторов и вершинного существительного, а также количественных групп с сочинением модификаторов с малыми числительными, в которых существительное предположительно имеет бесчисловую форму. Проведенное исследование позволяет не только сформулировать синтаксическую модель вариативности при сочинении модификаторов, но и показывает, что в русском языке для возможности сочинительного сокращения / эллипсиса требуется не идентичность признака числа, а отсутствие конфликта признаков, что возможно при использовании бесчисловой формы существительного при малом числительном.

В следующей статье Д.Д. Беловой и Т.И. Давидюк устанавливается роль грамматических и семантических характеристик сочинительной конструкции – контролера и мишени, вступающих в отношение согласования, – в выборе между применением правил разрешения и согласованием с одним из контролеров. В частности, исследуется лично-числовое согласование с сочиненным при помощи союза *и* подлежащим, в состав которого входят личное местоимение и имя собственное или два личных местоимения. Грамматики современного русского языка используют понятие иерархии согласования, позволяющей вычислить искомые признаки мишени. Однако эта иерархия может быть нарушена, в частности, при препозиции сказуемого, и случаи нарушения иерархии согласования до сих пор не были подробно изучены. Экспериментальные исследования авторов восполняют этот пробел. Данные лично-числового и родо-числового предикативного согласования в русском языке анализируются с точки зрения асимметрии признаков лица и числа. Представленное исследование позволяет в том числе установить, как на согласовательную вариативность влияют внешние свойства контролера и мишени согласования, а именно их взаимное расположение.

Влияние характеристик внешнего синтаксиса элементов, вступающих в отношение согласование, исследуется далее в статье Л.И. Паско. Сочиненное подлежащее рассматривается через призму проблемы моделирования стратегии частичного согласования в предложениях с сочиненным подлежащим, когда предикат согласуется по числу только с одним конъюнктом. Эксперимент проверяет предсказания АТВ-анализа частичного предикативного согласования, согласно которому совпадающие составляющие, в рассматриваемых конструкциях – предикаты, одновременно выдвигаются из двух сочиненных конъюнктов. Если такая линия рассуждения верна, тогда частичное согласование

должно быть невозможно в контексте симметричных предикатов, а также при расположении предиката после подлежащего. Исследование эффектов линейного порядка и эффектов, связанных с аргументной структурой предиката, делает возможным представить аргументы против АТВ-анализа для сочиненного подлежащего в русском языке и определить степень влияния соответствующих факторов на выбор стратегии согласования.

Выпуск продолжает статья Д.Д. Врубель, посвященная изучению вариативности в контексте различных значений согласовательных категорий. В рамках анализа внутреннего синтаксиса компонентов согласовательного отношения проводится исследование эффектов синкретизма при согласовании. На материале германских языков ранее показывалось, что синкретичные формы могут разрешать конфликт при выборе контролера согласования в тех случаях, когда контролеров несколько, что приводит к возрастанию приемлемости структуры. Д.Д. Врубель исследует проблематику синкретизма на материале конструкций с сочинением. С помощью синтаксического эксперимента проверяется гипотеза о том, что согласованию с ближайшим конъюнктом способствует совпадение рода сочиненных подлежащих. Результаты исследования дополняют наши знания о том, как в русском языке устроено согласование по категории рода.

Информация о характеристиках контролера согласования – существительного при атрибутивном и предикативном согласовании – становится предметом исследования в статье А.А. Даниловой. Представлены результаты исследования приемлемости и частотности различных стратегий согласования при существительных общего рода в зависимости от пола референта. Центральным становится вопрос о том, могут ли слова общего рода вызывать рассогласование. Возможность полного или частичного рассогласования свидетельствует против группы подходов к моделированию деривации синтаксических структур со словами общего рода. Кроме того, А.А. Данилова изучает гомогенность класса слов общего рода с точки зрения их признаковых характеристик. Серия экспериментов позволяет сделать выводы о специфицированности слов общего рода с точки зрения грамматического рода, а также сформулировать предложение о дополнительном источнике нереференциального признака рода, который является дефолтным.

Наконец, завершает номер статья, связанная с проблемой интеграции согласовательной модели в формальную модель русского синтаксиса. Ф.В. Байков представляет исследование отрицательного конкорда в русском языке, которое позволяет оценить, насколько успешным

может быть моделирование феноменов отрицательного лицензирования с помощью механизма согласования. В том случае, если операцию лицензирования действительно можно моделировать как согласование по некоторому формальному признаку или группе признаков, ожидается, что лицензирование будет задавать определенные условия на локальность процесса. В своей статье Ф.В. Байков экспериментальными методами проводит сопоставление отрицательного конкорда и *wh*-передвижения с точки зрения ограничений локальности, которым они подчиняются. Результаты исследования позволяют сопоставить анализ в терминах согласования и анализ в терминах *A'*-передвижения и определить, как на возможность отрицательного конкорда влияют границы именной группы.

В экспериментальных работах, представленных в данном специальном выпуске, согласовательная вариативность в русском языке рассматривается в рамках формально-ориентированных синтаксических теорий, в частности, генеративного синтаксиса, что делает их первыми в своем роде. Помимо получения высококачественных описаний конкретных ситуаций вариативности, а также дистрибуции параметров согласования, авторы встраивают факторы, задающие варьирование, в общий теоретический контекст проблематики согласования. Все это позволяет приблизиться к разработке объяснительно адекватной модели согласования в русском языке.

Библиографический список / References

АГ, 1960 – Грамматика русского языка: В 2-х т. Т. 1. Фонетика и морфология / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. М., 1960. [Grammatika russkogo yazyka: v 2-kh tomakh [Russian grammar in 2 volumes]. Vol. 1. Phonetics and morphology. V.V. Vinogradov, E.S. Istrina, S.G. Barkhudarova (eds.). Moscow, 1960.]

АГ, 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. [Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Modern standard Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1970.]

Буслаев, 1868/1958 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 6-е изд. (1-е изд. 1868). М., 1958. [Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow, 1958.]

Былинский, Розенталь, 1961 – Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1961. [Bylinskii K.I., Rozental D.E. Literaturnoe redaktirovanie [Standard correction]. Study guide. 2nd ed. Moscow, 2011.]

Голуб, 2010 – Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учебное пособие. 11-е изд. М., 2010. [Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of Russian language]. Study guide. Moscow, 2010.]

Граудина и др., 1976 – Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. [Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. Grammaticheskaya pravilnost russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov [Grammatical correctness of Russian speech. An attempt to compiling frequency-based stylistic dictionary of variants]. Moscow, 1976.]

Иомдин, 1990 – Иомдин Л.Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования / Отв. ред. Ю.Д. Апресян, И.А. Большаков. М., 1990. [Iomdin L.L. Avtomaticheskaya obrabotka teksta na estestvennom yazyke: model soglasovaniya [Automatic processing of natural language texts: Agreement model]. Yu.D. Апресян, I.A. Bolshakov (eds.). Moscow, 1990.]

Кибрик, 1977 – Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и прикладной лингвистики. М., 1977. Вып. 8. С. 161–179. [Kibrik A.E. On the interrelation between syntactic dependence and agreement, government, adjacency. *Problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. Moscow, 1977. Vol. 8. Pp. 161–179. (In Rus.)]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. А.Е. Кибрик; сопредатор Я.Г. Тестелец. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii [The elements of Tsakhur language in typological perspective]. A.E. Kibrik, Ya.G. Testelet (eds.). Moscow, 1999.]

Князев, 2019 – Князев М.Ю. Экспериментальное исследование дистрибуции изъяснительного союза *то что* в нестандартных вариантах русского языка // Вопросы языкознания. 2019. № 5. С. 7–40. [Knyazev M.Yu. An experimental study of the distribution of the complementizer *to čto* in non-standard variants of Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 2019. No. 5. Pp. 7–40. (In Rus.)]

Кувшинская, 2013 – Кувшинская Ю.М. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 112–150. [Kuvshinskaya Yu.M. Predicate agreement with the quantifier phrase in Russian (According to the data of the National Russian Corpus for the period of 2000–2010). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 2 (26). Pp. 112–150. (In Rus.)]

Лютикова, 2015 – Лютикова Е.А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74. [Lyutikova E.A. Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 30. Pp. 44–74. (In Rus.)]

Лютикова, Герасимова, 2019 – Лютикова Е.А., Герасимова А.А. Послеложные конструкции татарского языка: методики оценки внутриязыкового варьирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18. М., 2019. С. 412–435. [Lyutikova E.A., Gerasimova A.A. Postpositional constructions in Tatar: Methodologies for measuring intralingual variation. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. Vol. 18. Moscow, 2019. Pp. 412–435. (In Rus.)]

Мельчук, 1993 – Мельчук И.А. Согласование, управление, конгруэнтность // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 16–58. [Melchuk I.A. Agreement, government, congruency. *Voprosy jazykoznanija*. 1993. No. 3. Pp. 16–58. (In Rus.)]

Микаэлян, 2012 – Микаэлян И.Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И.А. Мельчука / Под ред. Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского и др. М., 2012. С. 429–447. [Mikaelyan I.L. About the category of animacy in numeral constructions in Russian. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Cbornik statei v chest 80-letiya I.A. Melchuka*. Moscow, 2012. Pp. 429–447. (In Rus.)]

Мучник, 1971 – Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. [Muchnik I.P. Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Grammatical categories of verb and noun in modern standard Russian]. Moscow, 1971.]

Панов, 1968 – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. В 4 кн. Кн. 3. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968. [Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. V 4 knigakh [Russian language and the Soviet society. The socio-linguistic study]. In 4 vols. Vol. 3. Morphology and syntax of modern standard Russian. M.V. Panov (ed.). Moscow, 1968.]

Пешковский, 1914/1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. (1-е изд. 1914). М., 1956. [Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax from the scientific point of view]. Moscow, 1956.]

Потебня, 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. В 4 т. / Общ. ред., предисл. и вступ. ст. чл.-кор. АН СССР В.И. Борковского. Т. 1–2. М., 1958. [Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoi grammatike [Notes on Russian grammar]. In 4 vols. Vol. 1–2. V.I. Borkovskij (ed.). Moscow, 1958.]

РГ, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]

Санников, 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте. М., 2008. [Sannikov V.Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom aspekte [Russian syntax in the semantic-pragmatic aspect]. Moscow, 2008.]

Шахматов, 1925 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 1 / Под ред. и с примеч. Е. Истриной. Л., 1925. [Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [Russian syntax]. Vol. 1. E. Istrina (ed.). Leningrad, 1925.]

Arsenijević et al., 2020 – Arsenijević B., Willer-Gold J., Aljović N. et al. Elided clausal conjunction is not the only source of closest-conjunct agreement: A picture-matching study. *Syntax*. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 78–104.

Corbett, 1983 – Corbett G.G. Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic. London, 1983.

Corbett, 2003 – Corbett G.G. Agreement: Canonical instances and the extent of the phenomenon. *Morphology: Selected papers from the Third Mediterranean Morphology Meeting. September 20–22, 2001*. G.E. Booij, J. DeCesaris, A. Ralli, S. Scalise (eds.). Barcelona, 2003. Pp. 109–128.

Cowart, 1997 – Cowart W. Experimental syntax: Applying objective methods to sentence judgments. Thousand Oaks, 1997.

Fanselow, 2007 – Fanselow G. Carrots perfect as vegetables, but please not as a main dish. *Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 353–367.

Featherston, 2007 – Featherston S. Data in generative grammar: The stick and the carrot. *Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 269–318.

Gerasimova, Lyutikova, 2020 – Gerasimova A., Lyutikova E. Intralingual variation in acceptability judgments and production: Three case studies in Russian grammar. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 348.

Givón, 1970 – Givón T. The resolution of gender conflict in Bantu conjunction: When syntax and semantics clash. *Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. R.I. Binnick (ed.). Chicago, 1970. Pp. 250–261.

Hartmann, 2019 – Hartmann J.M. Focus and prosody in nominal copular clauses. *Information structure and semantic processing*. S. Featherston, R. Hörmig, S. von Wietersheim, S. Winkler (eds.). De Gruyter, 2019. Pp. 71–104.

Hartmann, Heycock, 2017 – Hartmann J.M., Heycock C. Variation in copular agreement in Insular Scandinavian. *Syntactic variation in insular Scandinavian*. H. Thráinsson, C. Heycock, H.P. Petersen, Z.S. Hansen (eds.). John Benjamins, 2017. Vol. 1. Pp. 233–275.

Hartmann, Heycock, 2020 – Hartmann J.M., Heycock C. (Morpho)syntactic variation in agreement: Specificational copular clauses across Germanic. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. Art. 2994.

Himmelreich, Hartmann, 2021 – Himmelreich A., Hartmann K. Agreement with disjointed subjects in German. Talk presented at the Workshop on Agreement in Multivaluation Constructions, May 19–20, 2021, Goethe University, Frankfurt, Germany.

Ionin, Luchkina, 2018 – Ionin T., Luchkina T. Focus on Russian scope: An experimental investigation of the relationship between quantifier scope, prosody, and information structure. *Linguistic Inquiry*. 2018. Vol. 49. No. 4. Pp. 741–779.

Marušič et al., 2015 – Marušič F., Nevins A.I., Badecker W. The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 39–77.

Matushansky, 2008 – Matushansky O. A case study of predication. *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5. Held at the University of Nova Gorica (December 1–3, 2006)*. F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Frankfurt am Main, 2008. Pp. 213–239.

Matushansky, 2010 – Matushansky O. Russian predicate case, encore. *Formal studies in Slavic linguistics. Proceedings of Formal description of Slavic languages (FDSL 7.5)*. G. Zybatow et al. (eds.). Frankfurt am Main, 2010. Pp. 117–135.

Mikaelian, 2013 – Mikaelian I. Cardinal numeral constructions and the category of animacy in Russian. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. No. 1. Pp. 71–90.

Newmeyer, 2007 – Newmeyer F.J. Commentary on Sam Featherston, “Data in generative grammar: The stick and the carrot”. *Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 395–399.

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA, 2013.

Polinsky et al., 2013 – Polinsky M., Gallo C.G., Graff P. et al. Subject islands are different. *Experimental syntax and island effect*. J. Sprouse, N. Hornstein. Cambridge, 2013. Pp. 286–309.

Schütze, 1996 – Schütze C. The empirical base of linguistics: Grammaticality judgments and linguistic methodology. Chicago; London, 1996.

Willer-Gold et al., 2016 – Willer-Gold J., Arsenijević B., Batinić M. et al. Conjoint agreement and gender in South Slavic: From theory to experiments to theory. *Journal of the Slavic Linguistics Society*. 2016. Vol. 24. No. 1. Pp. 187–224.

Willer-Gold et al., 2018 – Willer-Gold J., Arsenijević B., Batinić M. et al. When linearity prevails over hierarchy in syntax. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. No. 3. Pp. 495–500.

Xiang et al., 2011 – Xiang M., Harizanov B., Polinsky M., Kravtchenko E. Processing morphological ambiguity: An experimental investigation of Russian numerical phrases. *Lingua*. 2011. Vol. 121. No. 3. Pp. 548–560.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023

The article was received on 10.03.2023

Сведения об авторе / About the author

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, leading researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4439-0613>

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Герасимова Анастасия Алексеевна – ведущий программист Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Anastasia A. Gerasimova – leading specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4686-5598>

E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

УДК: 81-114.4

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-28-52

К.А. Студеникина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Об идентичности морфологических признаков при эллипсисе в русском языке: данные именных групп с сочиненными прилагательными

В статье поднимается проблема идентичности морфологических признаков при эллипсисе для русских именных групп с сочиненными прилагательными. На материале ряда языков было показано, что при сочинительном сокращении некоторые морфологические характеристики удаляемой и озвучиваемой составляющей могут различаться, тогда как для других признаков требуется полное совпадение. Анализ русских именных групп с сочиненными модификаторами предполагает наличие сочинительного сокращения, однако не устанавливает требований на идентичность признаков удаляемого и озвучиваемого существительного. В работе мы анализируем требование на идентичность таких именных признаков, как число и падеж, с помощью корпусных и экспериментальных методов. Результаты эксперимента показывают, что различие числа конъюнктов мало приемлемо при сочинении именных групп без числительных (единственное число vs. множественное число существительного), однако возможно при сочинении количественных групп с малыми и большими числительными (бесчисловая форма vs. множественное число в соответствии с анализом Д. Песецкого). Если существительные в именных группах без числительных отличаются признаком числа, то в количественных именных группах конфликта признаков не наблюдается. При сочинении именной группы множественного числа без числительного и количественной группы с большим числительным признак числа существительного совпадает, однако

различается признак падежа (внешний падеж vs. генитив), из-за чего такие сочинительные конструкции оказываются неприемлемы. Таким образом, сочинительное сокращение для русских именных групп с сочиненными прилагательными возможно при отсутствии конфликта признаков числа и при идентичности признака падежа удаляемого и озвучиваемого существительного.

Ключевые слова: экспериментальный синтаксис, сочинение, эллипсис, русский язык, синтаксис именных групп, синтаксис количественных групп, согласование

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/> Автор выражает благодарность Екатерине Анатольевне Лютиковой и Анастасии Алексеевне Герасимовой за помощь и поддержку на всех этапах работы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Студеникина К.А. Об идентичности морфологических признаков при эллипсисе в русском языке: данные именных групп с сочиненными прилагательными // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 28–52. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-28-52

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-28-52

K. Studenikina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Towards the feature identity for ellipsis in Russian: Evidence from noun phrases with coordinated adjectives

This paper deals with the problem of feature identity in Russian noun phrases with coordinated modifiers. The data from various languages shows that ellipsis allows mismatch of some morphological features for the elided and the spelled-out constituents while other features must match. The studies of Russian noun phrases with coordinated modifiers propose ellipsis analysis but does not determine the constraints on feature identity for the elided

and the spelled-out noun. In this paper, we analyze the identity of such noun features as number and case by conducting a corpus study and a self-paced acceptability experiment. The results demonstrate that the difference in number is unacceptable for conjuncts without numerals (singular vs. plural nouns) but acceptable with paucal and other numerals (numberless vs. plural nouns according to D. Pesetsky's analysis). The noun number features mismatch in noun phrases without numeral, but number features in numeral phrases do not conflict. The coordination of a noun phrase without numeral and a numeral phrase is also unacceptable. While the nouns in both conjuncts are plural, the case is different (external case vs. genitive). Thus, the ellipsis in Russian noun phrases with coordinated modifiers requires the lack of number feature conflict and the case identity for the elided and the spelled-out nouns.

Key words: experimental syntax, coordination, ellipsis, Russian, syntax of noun phrases, syntax of numeral phrases, agreement

Acknowledgments. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

I am grateful to Ekaterina A. Lyutikova and Anastasia A. Gerasimova for their help and support at all stages of work.

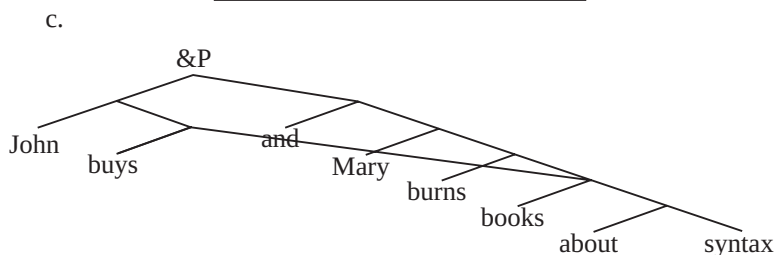
FOR CITATION: Studenikina K. Towards the feature identity for ellipsis in Russian: Evidence from noun phrases with coordinated adjectives. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 28–52. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-28-52

1. Идентичность структуры при сочинительном сокращении

В формальном синтаксисе представлено три подхода к анализу неклаузуального сочинения [Grosz, 2015]. Согласно первому подходу, в синтаксической структуре происходит сочинение двух более крупных конъюнктов, содержащих частично совпадающий материал. В фонологическом компоненте из двух совпадающих единиц озвучивается только вторая (1a). В соответствии со вторым подходом происходит АТВ-передвижение (Across-the-Board). При данном типе передвижения составляющая выдвигается из двух конъюнктов одновременно (1b). Последний вариант анализа состоит в наличии в синтаксической структуре составляющих, общих для двух конъюнктов и в некотором смысле разделяемых ими (multidominant structure, (1c))

- (1) a. [John buys ~~<books about syntax>~~], and [Mary burns **books about syntax**].

(1) b. [[John buys t_3], and [Mary burns t_3]] **books about syntax**₃.

‘Джон покупает, а Мэри сжигает книги по синтаксису.’

[Grosz, 2015, p. 2]

Подходы, постулирующие АТВ-передвижение или общую структуру, опираются на допущение, что совпадающий материал должен быть идентичен, что выражается в совпадении морфологических признаков. При эллипсисе в ряде случаев допускается несовпадение морфологических признаков элидируемой и озвучиваемой составляющей. Данная особенность сочинительного сокращения была изначально отмечена на материале несовпадения залоговых характеристик для глагольного эллипсиса в английском языке [Hardt, 1993]. В примере (2) эллипсис оказывается возможен несмотря на то, что в первом конъюнкте используется активный залог, а во втором – пассивный. Позднее возможность различия морфологических признаков при сочинительном сокращении отмечалась для подъема правого узла в глагольной области (Right Node Raising). Пример (3) из французского языка демонстрирует, что сочинительное сокращение именной группы оказывается возможным при различии артиклей: в первом конъюнкте используется неопределенный артикль *une*, во втором – партитивный артикль *de* [Abeillé et al., 2016]. Тот факт, что различия грамматических признаков не препятствуют эллипсису, связывается с удалением совпадающего материала в фонологическом компоненте, а не в синтаксическом. Тем не менее, различие некоторых морфологических признаков оказывается препятствием для эллипсиса. Так, в русском языке при различии падежных характеристик именных групп в конструкциях с подъемом правого узла сочинительное сокращение оказывается невозможно (4) [Тестелец, 2011].

(2) This information could **have been released** by Gorbachov, but he chose not to ~~release~~ it.

‘Эта информация могла бы быть обнародована Горбачевым, но он предпочел этого не делать.’ [Hardt, 1993, p. 88]

(3) Il y a	des	langues	qui	ont	une
есть	PART.PL ¹	языки	REL.SBJ	иметь	INDEF
flexion		casuelle,			
окончание		падеж			
et des		langues	qui	n'	ont pas,
и	PART.PL	языки	REL.SBJ	NEG	иметь NEG
de	flexion	casuelle.			
INDEF	окончание	падеж			

‘Существуют языки, где есть падежные окончания, и где их нет.’ [Abeillé et al., 2016, p. 5]

- (4) * Они не избегали ~~этих разговоров~~ (род. п.), а, наоборот, поддерживали **эти разговоры** (вин. п.). [Тестелец, 2011, с. 658]

При анализе конструкций с подъемом правого узла в именной области – именных групп с сочиненными модификаторами – также применимы подходы с эллипсисом, АТВ-передвижением и общей структурой. Аналогично глагольной области, при АТВ-передвижении и общей структуре морфологические признаки совпадающего материала – существительного – в обоих конъюнктах должны быть идентичны. Из трех подходов только эллипсис допускает, что признаки элидируемого и озвучиваемого существительного могут не совпадать.

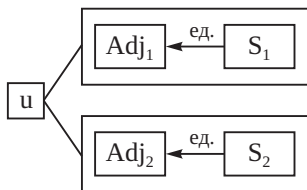
Чтобы определить синтаксическую структуру именных групп с сочиненными модификаторами, используется возможность согласования с ближайшим конъюнктом (Closest Conjoint Agreement). При такой стратегии согласования наблюдается сочинение двух прилагательных различного числа, при этом существительное находится только во втором конъюнкте, число существительного и второго прилагательного совпадает. Диагностика опирается на предположение, что значения признака числа могут различаться, если удаление совпадающих существительных происходит в фонологическом компоненте [Shen, 2018]. Пример (5) показывает, что в болгарском языке сочинение прилагательных различного числа в конструкциях с подъемом правого узла в именной области оказывается неграмматично. На этом основании Б. Харизанов и В. Грибанова постулируют отсутствие эллипсиса и наличие АТВ-передвижения [Harizanov, Gribanova, 2015]. Однако, на наш взгляд, неграмматичность согласования с ближайшим конъюнктом не может использоваться в качестве аргумента против сочинительного сокращения. Можно предположить, что в рассматриваемом языке эллипсис происходит только при сочинении конъюнктов, одинаковых по числу.

¹ Список условных обозначений: INDEF – неопределенный артикль, n – средний род, NEG – отрицание, PART – партитивный артикль, PL – множественное число, REL.SUBJ – субъектное относительное местоимение, SG – единственное число.

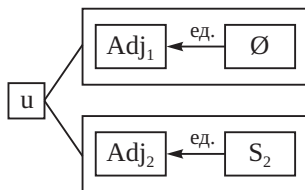
- (5) а. *българск-о **правителство** и гръцк-и
 болгарский-SG.N правителство и греческий-PL
правителств-а
 правителство-PL
 int.: 'болгарское правительство и греческие правительства'
- б. * българск-и **правителства** и гръцк-о
 болгарский-PL правителство и греческий-SG.N
правителств-о
 правителство-SG
 int.: 'болгарские правительства и греческое правительство'
 [Harizanov, Gribanova, 2015, p. 122]

Предположение о наличии эллипсиса существительного было сделано для русских именных групп с сочиненными модификаторами. Анализ данной конструкции впервые был представлен в работе С.В. Кодзасова (1987) в рамках модели «Смысл ↔ Текст». Предлагается считать, что в глубинной структуре сочиняются две именные группы, состоящие из прилагательного и существительного единственного числа (6а). Существительные являются лексически тождественными. На поверхностно-синтаксическом уровне присутствует только существительное во втором конъюнкте, тогда как позицию вершины в первом конъюнкте занимает пустая категория (6б). Позднее анализ русских именных групп с сочиненными модификаторами был предложен в работе О.И. Беляева, М. Далримпл и Дж.Дж. Лоу (2015) в рамках лексико-функциональной грамматики (ЛФГ). Исследователи постулируют, что дистрибутивность признаков CONCORD, которые в ЛФГ регулируют атрибутивное согласование, может быть параметром межъязыкового варьирования. Утверждается, что f-структура для именной группы *красный и белый флаг* будет примерно эквивалентна f-структуре для группы *красный флаг и белый флаг*.

(6) а.

б.

Если принимать анализ с наличием эллипсиса, остается открытым вопрос о том, какие ограничения накладываются на сочинительное сокращение в данной конструкции. Наиболее важным представляется

выяснить, возможно ли различие признака числа и падежа для элидируемого и озвучиваемого существительного.

Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы проверить, возникают ли ограничения на эллипсис при различии морфологических признаков элидируемого и озвучиваемого существительных, или же различие признаков окажется допустимым. В разделе 2 содержится подробный анализ того, как различные комбинации признаков числа и падежа влияют на приемлемость сочинительного сокращения для русских именных групп с сочиненными модификаторами. В подразделе 2.1 описаны корпусное исследование на материале Национального корпуса русского языка. В подразделе 2.2 приведено экспериментальное исследование. В разделе 3 содержатся выводы.

2. Анализ русских именных групп с сочиненными модификаторами

Наша цель состоит в том, чтобы проверить, возникают ли ограничения на эллипсис для именных групп с сочиненными модификаторами при различии морфологических признаков совпадающих существительных или же различие признаков окажется допустимым.

В первую очередь необходимо сравнить приемлемость именных групп с различным соотношением признака числа: оба конъюнкта имеют признак единственного числа (7а); оба конъюнкта множественного числа (7b); первый конъюнкт единственного числа, второй – множественного (8а); первый конъюнкт множественного числа, второй – единственного (8b). В том случае, если предложения с совпадающим и различным значением признака числа конъюнктов будут одинаково приемлемыми, мы сможем сделать вывод, что различие признака числа не влияет на допустимость эллипсиса в исследуемых конструкциях. Однако если конструкции с прилагательными, различными по числу, будут менее приемлемыми, чем с прилагательными, совпадающими по числу, можно будет сделать вывод о том, что сочинительное сокращение требует идентичности числа элидируемого и озвучиваемого существительного.

- (7) а. большой ~~стол~~ и маленький **стол**
б. большие ~~столы~~ и маленькие **столы**
- (8) а. большой ~~стол~~ и маленькие **столы**
б. большие ~~столы~~ и маленький **стол**

Различие существительных по числу может наблюдаться также при наличии малых и больших числительных. Форма существительного при

числительных *два, три, четыре* и составных числительных, которые оканчиваются на *два, три, четыре*, совпадает с формой единственного числа генитива, а при остальных числительных – с формой множественного числа генитива [РГ, 1980; Сичинава, 2012]. Форму существительного при малых числительных можно считать особой формой паукального числа [Bailyn, Nevins, 2008] или бесчисловой формой генитива [Pesetsky, 2013]. При сочинении количественных групп с числительными одинакового типа форма существительных в обоих конъюнктах совпадает (9). Однако при сочинении групп с числительными разного типа форма существительных различается (10).

(9) а. два больших **стола** и три маленьких **стола**

б. пять больших **столов** и шесть маленьких **столов**

(10) а. два больших **стола** и шесть маленьких **столов**

б. пять больших **столов** и три маленьких **стола**

Мы принимаем анализ русских количественных групп, предложенный Д. Песецким [Pesetsky, 2013]. Утверждается, что признак числа принимает значения $[\pm\text{SINGULAR}]$. В большинстве случаев существительное вступает в деривацию уже с признаком числа, и числовая вершина N_{ВР} присоединяется синтетически. Однако в количественных конструкциях с малыми числительными происходит аналитическое присоединение вершины N_{ВР} перед добавлением остальных зависимых. В них существительные не имеют признака числа и представляют собой бесчисловые (*numberless*) формы. Малые числительные *два, три, четыре* являются аналитическим выражением числового признака и маркерами наличия двух, трех или четырех объектов (аналогично двойственному числу). Таким образом, для существительного определены следующие формы: (i) бесчисловая – счетная форма, которая присоединяет морфему N_{ВР} (*два, три, четыре*), (ii) $[\text{+SINGULAR}]$ – форма единственного числа, (iii) $[\text{–SINGULAR}]$ – форма множественного числа.

Таким образом, существительные в конструкциях с малыми числительными не обладают признаком числа, а в конструкциях с большими числительными имеют признак множественного числа $[\text{–SINGULAR}]$. При сочинении количественных групп с числительными одинакового типа существительные в обоих конъюнктах одинаково охарактеризованы по числу, препятствий для сочинительного сокращения возникнуть не должно. Однако при сочинении групп с числительными разного типа существительное в одном конъюнкте будет охарактеризовано по числу, в другом – нет. Данная конфигурация отличается от сочинения именных групп без числительных, где существительные в обоих конъюнктах

имеют разные числовые признаки. Следовательно, сравнение конструкций с числительными и без числительных позволит понять, как различие признаков числа и отсутствие конфликта признаков будет влиять на возможность сочинительного сокращения.

Кроме того, мы проанализируем сочиненные конструкции, где конъюнкты различаются наличием числительного: один из конъюнктов является именной группой без числительного, а другой – количественной группой с большим числительным (11). В этом случае существительные в обоих конъюнктах будут стоять во множественном числе, но будут различаться падежными характеристиками. Данная конфигурация позволит понять, как влияет несовпадение падежа на допустимость сочинительного сокращения.

(11) а. три больших **стола** и маленькие **столы**

б. большие **столы** и три маленьких **стола**

Данный раздел содержит описание корпусного (подразд. 2.1) и экспериментального (подразд. 2.2) исследования, которые направлены на изучение идентичности морфологических признаков при эллипсисе в русском языке на материале именных групп с сочиненными прилагательными.

2.1. Корпусное исследование

Мы обратились к данным Национального корпуса русского языка и проанализировали три группы конструкций, где различаются признаки элидируемого и озвучиваемого существительного: именные группы с сочиненными прилагательными без числительных, именные группы с сочиненными прилагательными с числительными разных типов, сочинение именной и количественной группы.

Для анализа именных групп с сочиненными модификаторами без числительных были проанализированы первые 10 страниц поисковой выдачи по двум запросам: (i) прилагательное единственного числа, союз *и*, прилагательное множественного числа, существительное множественного числа; (ii) прилагательное множественного числа, союз *и*, прилагательное единственного числа, существительное единственного числа.

Результаты первого запроса показали, что конструкции с единственным числом первого прилагательного и множественным числом второго прилагательного возможны и встречаются довольно часто: при анализе первых 10 страниц поисковой выдачи в корпусе было найдено 36 подходящих примеров (12), (13). Примеры, где первый конъюнкт стоит во множественном числе, а второй – в единственном, встречаются в корпусе гораздо реже: на первых 10 страницах было обнаружено

только 2 примера, структура которых соответствует целевому запросу: (14), (15). Кроме того, их интерпретация неоднозначна. Можно предположить, что в примере (14) контролером эллипсиса является слово *суды* в первом конъюнкте. В примере (15) также возможна интерпретация, где прилагательное *исходные* является субстантивированным, и его именная вершина в принципе отсутствует.

В соответствии с корпусными данными, согласование с ближайшим конъюнктом и сочинительное сокращение должно быть более приемлемо в том случае, если первый конъюнкт имеет признак единственного числа, а второй – признак множественного числа. В конструкциях, где первый конъюнкт стоит во множественном числе, а второй – в единственном, вероятно, допустимость эллипсиса должна снижаться.

- (12) Подоконники были плотно заставлены, и глянцеви́тая армия перебиралась на **обеденный стол и письменные столы**, опускалась на пол. (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир. 2000)
- (13) 3-й и 4-й этапы НИР: **теоретическое исследование и экспериментальные исследования**. (Технологии извлечения знаний на службе научно-исследовательской деятельности в вузе // Информационное общество. 2016)
- (14) Уже созданы основные ветви судопроизводства – суды общей юрисдикции, **арбитражные суды и Конституционный суд**. (Светлана Сухова. Конституция и революция // Итоги. 2003.03.04]
- (15) Математическое влияние имеет место в случае, когда **исходные показатели и расчетный показатель** имеют числовое представление. (Д.Б. Аракчеев. Разработка СППР-технологий для аналитической поддержки принятия управленческих решений в природопользовании (2003) // Геоинформатика. 18.06.2003)

Данные НКРЯ показывают, что конструкции с числительными различного типа оказываются довольно частотными. По запросу, включавшему малое числительное (*два, три или четыре*), прилагательное, союз *и*, большое числительное (*пять, шесть или семь*), прилагательное и существительное, был найден 21 пример, из которых 18 содержали искомые конструкции. Для запроса, где первый конъюнкт содержал большое числительное, а второй – малое, было найдено 25 примеров, среди которых 20 имели подходящую структуру. В силу частотности таких конструкций мы ожидаем, что сочинение количественных групп

с числительными разного типа, где существительные различаются наличием признака числа, не должно стать препятствием для эллипсиса.

Для анализа конструкций, где один из конъюнктов – именная группа, а другой – количественная, мы также провели поиск соответствующих примеров в НКРЯ. Запрос включал прилагательное во множественном числе, союз *и*, числительное (*пять, шесть* или *семь*), прилагательное и существительное. Среди 55 найденных примеров только один содержал искомую конструкцию, тогда как в остальных примерах первому прилагательному предшествовало числительное. В найденном примере первое прилагательное стоит в генитиве, как и второе прилагательное, т.е. различия падежных характеристик не наблюдается (16). В соответствии с предшествующими выводами Я.Г. Тестельца (2011), различие падежных характеристик в большей степени должно препятствовать сочинительному сокращению, чем несовпадение признака числа.

- (16) Во время разбора дела Бейлиса в залу судебного заседания будут допущены лишь представители **столичных газет** и **пяти иностранных газет**. (Вести (20.09.1913) // Мариупольская жизнь. 1913)

Корпусное исследование позволяет получить поверхностные данные о частотности определенных конструкций. Однако корпус содержит только приемлемые предложения и не дает возможности проверить, как различие морфологических характеристик существительных влияет на возможность сочинительного сокращения. Для того чтобы количественно оценить влияние идентичности признаков на допустимость эллипсиса в конструкциях с подъемом правого узла в именной области, было проведено экспериментальное исследование.

2.2. Экспериментальное исследование

Раздел имеет следующую структуру: первая часть содержит описание дизайна эксперимента, вторая часть – проведенный статистический анализ результатов, третья – содержательные выводы эксперимента.

2.2.1. Дизайн эксперимента

В экспериментальном исследовании использовался неполный факторный дизайн ($2 \times 2 \times 2 + 2$). В качестве независимых переменных рассматривались соотношение числа конъюнктов (совпадает/различается), число существительного во втором конъюнкте: (единственное (паукальное) / множественное) и наличие числительного во втором конъюнкте (с числительным / без числительного). Отдельно были добавлены два

условия, где существительное во втором конъюнкте имеет форму множественного числа, и разница между конъюнктами состоит в наличии числительного: числительное присутствует в первом либо во втором конъюнкте. Пример экспериментального блока и краткое описание условий представлены в (17).

- (17) а. [совпадает, единственное число, без числительного]
Антон положил **красный и зеленый карандаш** в новый пенал.
- б. [совпадает, множественное число, без числительного]
Антон положил **красные и зеленые карандаши** в новый пенал.
- с. [различается, единственное число, без числительного]
Антон положил **красные и зеленый карандаш** в новый пенал.
- д. [различается, множественное число, без числительного]
Антон положил **красный и зеленые карандаши** в новый пенал.
- е. [совпадает, паукальное число, с числительным]
Антон положил **два красных и три зеленых карандаша** в новый пенал.
- ф. [совпадает, множественное число, с числительным]
Антон положил **пять красных и шесть зеленых карандашей** в новый пенал.
- г. [различается, паукальное число, с числительным]
Антон положил **пять красных и три зеленых карандаша** в новый пенал.
- х. [различается, множественное число, с числительным]
Антон положил **два красных и шесть зеленых карандашей** в новый пенал.
- и. [разница в наличии числительного, множественное число, без числительного]
Антон положил **пять красных и зеленые карандаши** в новый пенал.
- й. [разница в наличии числительного, множественное число, с числительным]
Антон положил **красные и шесть зеленых карандашей** в новый пенал.

Для каждого из 10 условий было использовано по три лексикализации, что в сумме дает 30 стимульных предложений. Также было добавлено 30 филлеров, среди которых было 15 грамматичных и 15 неграмматичных предложений, последние содержали ошибки согласования.

Филлеры включали предложения с сочинением существительных (18) и предложения с количественной группой (19).

(18) а. Тимофей помог **местным инженерам и рабочим** в экономический кризис.

б. * Тимур поддался **многочисленным просьбам и убеждениям** насчет программы мероприятия.

(19) а. Валентин заговорил о **трех новых одноклассниках** со своими друзьями.

б. * Максим доложил о **семи технических проблеме** на ежедневном обсуждении.

В качестве методик в эксперименте использовались оценка приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 с текстовым форматом представления стимулов и чтение с саморегуляцией скорости. Эксперимент был реализован на платформе PennController for IBEX [Zehr, Schwarz, 2018]. Поскольку респондентам необходимо было вначале пословно прочитать предложение и затем оценить его приемлемость, результатом эксперимента стали не только опосредованные (offline) данные о приемлемости исследуемых конструкций, но и непосредственные (online) сведения об их восприятии. Мы ожидаем, что при низких оценках приемлемости будут возникать задержки при чтении, что может свидетельствовать о сложности анализа соответствующего предложения. В следующем разделе мы рассмотрим результаты эксперимента и проведем их статистический анализ.

2.2.2. Статистический анализ результатов

В эксперименте приняли участие 97 человек. Для привлечения испытуемых использовался ресурс Яндекс.Толока (<https://toloka.yandex.ru/>). Поиск респондентов с отклоняющимися значениями ответов осуществлялся с помощью трех фильтров: по тренировочным предложениям и филлерам, по времени ответа и по отдельным оценкам респондента [Герасимова, 2021]. При отборе респондентов были отсеяны 15 участников: данные 2 человек были удалены по результатам сравнения оценок тренировочных предложений со стандартом; 1 человек показал слишком высокую скорость ответа (38 из 58 ответов даны быстрее, чем за 300 мс); 4 человека оказались «позитивными» респондентами и для большинства предложений использовали только верхнюю часть шкалы; 2 человека использовали только одну оценку более чем для 30 предложений; ответы 2 человек включали только верхний и нижний край шкалы и были слишком быстрыми; 1 человек выставил одну и ту же

оценку для 41 предложения и также продемонстрировал высокую скорость ответов.

После удаления выбросов осталось 85 респондентов, чьи результаты учитывались при статистическом анализе. Средний возраст испытуемых составил 39 лет ($sd = 10$). Среди респондентов было 32 женщины и 53 мужчины; 3 человека, чей род деятельности связан с языком, и 82 человека, по профессии не связанных с языком; 6 человек со средним образованием, 29 человек со средним специальным образованием, 11 человек с неоконченным высшим образованием, 39 человек с высшим образованием. В таблице 1 представлено распределение респондентов по листам до и после удаления выбросов.

Таблица 1

Распределение респондентов по экспериментальным листам
[Respondents distribution for experimental lists]

Номер листа [List number]	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J
Количество респондентов до удаления выбросов [Number of respondents before outliers removed]	11	9	10	9	10	11	10	11	9	10
Количество респондентов после удаления выбросов [Number of respondents after removing outliers]	9	8	8	8	9	10	8	9	8	8

Для выявления значимости факторов мы провели регрессионный анализ с помощью линейных смешанных моделей со случайными отрезками [Gries, 2021]. В качестве случайных эффектов использовались номер респондента и номер лексикализации. Модель с максимальным количеством фиксированных факторов (соотношение числа конъюнктов, число второго конъюнкта, наличие числительного во втором конъюнкте и их взаимодействие) сравнивалась с моделями, где было использовано меньшее число фиксированных факторов, с помощью теста отношения правдоподобия. В итоге была выбрана модель с максимальным набором фиксированных факторов, которая демонстрировала значимое различие с остальными моделями в сторону более низкого значения информационного критерия Акаике (AIC). Для определения уровня значимости фиксированных факторов использовалась библиотека *lmerTest* [Kuznetsova et al., 2016]. После подбора подходящей модели было проведено попарное сравнение условий с помощью пакета *emmeans* с поправкой Тьюки [Lenth et al., 2019]. Далее мы отдельно рассмотрим регрессионный анализ для оценок приемлемости и для времени чтения.

Линейная смешанная модель для анализа оценок приемлемости включала такие фиксированные факторы, как соотношение числа конъюнктов, число второго конъюнкта, наличие числительного во втором конъюнкте, а также их взаимодействие. При сравнении выбранной модели с моделью, в которой точно такие же случайные эффекты, а фиксированных эффектов нет, наблюдается значимое различие (LR-test = 472,73, df = 9, p -value $\ll 0,0001$). Каждый фактор по отдельности оказывает значимое влияние на приемлемость предложений: соотношение числа конъюнктов ([различается $\rightarrow$ разница в наличии числительного] $\beta = -0,65$, SE = 0,07, $t = -9,7$, p -value $\ll 0,0001$, [разница в наличии числительного $\rightarrow$ совпадает] $\beta = 0,8$, SE = 0,07, $t = 11,98$, p -value $\ll 0,0001$), число второго конъюнкта ($\beta = -0,34$, SE = 0,07, $t = -5,1$, p -value $\ll 0,0001$), наличие числительного во втором конъюнкте ($\beta = 0,66$, SE = 0,07, $t = 9,89$, p -value $\ll 0,0001$).

Значимым оказывается взаимодействие факторов числа второго конъюнкта и наличия числительного во втором конъюнкте ($\beta = 0,38$, SE = 0,09, $t = 4,01$, p -value $\ll 0,0001$). Наличие числительного оказывается значимым только при определенном соотношении числа конъюнктов (соотношение числа конъюнктов [разница в наличии числительного $\rightarrow$ совпадает] и наличие числительного во втором конъюнкте ($\beta = -0,72$, SE = 0,09, $t = -7,67$, p -value $\ll 0,0001$), соотношение числа конъюнктов [различается $\rightarrow$ разница в наличии числительного] и наличие числительного во втором конъюнкте ($\beta = -0,18$, SE = 0,09, $t = -1,93$, p -value = 0,0547)). Число второго конъюнкта не оказывает значимого влияния на приемлемость при различном соотношении числа конъюнктов ([разница в наличии числительного $\rightarrow$ совпадает] $\beta = -0,05$, SE = 0,09, $t = -0,53$, p -value = 0,5938). Взаимодействие всех трех факторов оказывается не значимым ($\beta = -0,02$, SE = 0,13, $t = 0,13$, p -value = 0,9007).

На рисунке 1 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений. Результаты попарного сравнения условий показывают, что при отсутствии числительного в обоих конъюнктах конструкции с совпадающим числом конъюнктов оказываются значимо более приемлемыми, чем с различным признаком числа, как при единственном числе (условия (17a), (17c): $\beta = -0,75$, SE = 0,07, $t = -11,23$, p -value $\ll 0,0001$), так и множественном числе (условия (17b), (17d): $\beta = -0,8$, SE = 0,07, $t = -11,98$, p -value $\ll 0,0001$) второго конъюнкта.

При наличии числительных в обоих конъюнктах соотношение числа конъюнктов, т.е. использование числительных одинакового или разных типов, не оказывает значимого влияния на оценки: это происходит при паукальном (условия (17e), (17g): $\beta = -0,01$, SE = 0,07, $t = -0,13$,

$p\text{-value} = 1,0000$) и при множественном числе (условия (17f), (17h): $\beta = -0,08$, $SE = 0,07$, $t = -1,13$, $p\text{-value} = 0,867$) второго конъюнкта.

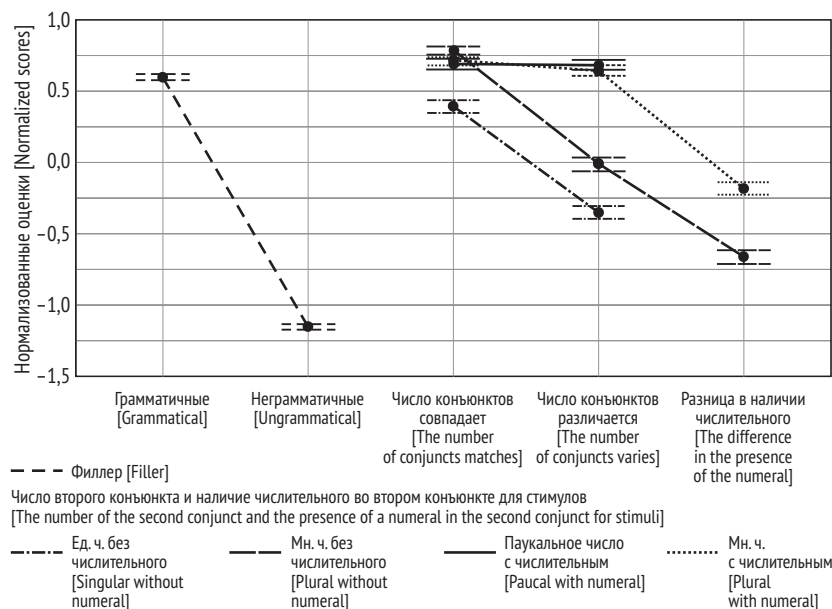

Рис. 1. График взаимодействия для средних оценок филлеров и стимульных предложений

Fig. 1. Interaction plot of mean acceptability scores for fillers and stimuli

Конструкции без числительного получают более высокие оценки при единственном числе второго конъюнкта как в случае совпадения (условия (17a–b): $\beta = 0,39$, $SE = 0,07$, $t = 5,86$, $p\text{-value} \ll 0,0001$), так и в случае различия числа конъюнктов (условия (17c–d): $\beta = 0,34$, $SE = 0,07$, $t = 5,1$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). При наличии двух числительных оказывается одинаковой приемлемость конструкций с паукальным (условия (17e–f): $\beta = 0,03$, $SE = 0,07$, $t = 0,42$, $p\text{-value} = 0,9982$) и множественным числом (условия (17g–h): $\beta = -0,04$, $SE = 0,07$, $t = -0,58$, $p\text{-value} = 0,9922$) второго конъюнкта.

Наличие числительного в обоих конъюнктах при совпадении числа значительно повышает приемлемость для предложений с единственным (паукальным) числом второго конъюнкта (условия (17a), (17e): $\beta = -0,3$, $SE = 0,07$, $t = -4,48$, $p\text{-value} = 0,0001$), однако оказывается не значимо для предложений с существительным во множественном числе (условия (17b), (17f): $\beta = 0,064$, $SE = 0,07$, $t = 0,96$, $p\text{-value} = 0,7752$).

При различии числа конъюнктов наличие числительного также оказывает значимое влияние на приемлемость конструкций с единственным (паукальным) (условия (17c), (17g): $\beta = -1,04$, $SE = 0,07$, $t = -15,57$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) и с множественным числом (условия (17d), (17h): $\beta = -0,66$, $SE = 0,07$, $t = -9,89$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) второго конъюнкта. При наличии числительного только в одном конъюнкте более приемлемыми оказывается его расположение во втором, а не в первом конъюнкте (условия (17i-j): $\beta = 0,48$, $SE = 0,07$, $t = -7,17$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). Предложения, где числительное присутствует только в первом конъюнкте и отсутствует во втором, оказываются значимо менее приемлемы, чем предложения без числительных как с совпадающим (условия (17b), (17i): $\beta = -1,44$, $SE = 0,07$, $t = -21,69$, $p\text{-value} \ll 0,0001$), так и с различным числом конъюнктов (условия (17d), (17i): $\beta = 0,65$, $SE = 0,07$, $t = 9,7$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). Конструкции с одним числительным, которое расположено во втором конъюнкте, получают значимо более низкие оценки, чем предложения с двумя числительными одинакового типа (условия (17f), (17j): $\beta = -0,9$, $SE = 0,07$, $t = -13,56$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) и различных типов (условия (17h), (17j): $\beta = 0,83$, $SE = 0,07$, $t = 12,41$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Перейдем к анализу результатов, полученных при чтении с саморегуляцией скорости. В таблице 2 представлено деление предложений по словам в зависимости от количества и расположения числительных. Наибольшие различия во времени реакции ожидаются для существительного. Оно является пятым словом в предложениях без числительных, шестым словом в предложениях с одним числительным и седьмым словом в предложениях с двумя числительными.

Оптимальная линейная смешанная модель включала такие фиксированные факторы, как соотношение числа конъюнктов и наличие числительного во втором конъюнкте, а также их взаимодействие. Мы провели сравнение данной модели с моделью, где также учитывается число второго конъюнкта и взаимодействие этого фактора с остальными, с помощью теста отношения правдоподобия. Однако разница между данными моделями оказалась не значима (LR-test = 2,626, $df = 4$, $p\text{-value} = 0,6222$). При сравнении выбранной модели с моделью, в которой точно такие же случайные эффекты, а фиксированных эффектов нет, наблюдается значимое различие (LR-test = 59,669, $df = 5$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Результаты применения линейных смешанных моделей показали, что наличие числительного во втором конъюнкте оказывает значимое влияние на время чтения существительного ($\beta = -186,92$, $SE = 32,76$, $t = -5,71$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). Соотношение числа конъюнктов оказывает значимым только для некоторых типов условий (Разница в наличии

Таблица 2

Деление по словам при чтении с саморегуляцией скорости
[Sentence split for self-paced reading]

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Без числительного [Without numeral]	Noun ₁ Антон	Verb положил	Adj ₁ красный	& Adj ₂ и зеленый	Noun ₂ карандаш	P в	Adj ₃ новый	Noun ₃ пенал		
Числительное в 1-м конъюнкте [Numeral in the 1st conjunct]			Num пять	Adj ₁ красных	& Adj ₂ и зеленые	Noun ₂ карандаши	P в	Adj ₃ новый	Noun ₃ пенал	
Числительное во 2-м конъюнкте [Numeral in the 2nd conjunct]			Adj ₁ красные	& Num и пять	Adj ₂ зеленых	Noun ₂ карандашей				
Два числительных [Two numerals]			Num пять	Adj ₁ красных	& Num и шесть	Adj ₂ зеленых	Noun ₂ карандашей	P в	Adj ₃ новый	Noun ₃ пенал

числительного → совпадает] $\beta = -199,37$, $SE = 32,77$, $t = -6,08$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, [различается → разница в наличии числительного] $\beta = -66,32$, $SE = 40,11$, $t = -1,65$, $p\text{-value} = 0,0993$). На время чтения также значимо влияет взаимодействие данных факторов (наличие числительного и соотношение числа конъюнктов [разница в наличии числительного → совпадает] $\beta = 165,95$, $SE = 46,31$, $t = 3,58$, $p\text{-value} = 0,0004$, наличие числительного и соотношение числа конъюнктов [различается → разница в наличии числительного] $\beta = 143,73$, $SE = 56,70$, $t = 2,54$, $p\text{-value} = 0,0118$).

На рисунке 2 представлена столбчатая диаграмма средних значений для времени чтения существительного. Попарные сравнения условий демонстрируют следующие различия. При отсутствии числительного значимая задержка при чтении наблюдается для существительных в конструкциях с различным числом конъюнктов в отличие от конструкций с совпадающим числом конъюнктов ($\beta = 199,4$, $SE = 32,8$, $t = 6,08$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). В предложениях с двумя числительными данный контраст не наблюдается ($\beta = 33,4$, $SE = 32,7$, $t = 1,021$, $p\text{-value} = 0,5642$).

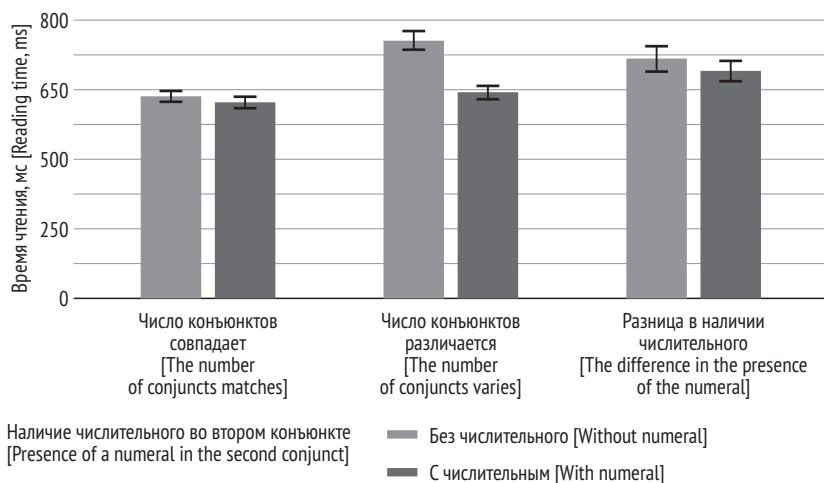

Рис. 2. Средние значения времени чтения существительного

Fig. 2. Mean reading time for noun

Конструкции, где разница между конъюнктами состоит в наличии числительного, демонстрируют задержку при чтении существительного, однако ее размер не зависит от того, какой из конъюнктов содержит числительное ($\beta = 43,2$, $SE = 46,3$, $t = 0,933$, $p\text{-value} = 0,3514$).

Предложения, где числительное присутствует в первом конъюнкте и отсутствует во втором, демонстрируют значимое различие во времени чтения существительного по сравнению с конструкциями без числительных при совпадении числа конъюнктов ($\beta = 133$, $SE = 40,1$, $t = 3,319$, $p\text{-value} = 0,0029$), но не при различии числа конъюнктов ($\beta = 66,3$, $SE = 40,1$, $t = 1,654$, $p\text{-value} = 0,225$). Те же зависимости наблюдаются для конструкций, где числительное отсутствует в первом конъюнкте и присутствует во втором: время чтения значимо отличается от конструкций с совпадающим ($\beta = 110,8$, $SE = 40,1$, $t = 2,765$, $p\text{-value} = 0,0166$), но не различным ($\beta = -77,4$, $SE = 40,1$, $t = -1,931$, $p\text{-value} = 0,1318$) числом конъюнктов с двумя числительными.

Значимая задержка при чтении существительного возникает в предложениях с различным числом конъюнктов при отсутствии числительных в сравнении с временем чтения при наличии числительных ($\beta = 186,9$, $SE = 32,8$, $t = 5,707$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). При совпадении числа конъюнктов время чтения существительного значимо не различается при наличии и отсутствии числительных ($\beta = 21,0$, $SE = 32,7$, $t = 0,640$, $p\text{-value} = 0,5224$).

Результаты эксперимента показывают, что при совпадении числа конъюнктов предложения оказываются приемлемы вне зависимости от наличия числительного и от числа существительного. Данные структуры не демонстрируют задержек при чтении существительного.

Конструкции с различным числом конъюнктов более приемлемы при наличии числительного в каждом конъюнкте: один из конъюнктов содержит малое числительное, другой – большое, их порядок не важен. Для конъюнктов различного числа отсутствие числительного снижает приемлемость, наблюдается задержка при чтении существительного. При различии числа конъюнктов более приемлемы предложения с множественным числом существительного во втором конъюнкте, однако единственное число существительного не вызывает задержек при чтении.

Конструкции с разницей в наличии числительного и различием падежа мало приемлемы, особенно низкие оценки получают предложения с числительным в первом конъюнкте. Время чтения существительного для данных структур также оказывается довольно продолжительным.

Теоретические следствия результатов эксперимента будут описаны в следующем разделе.

2.2.3. Содержательные результаты эксперимента

Цель экспериментального исследования состояла в том, чтобы проверить, как идентичность и различие морфологических признаков влияет на возможность сочинительного сокращения в конструкциях с подъемом правого узла в именной области для русского языка.

В соответствии с результатами эксперимента, конструкции без числительных с различным признаком числа конъюнктов оказываются значительно менее приемлемыми, чем с совпадением признака числа. Предложения с совпадающим числом конъюнктов демонстрируют идентичность признака числа существительных. При различии признака числа один из конъюнктов имеет признак единственного числа [+SINGULAR], другой – признак множественного числа [–SINGULAR]. Мы можем сделать вывод о том, что различие числа конъюнктов снижает допустимость сочинительного сокращения.

Количественные конструкции демонстрируют высокую приемлемость вне зависимости от того, какие числительные сочиняются: два больших числительных, два малых числительных или одно большое и одно малое числительное. В соответствии с анализом Д. Песецкого (2013), существительные в конструкциях с большими числительными обладают признаком множественного числа [–SINGULAR], а паучкальная (счетная) форма существительного в конструкциях с малыми числительными не обладает числовым признаком. В отличие от конструкций без числительных, где может возникать конфликт признаков числа, предложения с разными типами числительных такого конфликта не демонстрируют, но и идентичность признаков не наблюдается, поскольку сочетаются числовая и бесчисловая формы существительного. Следовательно, эллипсис возможен не только при полном совпадении числовых признаков существительного, но и при отсутствии конфликта признаков.

Предложения, где сочиняются именная группа без числительного и количественная группа с большим числительным, получают самые низкие оценки и демонстрируют задержки при чтении существительного, что указывает на их неприемлемость в русском языке. В подобных структурах существительные демонстрируют совпадение признака числа (множественное число), но отличаются падежными показателями (внешний падеж vs. генитив). Можно сделать вывод, что идентичность признака падежа является наиболее важным фактором, необходимым для сочинительного сокращения в именной области. Полученный результат коррелирует с представлением о падеже как признаке идентичности при эллипсисе в русском языке, которое было предложено Я.Г. Тестельцом (2011).

Результаты эксперимента показывают, что анализ с наличием эллипсиса, предполагающий удаление существительного в фонологическом компоненте, должен быть дополнен некоторыми ограничениями: для удаляемого и озвучиваемого существительного необходимо постулировать отсутствие конфликта признаков числа и идентичность признаков падежа.

3. Заключение

В данной работе рассматривалась проблема идентичности морфологических признаков при эллипсисе на материале русских именных групп с сочиненными прилагательными.

Традиционно выделяют три подхода к анализу синтаксиса неклаузального сочинения: (i) эллипсис, (ii) АТВ-передвижение, (iii) общая (multidominant) структура [Grosz, 2015]. Первый подход подразумевает сочинение больших конъюнктов и последующее удаление совпадающих элементов в фонологическом компоненте. На материале различных языков было установлено, что различие одних морфологических признаков не является препятствием для эллипсиса [Hardt, 1993; Abeillé et al., 2016], тогда как для других признаков существует требование идентичности [Тестелец, 2011].

Анализ именных групп с сочиненными прилагательными в русском языке, предложенный С.В. Кодзасовым (1987) и О.И. Беляевым с коллегами (2015), предполагает наличие сочинительного сокращения в данной конструкции. В качестве признаков, несовпадение которых может ограничивать допустимость эллипсиса в именной области, мы рассмотрели число и падеж существительного. Если именные группы с сочиненными прилагательными, различными по числовым признакам, будут так же приемлемы, как именные группы с модификаторами, совпадающими по числу, можно говорить о том, что при эллипсисе не возникает ограничений на идентичность числа. Интерес представляют также сочиненные количественные группы, где конъюнкты содержат числительные разных типов (малое и большое). Существительное при малом числительном имеет бесчисловую форму и не маркировано по числу, тогда как при большом числительном имеет признак множественного числа. Сравнение именных и количественных групп позволяет понять, насколько строгое ограничение может накладываться на признак числа: требуется идентичность или отсутствие конфликта признаков. Проверить требование на идентичность признака падежа позволяет анализ конструкций, где один конъюнкт содержит числительное и существительное в генитиве, а в другом конъюнкте числительное отсутствует, и существительное получает внешний падеж.

Проведенное экспериментальное исследование показало, что при сочинении именных групп без числительных различие числа конъюнктов оказывается не вполне приемлемым, о чем свидетельствуют низкие оценки приемлемости и задержки при чтении существительного. Сочинение количественных групп оказывается допустимым для различных типов числительных. Данные конструкции получают высокие оценки приемлемости и не демонстрируют задержки при чтении существительного.

При сочинении именных групп, где числительное присутствует только в одном конъюнкте и существительные различаются по падежу, наблюдаются затруднения респондентов. Они проявляются в низких оценках приемлемости и задержках при чтении существительного.

Результаты исследования позволяют сделать ряд теоретических обобщений. Для именных групп без числительного различие признака числа (единственное vs. множественное) оказывается не вполне допустимым, что говорит о невозможности сочинительного сокращения при различии признака числа. В количественных группах с числительными различных типов, где сочетаются форма множественного числа и бесчисловая форма, эллипсис оказывается приемлем. Следовательно, для эллипсиса требуется не идентичность признака числа, а отсутствие конфликта признаков. При сочинении именных групп без числительного и количественных групп существительное в обоих конъюнктах стоит во множественном числе, однако различается падеж: в именных группах – внешний падеж, в количественных группах – генитив. Данные конструкции оказываются наименее приемлемыми, что подтверждает важность идентичности падежа при сочинительном сокращении.

Требование идентичности падежа также предсказывается другими подходами, описанными в разделе 1: АТВ-передвижение и наличие общей структуры. В диссертации Л. Ибнбари (2014) описано, как они могут объяснить необходимость идентичности падежа существительного в конструкциях с подъемом правого узла в глагольной области. Аналогичные рассуждения могут быть применены для анализа именных групп с сочиненными модификаторами. В отношении признаков числа анализ с АТВ-передвижением требует их полной идентичности и не способен объяснить допустимость согласования с ближайшим конъюнктом. Лексически совпадающее существительное выдвигается из обоих конъюнктов и должно получить признак множественного числа, которым обладает вся сочиненная группа. Следовательно, грамматичность бесчисловой формы не может быть выведена. Анализ, постулирующий наличие общей структуры, подразумевает, что признак числа общей структуры вычисляется как сумма признаков обоих конъюнктов. Он способен объяснить согласование с ближайшим конъюнктом только в том случае, если существительное во втором конъюнкте стоит во множественном числе, однако допустимость бесчисловой формы также не предсказывается.

Таким образом, если мы признаем наличие сочинительного сокращения в русских именных группах с сочиненными модификаторами, необходимо сделать допущение, что для него необходимы отсутствие конфликта признаков числа и идентичность признаков падежа элидируемого и озвучиваемого существительного.

Библиографический список / References

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 08.07.2022). [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktikuma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Кодзасов, 1987 – Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни. М., 1987. С. 204–219. [Kodzasov S.V. Number in coordinated constructions. *Modelirovanie yazykovoï deyatel'nosti v intellektualnykh sistemakh*. A.E. Kibrik, A.S. Narinyani (eds.). Moscow, 1987. Pp. 204–219. (In Rus.)]

РГ, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]

Сичинава, 2012 – Сичинава Д.В. Числительное. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. 2012. [Sichinava D.V. Chislitel'noe. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki [Numeral. Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. Ms. 2012.]

Тестелец, 2011 – Тестелец Я.Г. Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2011. С. 656–667. [Testelet's Ya.G. Case as a characteristic of identity under ellipsis in Russian. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow, 2011. Pp. 656–667. (In Rus.)]

Abeillé et al., 2016 – Abeillé A., Crysmann B., Shiranishi A., Picyn C. Syntactic mismatch in French peripheral ellipsis. *Empirical issues in syntax and semantics*. 2016. Vol. 11. Pp. 1–30.

Bailyn, Nevins, 2008 – Bailyn J., Nevins A. Russian Genitive Plurals are Impostors. *Inflectional Identity*. A. Bachrach, A. Nevins (eds.) Oxford, 2008. Pp. 237–270.

Belyaev et al., 2015 – Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis. *Proceedings of the LFG15 Conference*. M. Butt, T. King (eds.). CSLI Publications, 2015. Pp. 26–46.

Gries, 2021 – Gries S.T. Statistics for Linguistics with R: A Practical Introduction. Berlin, Boston, 2021.

Grosz, 2015 – Grosz P.G. Movement and agreement in right-node-raising constructions. *Syntax*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 1–38.

Hardt, 1993 – Hardt D.F. Verb phrase ellipsis: Form, meaning, and processing. PhD dis. University of Pennsylvania. 1993.

Harizanov, Gribanova, 2015 – Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49. University of Chicago, IL, 2015. Pp. 115–129.

Kuznetsova et al., 2017 – Kuznetsova A., Brockhoff P.B., Christensen R.H. lmerTest package: Tests in linear mixed effects models. *Journal of Statistical Software*. 2017. Vol. 82. No. 13. Pp. 1–26.

Lenth et al., 2019 – Lenth R., Singmann H., Love J. et al. Emmeans: Estimated marginal means, aka least-squares means. R package version 1.4.5. 2019. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/emmeans/index.html> (date of access: 12.02.2023).

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. Russian Case Morphology and the Syntactic Categories. Cambridge, MA, 2013.

Shen, 2018 – Shen Z. Feature arithmetic in the nominal domain. PhD dis. University of Connecticut, Storrs, CT. 2018.

Zehr, Schwarz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. URL: <https://farm.pcbibex.net/> (date of access: 12.02.2023).

Статья поступила в редакцию 30.12.2022

The article was received on 30.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Студеникина Ксения Андреевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; программист Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kseniia A. Studenikina – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4098-7167>

E-mail: xeanst@gmail.com

Д.Д. Белова¹, Т.И. Давидюк^{1, 2}¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация² Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение: экспериментальное исследование на материале русского языка

В статье исследуется согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение, в русском языке. Выбор личного значения предиката в условиях, когда у конъюнктов-подлежащих не совпадает значение признака лица, в языках мира осуществляется в соответствии с иерархией согласования по лицу, представляемой практически универсальным механизмом. Тем не менее, корпусные и экспериментальные данные, представленные в данной статье, показывают, что в русском языке соблюдение иерархии не является строгим правилом. Мы рассматриваем два типа сочиненных подлежащих, рассогласованных по признаку лица: 1) *я и X / X и я*, где *X* – имя собственное мужского рода, и 2) *я и ты / ты и я*. Экспериментальные данные основываются на оценке приемлемости различных вариантов согласования по шкале Ликерта от 1 до 7. В экспериментах были представлены предложения с различным порядком слов (*SV(O) / (O)VS*) и конъюнктов (*я и X / X и я / я и ты / ты и я*). Кроме того, в эксперименты был включен фактор характеристик предиката – временные характеристики и неаккузативность/неэргативность. Во всех экспериментах наиболее высоко оценивалось согласование по 1 лицу множественного числа (для непрошедшего времени) и согласование по множественному числу (для прошедшего времени). Конструкции с таким согласованием также являются наиболее частотными и в собранном корпусном материале.

© Белова Д.Д., Давидюк Т.И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

При порядке слов (O)VS становится возможным согласование с ближайшим конъюнктом. В непрошедшем времени является допустимым согласование по 3 лицу множественному числу, в том числе в экспериментах, в которых ни на одном из конъюнктов нет признака 3 лица. В корпусном материале также можно обнаружить примеры с таким согласованием. Было выявлено, что уровень приемлемости возможных стратегий согласования зависит от факторов порядка слов, порядка конъюнктов и согласовательных характеристик предиката.

Ключевые слова: предикативное согласование, сочиненное подлежащее, ф-признаки, русский язык, экспериментальный синтаксис, корпусное исследование

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>. Мы благодарны А.А. Герасимовой и Е.А. Лютиковой за поддержку и ценные замечания в ходе исследования и при подготовке статьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белова Д.Д., Давидюк Т.И. Согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение: экспериментальное исследование на материале русского языка // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 53–88. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-53-88

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-53-88

D. Belova¹, T. Davidyuk^{1, 2}

¹ Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Agreement with coordinated subjects containing a personal pronoun: Experimental data from Russian

The article examines Russian predicative agreement with a coordinated subject containing personal pronouns. In cases when the conjuncts have different person features, the choice of person agreement is based

on the person hierarchy; it is considered to be an almost universal mechanism. However, the corpus and experimental data presented in this article show that the person hierarchy is not strictly imposed in Russian. We consider the two types of coordinated subjects, mismatched in person: 1) *я и X* 'I and X' / *X и я* 'X and I', where X is a masculine proper name, and 2) *я и ты* 'I and you' / *ты и я* 'you and me'. Six experiments were conducted using 1–7 Likert scale. The experiments presented sentences with different word order (SV(O) / (O)VS) and conjuncts (I and X / X and I / I and you / you and I). In addition, we included the predicate characteristics as separate factors in the experiments – temporal characteristics, unaccusativity/unergativity. In all experiments, 1st person plural agreement (for non-past tense) and plural agreement (for past tense) were rated most acceptable. Sentences with such agreement are also the most frequent in the collected corpus material. With (O)VS word order, first conjunct agreement also becomes possible. In non-past tense, 3rd person plural agreement is also acknowledged, even in experiments, in which none of the conjuncts bears the 3rd person feature. Examples with such agreement have also been found in the corpus. The acceptability level of possible agreement strategies depends on such factors as word order, conjuncts order, and agreement characteristics of the predicate.

Key words: predicate agreement, coordinated subject, the Russian language, experimental syntax, corpus study

Acknowledgments. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

We are grateful to A.A. Gerasimova and E.A. Lyutikova for support and valuable comments during the study and in preparing the article.

FOR CITATION: Belova D., Davidyuk T. Agreement with coordinated subjects containing a personal pronoun: Experimental data from Russian. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 53–88. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-53-88

1. Введение

Данная статья посвящена экспериментальному исследованию предикативного согласования в русском языке. Мы сосредоточимся на согласовании с сочиненным подлежащим, один или оба конъюнкта которого выражены личным местоимением. Традиционно для описания предикативного согласования с сочиненными подлежащими используется термин «правила разрешения» (англ. *resolution rules*): из двух значений признака выбирается одно, соответствующее определенным правилам, вне зависимости от того, какой из конъюнктов является носителем этого

признака [Corbett, 1983a]. Обычно при сочинении конъюнктов, имеющих различные значения признака лица, согласование по лицу разрешается в пользу значения лица, расположенного выше на иерархии лиц $1 > 2 > 3$ [Zwicky, 1977]. Правила разрешения для признака числа состоят в том, что при сочинении двух и более конъюнктов выбирается согласование по множественному числу (если в языке имеется двойственное число, то сочинение двух конъюнктов единственного числа дает согласование по двойственному числу). Правила разрешения для признака рода или класса варьируют от языка к языку.

Согласование с сочиненными структурами представляет интерес для теоретического синтаксиса в нескольких аспектах. Механизм согласования в минимализме связывается с работой операции Agree [Chomsky, 2000, 2001]. С момента появления операции Agree появилось множество подходов к ее формулировке, направленных на решение различных проблем, связанных с моделированием согласования. В частности, дискуссионным остается вопрос о том, является ли Agree синтаксической или постсинтаксической операцией. В последнее время к решению этой проблемы привлекаются данные согласования с сочиненными именными группами. В ряде языков обнаруживается такое явление, как согласование с ближайшим конъюнктом (англ. *closest conjunct agreement*), – феномен, который может сигнализировать о постсинтаксическом характере согласования. Обычно предполагается, что сочиненные именные группы представляют собой асимметричную структуру, в которой первый конъюнкт оказывается структурно выше остальных конъюнктов [Munn, 1993]¹. Таким образом, случаи согласования с ближайшим конъюнктом в языке могут свидетельствовать о том, что линейные отношения задействуются без учета с-командования.

Анализ согласования с ближайшим конъюнктом также не является однозначным. Существует два основных семейства подходов. В подходах первого типа предполагается, что сочиненное подлежащее представляет собой непосредственно сочиненные именные группы. На данном предположении основывается анализ согласования с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS в русском языке, представленный в [Babyonyshev, 1996; Bošković, 2010; Glushan, 2013]. В подходах второго типа утверждается, что при согласовании с первым конъюнктом сочинение конъюнктов-подлежащих на самом деле

¹ Существуют, однако, и другие подходы к структуре сочиненных групп, см., в частности, [Johannessen, 1998].

является не сочинением двух именных групп, а сочинением более крупных структур, каждая из которых содержит соответствующую именную группу. Данный подход применительно к материалу согласования с первым конъюнктом при порядке слов VS в русском языке представлен в [Krejci, 2020].

Сочиненные структуры интересны также с точки зрения взаимодействия признаков отдельных конъюнктов. Данные по этой проблематике могут внести вклад в понимание механизма взаимодействия отдельных признаков и их внутренней структуры. В рамках настоящего исследования нас будут интересовать признаки лица и числа, асимметрия между которыми была продемонстрирована в ряде работ. Так, во многих языках имеются «лично-падежные ограничения» (англ. *Person Case Constraint*, РСС), это явление, при котором формы личных местоимений 1–2 лица не могут встречаться в некоторых комбинациях в качестве актантов предиката (1a–b). Для признака числа, однако, согласно [Nevins, 2011], аналогичного эффекта не зафиксировано. В [Bhatt, 2005; Voeckx, 2008] отмечается, что в языках, в которых предикативное согласование может осуществляться как с субъектом, так и с объектом, объектное согласование, как правило, не включает в себя согласование по лицу, в отличие от субъектного согласования. На основе демонстрируемых различий ф-признаки иногда рассматриваются не как пучок признаков, а как отдельные вершины, имеющие собственный зонд.

(1) ФРАНЦУЗСКИЙ

a. Elle {te / me} le présentera.
она 2sg² 1sg 3sg.masc.acc представит
'Она представит его тебе/мне'.

b. * Elle {te / me} lui présentera.
она 2sg 1sg 3sg.dat представит
Ожид. знач.: 'Она представит тебя/меня ему.'
[Pancheva, Zubizaretta, 2018]

В данной статье мы рассмотрим согласование с сочиненными подлежащими двух типов: 1) вида *я и X / X и я*, где X – имя собственное мужского рода, и 2) вида *я и ты / ты и я*. Исследование согласования с подобными конструкциями способно ответить на ряд вопросов. Во-первых, возможность согласования с ближайшим конъюнктом при

² Список условных сокращений: acc – аккузатив, aux – вспомогательный глагол, dat – датив, fut – будущее время, masc – мужской род, pl – множественное число, sg – единственное число.

различном порядке слов позволит сделать выводы относительно структуры сочиненных групп в русском языке. Кроме того, особенности согласования с ближайшим конъюнктом способны внести вклад в наше понимание данного явления: является ли сочиненная группа в этом случае одной составляющей или нет. Во-вторых, выбор значений числа и лица для предиката может пролить свет на устройство и взаимодействие согласовательных признаков в русском языке.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описываются ранее проведенные экспериментальные исследования, нацеленные на изучение согласования с конъюнктами, не совпадающими по признаку лица. В разделе 3 суммируются сведения о вариативности согласования с сочиненным подлежащим в русском языке и факторах, оказывающих на него влияние. В разделе 4 приводятся корпусные данные о предикативном согласовании с исследуемыми сочиненными подлежащими. В разделе 5 описаны проведенные нами эксперименты и даны их результаты. В разделе 6 приводится заключение.

2. Экспериментальные исследования предикативного согласования с конъюнктами, различающимися по лицу

Предикативное согласование с сочиненным подлежащим неоднократно становилось предметом экспериментальных исследований, однако материал согласования с конъюнктами, различающимися по признаку лица, привлекался в немногих работах. В [Timmermans et al., 2004] исследовалось согласование по лицу в немецком и нидерландском языках с именными группами с сочинительным союзом ‘и’, в которых одним из конъюнктов является личное местоимение 2 лица единственного числа. Сочиненные именные группы, выбранные для экспериментов, представлены в (2): (2a) – для немецкого языка, (2b) – для нидерландского. Респонденты видели на экране компьютера глагол в начальной форме (носителям нидерландского языка предлагались возвратные глаголы, т.к. в парадигме множественного числа обычных глаголов лица не различаются), затем им озвучивалась сочиненная группа, выступающая в качестве подлежащего. Участники эксперимента должны были продолжить предложение, согласовав глагол с подлежащим.

- (2) a. du und er ‘ты и он’ / er und du ‘он и ты’ /
 du und NP_{SG} ‘ты и NP_{SG}’ / NP_{SG} und du ‘NP_{SG} и ты’
 b. jij en hij ‘ты и он’ / hij en jij ‘он и ты’ /
 jij en NP_{SG} ‘ты и NP_{SG}’ / NP_{SG} en jij ‘NP_{SG} и ты’

Результаты эксперимента показали, что согласование по 3 лицу множественного числа при исследуемых конструкциях порождается носителями немецкого и нидерландского чаще, чем согласование по 2 лицу множественного числа. Это противоречит правилам разрешения согласования для категории лица, выявленным в [Corbett, 1983a] на материале различных языков мира: при сочинении конъюнктов, различающихся по лицу, соблюдается иерархия $1 > 2 > 3$ (при сочинении конъюнктов 1 и 2 лица предикат согласуется по 1 лицу, при сочинении конъюнктов 2 и 3 лица предикат согласуется по 2 лицу и т.д.). Положение личного местоимения 2 лица в сочиненной группе (т.е. является ли оно первым конъюнктом или вторым) значимо не повлияло на частотность того или иного типа согласования.

Данные немецкого языка, полученные при помощи экспериментальных методов, рассматриваются также в [Shen, 2020; Himmelreich, Hartmann, 2021]. В перечисленных работах исследуется предикативное согласование с конъюнктами, сочиненными при помощи разделительных союзов *oder* ‘или’ и *entweder ... oder* ‘либо ... либо’. В экспериментальном исследовании [Shen, 2020] участникам предлагалось перечислить варианты для согласования связки с именной группой, сочиненной посредством союза *entweder ... oder* ‘либо ... либо’. Схема стимулов, предлагавшихся респондентам, представлена в (3). В первом эксперименте использовались два типа конъюнктов:

- 1) совпадающие по лицу и числу;
- 2) совпадающие по лицу, но различающиеся по числу.

Во втором эксперименте были представлены конъюнкты, совпадающие по числу и различающиеся по лицу, и конъюнкты, не совпадающие по обоим признакам. Было обнаружено, что даже при наличии рассогласования по лицу и/или по числу между конъюнктами с подобным подлежащим возможно как согласование по правилам разрешения, так и согласование с ближайшим конъюнктом. Недостатком описанного исследования является достаточно ограниченная выборка: количество опрошенных респондентов в первом эксперименте составляет 7 человек, во втором – 12 человек.

(3) <i>Entweder</i>	DP1	<i>oder</i>	DP2	_____	<i>eingelagen</i> .
либо	ИГ1	либо	ИГ2	(вспом. глагол)	приглашен(ы)

Исследование, представленное в [Himmelreich, Hartmann, 2021], рассматривает согласование с подлежащими, сочиненными союзом *oder* ‘или’. В нескольких экспериментах, описанных в работе, один из конъюнктов сочиненного подлежащего представлял собой личное местоимение 1 или 2 лица единственного числа; пример лексикализации для

одного из экспериментов приведен в (4). Участники экспериментов оценивали различные варианты согласования с таким подлежащим по шкале Ликерта от 1 до 4. В одном эксперименте были представлены предложения с порядком слов SV, в другом – предложения с порядком слов VS. Было выявлено, что при конъюнктах, рассогласованных по лицу, наиболее приемлемым является согласование по 3 лицу множественного числа. Стоит отметить, что в немецком языке формы 1 лица и 3 лица множественного числа омонимичны: *wir haben* ‘мы имеем’, *sie haben* ‘они имеют’, поэтому не совсем ясно, почему авторы трактуют такое согласование именно как форму 3 лица множественного числа. Кроме того, для сочиненного подлежащего, одним из конъюнктов которого выступает личное местоимение *du* ‘ты’, исследователи по неизвестным причинам не используют в экспериментальных предложениях вариант согласования по 2 лицу множественному числу. Что касается согласования с ближайшим конъюнктом, то оно более приемлемо при порядке слов VS, нежели при порядке слов SV.

- (4) Ich oder mein Mann werde / wird / werden
 я или мой муж AUX.FUT.1SG / 3SG / 3PL
 morgen vorbeikommen.
 завтра зайти
 ‘Я или мой муж завтра зайду/зайдет/зайдут’.

Таким образом, экспериментальные данные о согласовании с конъюнктами, имеющими разные значения признака лица, имеются для германских языков. Описанные в данном разделе экспериментальные исследования различаются по своей методике: в первых двух исследованиях представлены эксперименты на порождение, тогда как в последнем исследовании используется методика оценки приемлемости предложений. Кроме того, имеются различия в экспериментальном материале по типу союзов и используемому порядку слов.

Приведенные выше исследования показали, что правила разрешения для признака лица, по крайней мере, в германских языках, не так строги: в нескольких случаях при сочинении подлежащих, различающихся по признаку лица, возникает согласование по 3 лицу. Также в некоторых конфигурациях наблюдается согласование с ближайшим конъюнктом, однако его возможность зависит от порядка слов и типа союза. Как будет показано в разделах 3 и 4, согласование с сочиненными подлежащими, в том числе рассогласованными по лицу, в русском языке также демонстрирует некоторую вариативность, что создает мотивацию для исследования материала русского языка в парадигме экспериментального синтаксиса.

3. Вариативность согласования с сочиненным подлежащим в русском языке

Согласование с сочиненным подлежащим в русском языке демонстрирует вариативность, на которую оказывает влияние ряд факторов. В подразделе 3.1 мы обратимся к данным грамматик и научных работ по русскому языку, затрагивающих тему согласования с сочиненными подлежащими, рассогласованными по лицу. В подразделе 3.2 описываются известные из литературы факторы, влияющие на согласование по числу с конъюнктами, совпадающими по признаку лица.

3.1. Согласование по лицу

При сочиненном подлежащем, содержащем личное местоимение, в [РГ, 1980, с. 243–244; Розенталь и др., 1994, с. 272] предполагается наличие согласования по правилам разрешения. Если в состав сочиненного ряда входит личное местоимение 1 лица, то предикативное согласование будет осуществляться по 1 лицу, ср. пример (5). Если одним из конъюнктов выступает личное местоимение 2 лица (при этом второй конъюнкт – не личное местоимение 1 лица), то согласование будет происходить по 2 лицу (6). Если же оба конъюнкта представляют собой личные местоимения 1 и 2 лица, то согласование осуществляется по 1 лицу (7). Таким образом, выстраивается иерархия лиц $1 > 2 > 3$.

(5) Я и он придем. [РГ, 1980, с. 244]

(6) Ты и твои родные не едете. [Там же]

(7) Ни я, ни твои родные не едем. [Там же]

Иерархия согласования может быть нарушена при порядке слов VS, при котором становится возможным согласование с ближайшим конъюнктом [Пекелис, 2013а], см. пример (8). Кроме того, употребление некоторых двойных сочинительных союзов, особенно указывающих на неравноценность конъюнктов, может способствовать нарушению иерархии согласования по лицу [Там же] (9). В [Санников, 2008, с. 161] приводится также пример, в котором нарушение иерархии согласования возникает не только в силу порядка слов VS, но и за счет семантической разнородности конъюнктов (10).

(8) Остаются учителя старших классов и ты. [Пекелис, 2013а]

(9) Но гораздо лучше, когда не столько ты, сколько другие считают/*считаете тебя красивой. [Там же]

(10) Его погубит/*погубите любовь к выпивке и ты.
[Санников, 2008, с. 161]

3.2. Согласование по числу

На числовое согласование с сочиненным подлежащим, конъюнкты которого не демонстрируют рассогласования по лицу, также влияет порядок слов: так, в [РГ, 1980, с. 243] согласование по множественному числу при порядке слов SV признается единственно грамматическим, тогда как при порядке слов VS открывается возможность согласования по числу с ближайшим конъюнктом [Corbett, 1983b; Розенталь и др., 1994, с. 269]:

(11) а. Наперед идут поп и дьякон.

б. Заплачет мать и мой отец. [Corbett, 1983b, p. 108]

В исследовании [Граудина и др., 1976, с. 31], а также в [РГ, 1980, с. 243] отмечается, что при порядке слов VS согласование по множественному числу частотнее, чем согласование по единственному числу. В работе [Розенталь и др., 1994, с. 269] утверждается обратное: при порядке слов VS обычно употребляется форма единственного числа. В [Corbett, 1983b] на корпусном материале было показано, что при порядке слов SV согласование с ближайшим конъюнктом возникает крайне редко. При рассмотрении случаев согласования с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS Г. Корбетт обращает внимание на семантику конъюнктов: отмечается, что согласование по единственному числу чаще возникает при конъюнктах – неодушевленных существительных. В [Санников, 2008, с. 157] на основании признака одушевленности предлагается иерархия, представленная в (12): чем более высокое место в иерархии занимают конъюнкты в сочиненном подлежащем, тем выше становится вероятность согласования по множественному числу, ср. (13)–(15).

(12) имена собственные > одушевленные нарицательные
существительные > неодушевленные конкретные
существительные > неодушевленные абстрактные
существительные

(13) Во всем был виден / ??были видны точный расчет и удивительная целеустремленность. [Там же]

(14) Отсюда мне виден/?видны дом и опушка леса. [Там же]

(15) Отсюда мне видны/?виден Коля и Маша.
[Санников, 2008, с. 158]

В [Пекелис, 2013а] отмечается, что с фактором одушевленности взаимосвязан также фактор референтности, который оказывается релевантен для одушевленных нарицательных существительных: при нерелевантных одушевленных нарицательных конъюнктах согласование по единственному числу становится в некоторых контекстах приемлемым, ср. (16)–(17).

(16) ?? Сам постыдный плотский грех никак не назывался –
и прокурор, и адвокат, и свидетель вынужден был говорить
обиняками. [Там же]

(17) Бывает, что и вор, и преступник постучится в нашу дверь.
[Там же]

В [Санников, 2008] утверждается, что согласование по единственному числу обязательно, если в ряд конъюнктов входит местоимение *кто, что, никто, ничто, всё* или *другое*, либо причастие или прилагательное среднего рода, подвергшееся субстантивации. Тем не менее, в корпусном исследовании [Пекелис, 2013а] приводятся единичные примеры, в которых предикаты при сочиненных подлежащих *кто* и *что* демонстрируют согласование по множественному числу. В цитируемом исследовании обнаружилось также значительное число примеров с конъюнктами, являющимися субстантивированными причастиями и прилагательными, но которые, тем не менее, вызывают согласование по множественному числу (18).

(18) Светлое и темное обрабатываются отдельно.
[Там же]

Выбор стратегии согласования может быть чувствителен и к роду конъюнктов. Так, совпадение характеристик рода и числа у конъюнктов «облегчает» согласование с ближайшим конъюнктом (19)–(20), см. также экспериментальное исследование [Врубель, 2022], в котором было показано, что при подлежащем, сочиненном при помощи повторяющегося союза *и*, согласование с ближайшим конъюнктом в непрошедшем времени при порядке слов VS оценивается выше при совпадении родов конъюнктов.

(19) Белена и крапива росла прямо под окнами.
[Санников, 2008, с. 158]

(20) ?Бурьян и крапива росла прямо под окнами. [Там же]

К факторам, влияющим на выбор того или иного типа согласования по числу с сочиненным подлежащим, относятся и свойства самого предиката. В [Пекелис, 2013а] отмечается, что при симметричных предикатах невозможно согласование по единственному числу (20), однако данное утверждение не подтвердилось в экспериментальном исследовании [Паско, 2022, 2023]. В [Санников, 2008, с. 160] отмечается, что отсутствие у сказуемого охарактеризованности по роду способствует согласованию сказуемого с ближайшим конъюнктом сочиненного подлежащего (21).

(20) Нельзя, чтобы бизнес и власть переплетались/*переплеталась.
[Пекелис, 2013а]

(21) Прямо у крыльца растет/²росла большая сосна и дуб. [Санников, 2008, с. 160]

Наконец, влияние на согласование могут оказывать союзы, при помощи которых соединяются подлежащие. Так, в [РГ, 1980, с. 243–244] утверждается, что согласование по единственному числу предпочтительно при разделительных, а не при соединительных союзах. Корпусное исследование согласования при двойных повторяющихся союзах (*и ... и ...; ни ... ни ...; или ... или ...; то ... то ...*), представленное в [Пекелис, 2013b], показало, что на выбор между согласованием с ближайшим конъюнктом и согласованием по множественному числу влияет ряд факторов: совпадение или несовпадение рода (для согласования в прошедшем времени), тип существительных-конъюнктов (абстрактные существительные, неодушевленные существительные, одушевленные существительные, имена собственные), порядок слов, тип глагола, лексико-семантический вес конъюнктов.

Таким образом, согласно имеющейся литературе о согласовании с сочиненным подлежащим в русском языке, можно сделать предположение, что для исследуемых подлежащих – *я и X, X и я, я и ты, ты и я* – будет возможно согласование по правилам разрешения лица и числа (согласование по 1 лицу множественного числа в не прошедшем времени и согласование по множественному числу в прошедшем времени) и при порядке слов VS также согласование с ближайшим конъюнктом. Обратимся к корпусным данным об исследуемых конструкциях.

4. Корпусные данные согласования с сочиненным подлежащим, содержащим личные местоимения

В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка можно найти значительное число примеров с подлежащим вида *я и X*

или *Х и я* (где *Х* – имя собственное мужского рода³) и лишь несколько примеров с сочиненным подлежащим *я и ты* или *ты и я*. Для исследуемых сочиненных подлежащих данные литературы, рассмотренной в разделе 3, предсказывают согласование по правилам разрешения лица и числа и согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS. Ниже приведены таблицы со статистикой различных типов согласования в зависимости от порядка слов (расстояние между предикатом и подлежащим, а также тип предиката не учитывались). Прочерк означает отсутствие примеров в корпусе. В таблицах 1 и 2 содержатся корпусные данные относительно согласования с сочиненными подлежащими вида *я и Х* и *Х и я* соответственно.

Таблица 1

Предикативное согласование с сочиненным подлежащим вида «я и Х» (Х – имя собственное мужского рода): данные НКРЯ [Predicate agreement with a coordinated subject of the form “I and X” (where X stands for a proper masculine name): National Russian Language Corpus data]

Тип согласования [Agreement type]	Порядок слов [Word order]	
	SV	VS
Согласование по 1 лицу множественному числу [1 st person plural]	107	8
Согласование по 1 лицу единственному числу [1 st person singular]	–	6
Согласование по множественному числу (в прошедшем времени) [Plural (past tense)]	404	58
Согласование по множественному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Plural (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	25	8
Согласование по единственному числу (в прошедшем времени) [Singular (past tense)]	–	4
Согласование по единственному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Singular (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	–	1

³ Имена собственные мужского рода были взяты в целях сопоставления с экспериментальными данными, о которых см. разд. 5.

Из сведений, приведенных в таблице 1, видно, что в корпусе преобладают примеры в прошедшем времени. В большей части собранных примеров наблюдается согласование по множественному числу вне зависимости от порядка слов (23)–(24). При порядке слов VS нам встретилось лишь 4 случая согласования по единственному числу в прошедшем времени (25). Для не прошедшего времени в корпусе довольно мало примеров с порядком слов VS, однако в найденных с таким порядком слов предложениях распределение согласования по правилам разрешения (26) и согласования с ближайшим конъюнктом (27) примерно одинаково. Отметим, что в корпусном исследовании сочинительных и комитативных конструкций с личным местоимением я, представленном в [Подлесская, 2012], при порядке слов VS количество примеров с согласованием по правилам разрешения было втрое больше количества примеров с согласованием с ближайшим конъюнктом (37 примеров против 11 примеров)⁴.

- (23) Я и Митька пошли вперед и крикнули: «Брось!». (НКРЯ. Сергей Горев. Мелекесское дело // Криминальный отдел. 2011)
- (24) В облаке дыма, рассеивающегося после взрыва, неподвижно стояли с виноватыми лицами я и Миша. (НКРЯ. Юрий Никулин. Как я стал клоуном (1979))
- (25) Еще был я и Георгий, а у нас в 1926 году родился Николай, нянькой стала Дуся, хозяйство стало у нас увеличиваться, я имею в виду и скота. (НКРЯ. М.П. Решетников. Книга воспоминания (1984) // Волга. 2016)
- (26) Ходим за хлебом я и Костя, т.к. у Шурика приближаются экзамены. (НКРЯ. Н.С. Покровская. Дневник русской женщины. 1929–1945 гг. (1940))
- (27) – Продукты вожу я и Николай, – продолжала Людмила. (НКРЯ. Валентин Черных. Москва слезам не верит (1980))

Также нами было обнаружено 2 примера с согласованием по 3 лицу множественному числу (28)–(29), причем в обоих предложениях порядок слов VS. В одном примере зафиксировано согласование с последним конъюнктом при порядке слов SV (30), однако найденный пример датируется XVIII в.

⁴ Различия в наших корпусных данных и корпусных данных, представленных в работе [Подлесская, 2012], могут быть связаны как с изменением объема НКРЯ, так и с тем, что В.И. Подлесская рассматривала в качестве второго конъюнкта не только имена собственные мужского рода, как это сделано в нашем исследовании.

- (28) Секретный код знают только я и Сергей Петрович. (НКРЯ. Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000))
- (29) <...> он заметил, что если Жомини не умеет писать по-русски, то у него для этого имеются я и Оболенский. (НКРЯ. В.Н. Ламсдорф. Дневник (1887))
- (30) Ежели же я и бергмейстер отлучится, и вскоре вам отповеди получить не можно ... (НКРЯ. В.Н. Татищев. Наказ комиссару Уктусского завода Т. Бурцову (1721))

В таблице 2 представлены результаты корпусного исследования согласования с сочиненным подлежащим вида X и я.

Таблица 2

Предикативное согласование с сочиненным подлежащим вида «X и я» (X – имя собственное мужского рода): данные НКРЯ
[Predicate agreement with a coordinated subject of the form “X and I” (where X stands for a proper masculine name): National Russian Language Corpus data]

Тип согласования [Agreement type]	Порядок слов [Word order]	
	SV	VS
Согласование по 1 лицу множественному числу [1 st person plural]	66	2
Согласование по 3 лицу единственному числу [3 rd person singular]	–	2
Согласование по множественному числу (в прошедшем времени) [Plural (past tense)]	448	96
Согласование по множественному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Plural (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	8	3
Согласование по единственному числу (в прошедшем времени) [Singular (past tense)]	–	4
Согласование по единственному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Singular (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	–	1

В непрошедшем времени встретилось всего 4 примера с порядком слов VS: в двух из них представлено согласование по 1 лицу множественному числу (31), в остальных двух – согласование по 3 лицу единственному числу (32). В прошедшем времени при обоих порядках слов преобладает согласование по множественному числу (33)–(34).

- (31) Поскольку младше тоже можно, в команде оказываемся
Васильев и я. (НКРЯ. С.И. Рыженков. Дворовые игры + // Волга. 2013)
- (32) Переяславцев на ужине балетоманов говорил с Коровиным,
что он все записывает, что делает Бооль и я, желая обнаружить
какие-то злоупотребления. (НКРЯ. В.А. Теляковский. Дневники
Директора Императорских театров (1905))
- (33) Андрей и я остались глухи к ее призывам.
(НКРЯ. Н.В. Нестерова. Неподходящий жених (2013))
- (34) В начале разговора присутствовали Мишин и я.
(НКРЯ. Б.Е. Черток. Ракеты и люди (1999))

Было зафиксировано 4 предложения с согласованием по 3 лицу множественному числу, в трех из них представлен порядок слов VS (35)–(38). В двух предложениях из корпуса встретилось согласование по единственному числу при порядке слов SV (39)–(40).

- (35) Мамошин направился к машине, но наши мужчины, не выбирая
выражений, остановили его, сказав, что поедут Грибов и я.
(НКРЯ. Софья Пилявская. Грустная книга (2000))
- (36) Она мне сообщила, что Комаров и я [!] в сферах сейчас считаются
в растущем влиянии. (НКРЯ. В.А. Вернадский. Дневник (1939))
- (37) При таком отношении она вправе сказать, что успеху
ее мешают Крупенский и я, а он от нее в восторге. (НКРЯ.
В.А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров
(1907))
- (38) Оппонируют Толстому Победоносцев и я, Вышнеградский
говорит о подробностях, а Островский всячески старается
уклониться. (НКРЯ. А.А. Половцов. Дневник (1887))
- (39) И так саданут под микитки, Как Спирин и я не посмел! (НКРЯ.
В.В. Шелухаев. Дневник (1984))
- (40) Любили они меня, потому Жак и я их всем сердцем своим
и помышлением возлюбил и на пользу миру живот свой рад
положить. (НКРЯ. В.В. Крестовский. Петербургские трущобы.
Книга о сытых и голодных. Ч. 4 (1864))

Согласование по 3 лицу множественному числу упоминается в [Санников, 2008, с. 161] как устаревший вариант согласования, однако, как видно из приведенных выше примеров, данная конструкция встречается и в относительно современных текстах.

Как уже было сказано выше, примеров с подлежащими вида *я* и *ты* или *ты* и *я* в НКРЯ было найдено довольно мало. Результаты корпусного исследования согласования с такими сочиненными подлежащими изложены в таблицах 3 и 4 (данные разделены на две таблицы в соответствии с порядком конъюнктов).

Таблица 3

**Предикативное согласование с сочиненным подлежащим
вида «я и ты»: данные НКРЯ**
**[Predicate agreement with a coordinate subject of the form
“I and you”: National Russian Language Corpus data]**

Тип согласования [Agreement type]	Порядок слов [Word order]	
	SV	VS
Согласование по 1 лицу множественному числу [1 st person plural]	8	3
Согласование по 1 лицу единственному числу [1 st person singular]	—	—
Согласование по множественному числу (в прошедшем времени) [Plural (past tense)]	—	1
Согласование по множественному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Plural (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	6	1
Согласование по единственному числу (в прошедшем времени) [Singular (past tense)]	—	—
Согласование по единственному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Singular (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	—	—

Таблица 4

**Предикативное согласование с сочиненным подлежащим
вида «ты и я»: данные НКРЯ**
**[Predicate agreement with a coordinate subject of the form
“you and I”: National Russian Language Corpus data]**

Тип согласования [Agreement type]	Порядок слов [Word order]	
	SV	VS
Согласование по 1 лицу множественному числу [1 st person plural]	13	4
Согласование по 2 лицу единственному числу [2 st person singular]	–	–
Согласование по множественному числу (в прошедшем времени) [Plural (past tense)]	11	3
Согласование по множественному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Plural (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	3	–
Согласование по единственному числу (в прошедшем времени) [Singular (past tense)]	–	–
Согласование по единственному числу (для прилагательных и причастий, в том числе кратких, и предикатов типа <i>должен</i> , <i>нужен</i> и т.п.) [Singular (adjectives, participles, including short forms, and predicates like <i>dolžen</i> ‘must’, <i>nužen</i> ‘is needed’ etc.)]	–	–

В отличие от подлежащих вида *я* и *Х / Х* и *я*, для подлежащих *я* и *ты / ты* и *я* нам не встретились случаи согласования с первым конъюнктом при порядке слов VS. Во всех зафиксированных примерах наблюдается согласование по 1 лицу множественному числу (в непршедшем времени) и согласование по множественному числу (41)–(44). Такое малое количество примеров может быть связано с их прагматической необычностью: для того, чтобы говорящий употребил сочиненную группу *я* и *ты* вместо одного местоимения *мы*, у него должны быть специальные коммуникативные причины.

- (41) Объяснил кому следует, что *я* и *ты* нужны им живыми и здоровыми. (НКРЯ. Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000))

- (42) В Москве о твоём отъезде будем знать только я и ты.
(НКРЯ. Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000))
- (43) Тогда ты и я пошли пешком, а шофер остался в надежде на то, что нас будут искать. (НКРЯ. Г.Д. Нипан. Алая раковина сердца // Волга. 2009)
- (44) Понял, да? Знаем только ты и я. – Понял, Василий Семенович, – ответил Ян, несколько удивленный. (НКРЯ. Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000))

Таким образом, корпусный материал, с одной стороны, демонстрирует достаточно большую вариативность согласования с исследуемыми конструкциями (см. случаи согласования по 3 лицу множественному числу), с другой – не содержит достаточного количества примеров для некоторых конструкций (к примеру, в НКРЯ отсутствуют примеры с согласованием с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS для сочиненных подлежащих вида *я и ты / ты и я*).

5. Экспериментальное исследование

В условиях значительной вариативности предикативного согласования с сочиненным подлежащим (см. разд. 3) и в некоторых случаях недостаточности корпусных данных (см. разд. 4) методы экспериментального синтаксиса представляются достаточно перспективными для исследования данной проблематики, т.к. они позволяют зафиксировать переменные, влияние которых необходимо исследовать, определить параметры и границы вариативности и выявить степень приемлемости возможных конструкций.

Мы провели 6 экспериментов: эксперименты 1а, 1б, 2а и 2б направлены на исследование предикативного согласования с сочиненным подлежащим вида *я и X / X и я*, а эксперименты 3а и 3б – на исследования предикативного согласования с сочиненным подлежащим вида *я и ты / ты и я*.

Экспериментальное исследование приемлемости различных вариантов согласования при подобных подлежащих поможет ответить на следующие вопросы. Являются ли правила разрешения для лица и числа строгими, действительно ли носители русского языка признают приемлемым согласование по 3 лицу множественному числу, нарушающим согласование в соответствии с иерархией лиц? Может ли согласование по 3 лицу множественному числу оказаться приемлемым в случае, когда конъюнкты не являются носителями признака 3 лица (подлежащие вида *я и ты / ты и я*)? Насколько зависит согласование с ближайшим конъюнктом от порядка слов (как общего порядка слов в предложении, так

и порядка конъюнктов), и какое это имеет следствие для выводов относительно структуры сочиненной именной группы в русском языке? Влияют ли другие факторы на возможность согласования с ближайшим конъюнктом, и как это соотносится с двумя подходами к анализу согласования с ближайшим конъюнктом?

Эксперименты были реализованы нами на платформе PCIBex [Zehr, Schwarz, 2018] с использованием методики оценки приемлемости по шкале Ликерта от 1 (плохое предложение) до 7 (хорошее предложение). Предложения распределялись по листам в соответствии с правилом латинского квадрата. Эксперименты содержали как собственно экспериментальные предложения, так и филлеры – грамматичные и неграмматичные. Соотношение филлеров и экспериментальных предложений во всех экспериментах было 1 : 1. Набор респондентов осуществлялся через социальные сети и краудсорсинговую платформу «Яндекс.Толока». Обработка и визуализация результатов экспериментов проводились в программе RStudio [R Core Team, 2017]; оценки для предложений были предварительно нормализованы. Ответы отдельных респондентов не включались в анализ согласно двум метрикам [Герасимова, 2021]: а) ответы таких респондентов на грамматичные и неграмматичные филлеры значительно отклонялись от предполагаемых оценок и оценок, данных им другими респондентами; б) несколько ответов таких респондентов являлись «быстрыми» (длительность ответа менее 300 мс). Эксперименты 1a, 1b, 2a и 2b также содержали контрольные вопросы к предложениям-филлерам, и если респондент дал неправильные ответы в половине или более вопросах, то его ответы исключались из анализа. Для статистического анализа результатов мы применяли регрессионный анализ с использованием линейных смешанных моделей. Формулы моделей подбирались вручную и сравнивались между собой. После нахождения наилучшей модели к содержащимся в ней условиям применялись множественные попарные сравнения при помощи теста Тьюки.

5.1. Эксперименты 1a и 1b: согласование с конъюнктами вида «я и X» при разном порядке слов

В экспериментах 1a и 1b в стимулах был фиксирован порядок конъюнктов: мы использовали сочиненные подлежащие вида *я* и *X*. Эксперимент 1a содержал предложения в непрошедшем времени, эксперимент 1b – предложения в прошедшем времени. Оба эксперимента содержали две независимых переменных: порядок слов (SV/VS) и форма глагола (для эксперимента с непрошедшим временем: 1 лицо ед.ч. / 1 лицо мн.ч. / 3 лицо ед.ч. / 3 лицо мн.ч.; для эксперимента с прошедшим временем: ед.ч. / мн.ч.).

В предложениях использовались непереходные предикаты; в одной половине экспериментальных стимулов присутствовали предикаты совершенного вида, в другой половине – несовершенного вида.

Примеры стимулов экспериментов 1а и 1б представлены в (45) и (46) соответственно. Эксперимент 1а содержал 32 экспериментальных блока, которые были разделены на 8 экспериментальных листов; эксперимент 1б состоял из 16 блоков, распределенных по 4 экспериментальным листам.

(45) а. Я и Вася приду/придем/придет/придут на вечеринку.

б. На вечеринку приду/придем/придет/придут я и Вася.

(46) а. Я и Вася пришел/пришли на вечеринку.

б. На вечеринку пришел/пришли я и Вася.

Грамматичные филлеры в качестве подлежащего содержали сочиненные имена собственные мужского рода, предикативное согласование с которыми осуществлялось по 3 лицу множественного числа (для эксперимента 1а) или по множественному числу (для эксперимента 1б). Неграмматичные филлеры в эксперименте 1а содержали ошибку в личном согласовании (например, *Дима и Витя убираем на кухне*). Неграмматичные филлеры в эксперименте 1б имели ошибку в предложном управлении (например, *Кирилл и Федя ушли по киоск*).

В эксперименте 1а приняло участие 84 респондента: 49 мужчин, 35 женщин, средний возраст – 36 лет.

Результаты эксперимента 1а представлены на рисунке 1 в виде графика взаимодействия.

Значимыми факторами оказываются форма глагола (форма глагола [1 мн. → 1 ед.] $\beta = -1,37$, $SE = 0,06$, $t = -22,06$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, форма глагола [1 ед. → 3 ед.] $\beta = -1,17$, $SE = 0,06$, $t = -18,79$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, форма глагола [3 ед. → 3 мн.] $\beta = -1,53$, $SE = 0,06$, $t = -24,57$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) и порядок слов ($\beta = -0,28$, $SE = 0,06$, $t = -4,57$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Выше всех других стратегий оценивается согласование по правилам разрешения (согласование по 1 лицу множественному числу), смена порядка слов для него значима: при порядке VS данный тип согласования оценивается ниже, чем при порядке слов SV ($\beta = 0,28$, $SE = 0,06$, $t = 4,57$, $p\text{-value} = 0,0002$).

Для согласования по 1 лицу единственному числу порядок слов играет еще большее значение: при порядке слов SV согласование с первым конъюнктом оценивается на уровне неграмматичных филлеров (двусторонний t -критерий Стьюдента: $t = -1,75$, $p\text{-value} = 0,08$), тогда как для

порядка слов VS оценки для него существенно повышаются (но при этом значимо отличаются от оценок для согласования по 1 лицу множественному числу при том же порядке слов: $\beta = 0,22$, $SE = 0,06$, $t = 3,61$, $p\text{-value} = 0,009$).

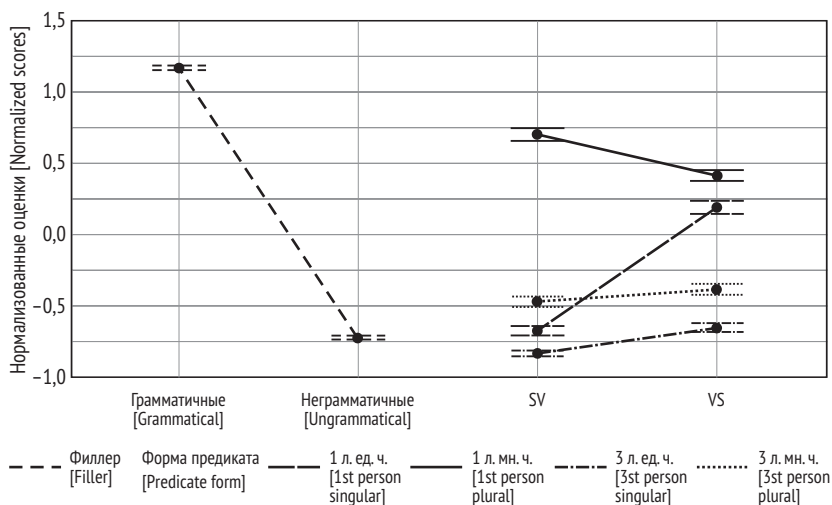

Рис. 1. Эксперимент 1а: график взаимодействия

Fig. 1. Experiment 1a: Interaction plot

Для согласования по 3 лицу множественному числу смена порядка слов оказывается незначимым фактором ($\beta = -0,09$, $SE = 0,06$, $t = -1,47$, $p\text{-value} = 0,82$). Интересно, что в собранных нами примерах из НКРЯ с согласованием по 3 лицу множественному числу преобладают примеры с порядком слов VS. Оценки для согласования по 3 лицу множественному числу значимо отличаются как от оценок для согласования по 3 лицу единственному числу при любом порядке слов (для порядка слов SV: $\beta = 0,36$, $SE = 0,06$, $t = 5,76$, $p\text{-value} \ll 0,0001$; для порядка слов VS: $\beta = 0,27$, $SE = 0,06$, $t = 4,35$, $p\text{-value} = 0,0005$), так и от оценок для согласования по 1 лицу при порядке слов SV ($\beta = -0,20$, $SE = 0,06$, $t = -3,24$, $p\text{-value} = 0,029$).

В эксперименте 1b приняло участие 40 человек: 17 мужчин, 23 женщины, средний возраст участников равен 30 годам. Результаты эксперимента 1b представлены на рисунке 2.

Значимым фактором оказываются форма предиката ($\beta = -157$, $SE = 0,09$, $t = -16,85$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). Для формы множественного числа смена порядка слов незначима ($\beta = 0,07$, $SE = 0,09$, $t = 0,74$,

p -value = 0,88), однако она влияет на возможность согласования по единственному числу: оценки для согласования по единственному числу при порядке слов VS значительно возрастают ($\beta = -0,43$, $SE = 0,09$, $t = -4,67$, p -value = 0,0001). При порядке слов SV согласование по единственному числу оцениваются на уровне неграмматичных филлеров (двусторонний t -критерий Стьюдента: $t = 1,63$, p -value = 0,10).

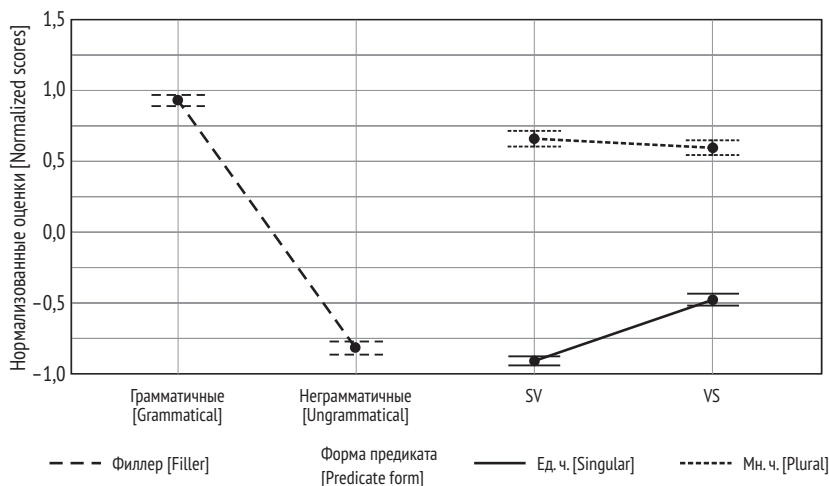

Рис. 2. Эксперимент 1b: график взаимодействия

Fig. 2. Experiment 1b: Interaction plot

Сравнивая результаты эксперимента 1a и эксперимента 1b, мы можем увидеть, что при порядке слов VS согласование с первым конъюнктом в непрошедшем времени оценивается заметно выше, чем в прошедшем времени. На это косвенно указывают и корпусные данные (см. разд. 4): при порядке слов VS в прошедшем времени предложений с согласованием по единственному числу действительно значительно меньше, чем предложений с согласованием по множественному числу, тогда как в непрошедшем времени предложений с согласованием с первым конъюнктом и предложений с согласованием по правилам разрешения примерно поровну.

5.2. Эксперименты 2a и 2b: согласование с конъюнктами вида $я$ и X / X и $я$ при порядке слов VS

В экспериментах 2a и 2b был фиксированный порядок слов – VS, – но при этом в качестве независимой переменной выступал порядок

конъюнктов в группе сочиненного подлежащего. В предложениях использовались непреходные предикаты несовершенного вида, при этом в стимульном материале мы соблюдали баланс по типу непреходного предиката, является ли он неаккузативным или неэргативным. Баланс по данному параметру был выбран потому, что в некоторых работах (см., в частности, [Babyonyshev, 1996; Glushan, 2013]) высказывается гипотеза о влиянии структуры непреходного предиката на возможность согласования с первым конъюнктом при порядке слов VS в русском языке.

Эксперимент 2а содержал предложения в непрошедшем времени, эксперимент 2б – предложения в прошедшем времени. Таким образом, в экспериментах было две переменных: порядок конъюнктов (я и X / X и я) и форма предиката (1 лицо ед. ч. / 1 лицо мн. ч. / 3 лицо ед. ч. / 3 лицо мн.ч. для непрошедшего времени и ед.ч. / мн.ч. для прошедшего времени). Примеры стимулов экспериментов 2а и 2б представлены в (47) и (48) соответственно.

(47) а. В районном центре живу/живем/живет/живут я и Петя.

б. В районном центре живу/живем/живет/живут Петя и я.

(48) а. В районном центре жил/жили я и Петя.

б. В районном центре жил/жили Петя и я.

Эксперимент 2а состоял из 32 экспериментальных блоков, которые были разделены на 8 экспериментальных листов; эксперимент 2б состоял из 16 блоков, распределенных по 4 экспериментальным листам.

Грамматичные филлеры в качестве подлежащего содержали сочиненные имена собственные мужского рода, предикативное согласование с которыми осуществлялось по 3 лицу множественного числа (для эксперимента 2а) или по множественному числу (для эксперимента 2б). Неграмматичные филлеры в эксперименте 2а содержали ошибку в личном согласовании (например, *По пыльной дороге бредем Лёва и Кирилл*). Неграмматичные филлеры в эксперименте 2б содержали ошибку в согласовании между прилагательным и существительным в предложной группе (например, *на шумной улицах*).

В эксперименте 2а приняло участие 85 респондентов: 48 мужчин, 34 женщины, средний возраст – 38 лет. Результаты эксперимента 2а представлены на рис. 3.

Значимыми оказываются форма глагола (форма глагола [1 мн. → 1 ед.] $\beta = -0,69$, $SE = 0,06$, $t = -11,97$, $p \ll 0,0001$, форма глагола [1 ед. → 3 мн.] $\beta = -0,33$, $SE = 0,06$, $t = -5,71$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, форма глагола [3 мн. → 3 ед.] $\beta = -0,26$, $SE = 0,06$, $t = -4,48$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) и порядок конъюнктов ($\beta = 0,31$, $SE = 0,06$, $t = 5,33$, $p\text{-value} \ll 0,001$).

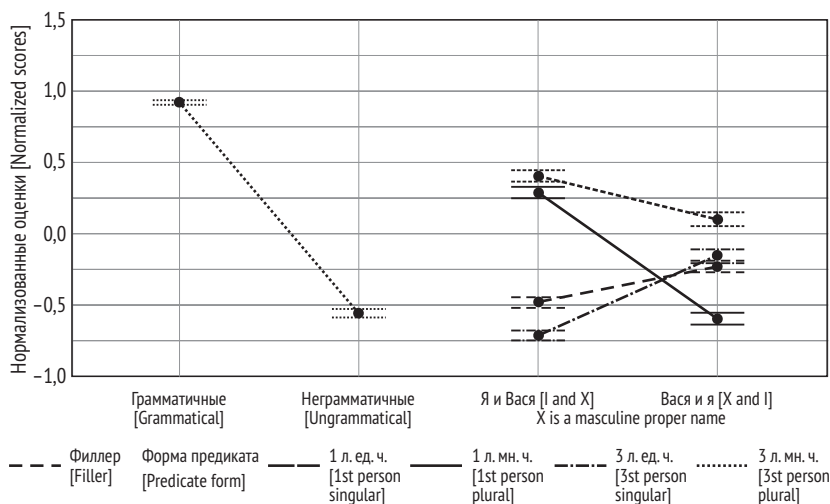

Рис. 3. Эксперимент 2а: график взаимодействия

Fig. 3. Experiment 2a: Interaction plot

Как и в результатах эксперимента 1а, наиболее высоко из всех вариантов согласования оценивается согласование по правилам разрешения, для которого оказывается значима смена порядка конъюнктов ($\beta = -0,31$, $SE = 0,06$, $t = -5,34$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Оценки для согласования по 1 лицу единственному числу при порядке конъюнктов *я и Вася* значимо не отличаются от оценок для согласования по 1 лицу множественному числу при этом порядке конъюнктов ($\beta = 0,12$, $SE = 0,06$, $t = 1,99$, $p\text{-value} = 0,49$). Отметим, что в эксперименте 1а различие между оценками для согласования с первым конъюнктом и согласования по правилам разрешения было статистически значимо. При порядке конъюнктов *Вася и я* согласование по 1 лицу единственному числу оценивается на уровне неграмматичных филлеров (двусторонний t-критерий Стьюдента: $t = -0,64$, $p\text{-value} = 0,52$).

Согласование по 3 лицу единственному числу оценивается значимо выше неграмматичных филлеров при порядке конъюнктов *Вася и я* ($\beta = 0,56$, $SE = 0,06$, $t = 9,60$, $p\text{-value} \ll 0,0001$); при порядке *я и Вася* оценки для него находятся значимо ниже неграмматичных филлеров (двусторонний t-критерий Стьюдента: $t = -3,60$, $p\text{-value} = 0,0003$). Для согласования по 3 лицу множественному числу смена порядка конъюнктов также оказывается значимой ($\beta = 0,25$, $SE = 0,06$, $t = 4,33$, $p\text{-value} = 0,0004$). Интересно, что при порядке конъюнктов *Вася и я* оценки для согласования по 3 лицу множественному числу значимо

не отличаются от оценок для согласования с ближайшим конъюнктом, т.е. согласования по 3 лицу единственному числу ($\beta = -0,07$, $SE = 0,06$, $t = -1,22$, $p\text{-value} = 0,926$).

Стоит также отметить, что в рамках эксперимента 2а значимых различий между стратегиями согласования для неаккузативных и неэргативных предикатов не обнаружилось.

В эксперименте 2b приняли участие 43 человека: 28 мужчин, 15 женщин, средний возраст участников равен 37 годам. Результаты эксперимента 2b представлены на рисунке 4.

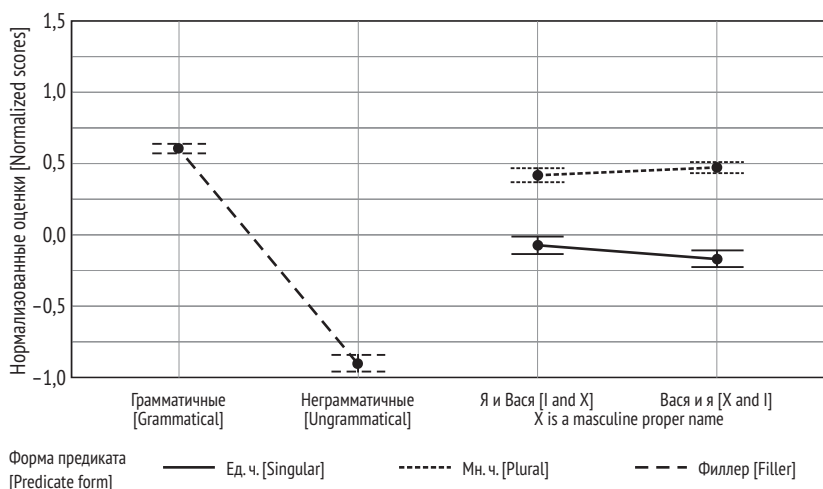

Рис. 4. Эксперимент 2b: график взаимодействия

Fig. 4. Experiment 2b: Interaction plot

Для эксперимента 2b единственным значимым фактором оказывается тип согласования ($\beta = -0,56$, $SE = 0,10$, $t = -5,56$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). И согласование по множественному числу, и согласование по единственному числу оцениваются выше неграмматических филлеров (двусторонний t-критерий Стьюдента: для множественного числа $t = -20,22$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, для единственного числа $t = -10,69$, $p\text{-value} \ll 0,0001$), однако оценки для согласования по множественному числу оказываются более высокими, нежели оценки для согласования по единственному числу ($\beta = 0,56$, $SE = 0,10$, $t = 5,56$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Как и в эксперименте 2b, влияние структурного типа предиката (является он неаккузативным или неэргативным) не было выявлено ($\beta = 0,05$, $SE = 0,05$, $t = 0,90$, $p\text{-value} = 0,37$).

5.3. Эксперименты 3а и 3б: согласование с конъюнктами вида *я и ты / ты и я* при разном порядке слов

В экспериментах 3а и 3б конъюнкты сочиненного подлежащего представляли собой личные местоимения *я и ты*. Методика экспериментов 3а и 3б несколько отличалась от методики экспериментов, описанных выше: использовалось чтение с саморегуляцией скорости (о результатах экспериментов 3а и 3б, связанных с измерением времени чтения, см. [Belova, 2022]). В отличие от описанных выше экспериментов, в экспериментах 3а и 3б были задействованы переходные глаголы в непрочешедшем времени. В качестве независимых переменных в обоих экспериментах выступали порядок конъюнктов (*я и ты / ты и я*) и форма глагола. При этом предложения в экспериментах 3а и 3б различались порядком слов: в эксперименте 3а был представлен порядок слов SVO, в эксперименте 3б – OVS. Примеры стимулов экспериментов 3а и 3б проиллюстрированы в (49) и (50) соответственно. Оба эксперимента содержали 32 экспериментальных блока, которые были разделены на 8 экспериментальных листов.

(49) а. Я и ты строим/строю/строишь/строят крепость из снега.

б. Ты и я строим/строю/строишь/строят крепость из снега.

(50) а. Крепость из снега строим/строю/строишь/строят я и ты.

б. Крепость из снега строим/строю/строишь/строят ты и я.

В грамматичных филлерах были представлены сочиненные группы с существительными в позиции субъекта или объекта (например, *Марина предложила гостям кофе и шарлотку*). Неграмматичные филлеры содержали очевидные нарушения лично-числового согласования и падежного управления (например, *Аня и Петя досмотрел хороший сериал про пираты*).

В эксперименте 3а приняли участие 107 респондентов: 65 мужчин, 42 женщины, средний возраст участников равен 38 годам. Результаты эксперимента 3а представлены на рисунке 5.

Значимым фактором оказывается только форма глагола (форма глагола [1 мн. → 1 ед.] $\beta = -1,06$, $SE = 0,03$, $t = -38,53$, $p \ll 0,0001$, форма глагола [1 ед. → 2 ед.] $\beta = -1,17$, $SE = 0,03$, $t = -42,05$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, форма глагола [2 ед. → 3 мн.] $\beta = -0,96$, $SE = 0,03$, $t = -34,66$, $p\text{-value} \ll 0,0001$). Из всех вариантов согласования наиболее высоко оценивается согласование по 1 лицу множественному числу. Согласование по форме 2 лица единственного числа оценивается ниже всех вариантов. Оценки для согласования по 3 лицу множественному числу оказываются значимо более высокими, чем оценки для форм частичного согласования.

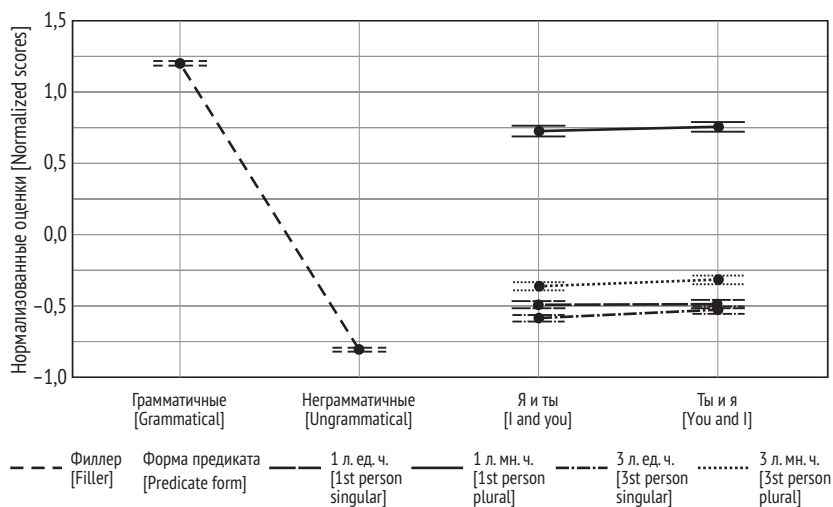

Рис. 5. Эксперимент 3а: график взаимодействия

Fig. 5. Experiment 3a: Interaction plot

В эксперименте 3b участвовали 126 человек: 64 мужчины, 62 женщины, средний возраст участников – 34 года. Результаты эксперимента 3b представлены в виде графика взаимодействия на рисунке 6.

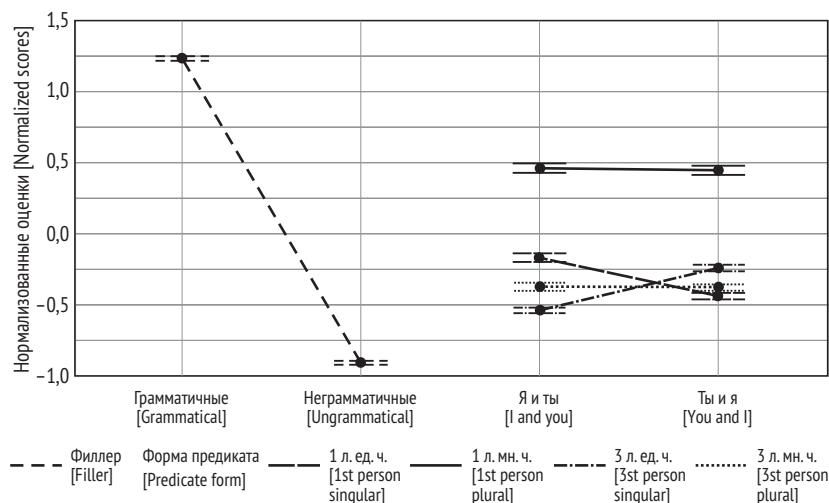

Рис. 6. Эксперимент 3б: график взаимодействия

Fig. 6. Experiment 3b: Interaction plot

Значимыми факторами оказываются форма глагола (форма глагола [1 мн. → 1 ед.] $\beta = -0,64$, $SE = 0,04$, $t = -14,21$, $p \ll 0,0001$, форма глагола [1 ед. → 2 ед.] $\beta = -0,99$, $SE = 0,04$, $t = -21,82$, $p\text{-value} \ll 0,0001$, форма глагола [2 ед. → 3 мн.] $\beta = -0,83$, $SE = 0,04$, $t = -18,13$, $p\text{-value} \ll 0,0001$) и взаимодействие фактора порядка конъюнктов с формами частичного согласования по 1 лицу единственному числу ($\beta = -0,23$, $SE = 0,06$, $t = -3,54$, $p\text{-value} < 0,0001$) и по 2 лицу единственному числу ($\beta = 0,32$, $SE = 0,06$, $t = 5,005$, $p\text{-value} \ll 0,0001$).

Наиболее высоко оценивается согласование по 1 лицу множественному числу; в отличие от результатов эксперимента 2а, порядок конъюнктов для оценок согласования по правилам разрешения оказывается незначимым фактором ($\beta = -0,02$, $SE = 0,05$, $t = -0,52$, $p\text{-value} = 0,6$). Оценки для согласования с первым конъюнктом оказываются значимо более низкими, чем оценки для согласования по правилам разрешения. При этом оценки для согласования с первым конъюнктом значимо выше оценок для согласования с последним конъюнктом.

Что касается согласования по 3 лицу множественному числу, то, согласно результатам применения критерия Тьюки, при порядке конъюнктов *ты и я* оценки для него значимо не отличаются от оценок для согласования с последним конъюнктом ($p\text{-value} = 0,891$), но при этом значимо отличаются от оценок для согласования с первым конъюнктом ($p\text{-value} = 0,043$). При порядке конъюнктов *я и ты* разница между согласованием по 3 лицу множественному числу и согласованием с последним конъюнктом статистически значима ($p\text{-value} = 0,006$), значима разница в оценках и по отношению к согласованию с первым конъюнктом ($p\text{-value} = 0,002$). Для согласования по 3 лицу множественному числу незначимым фактором оказывается смена порядка конъюнктов ($\beta = 0,01$, $SE = 0,06$, $t = 0,23$, $p\text{-value} = 0,82$), тогда как для данного типа согласования порядок конъюнктов оказывался значим в эксперименте 2а.

5.4. Обсуждение результатов

Для всех экспериментов, содержащих предложения в непрошедшем времени (эксперименты 1а, 2а, 3а и 3б), наиболее высоко из всех вариантов согласования оценивается согласование по правилам разрешения по 1 лицу множественного числа. Данная стратегия является самой частотной и в собранном нами корпусном материале. Для экспериментов, действующих предложения в прошедшем времени, наиболее высоко оценивается согласование по множественному числу.

При порядке слов VS становится возможным согласование с ближайшим конъюнктом, однако уровень его приемлемости, как показали

результаты экспериментов, зависит от нескольких факторов. Во-первых, играют роль согласовательные признаки предиката: так, при глаголах в непрошедшем времени, которые согласуются по лицу и числу, оценки для согласования с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS в среднем являются более высокими по сравнению с оценками для согласования с ближайшим конъюнктом при глаголах в прошедшем времени⁵. Это косвенно подтверждается и корпусными данными (см. разд. 4): для порядка слов VS в непрошедшем времени количество примеров с согласованием с ближайшим конъюнктом примерно равно количеству примеров с согласованием по 1 лицу множественного числа, тогда как в прошедшем времени согласование по единственному числу значительно «проигрывает» согласованию по множественному числу.

Во-вторых, на уровень приемлемости согласования с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS, по-видимому, влияют и свойства самих конъюнктов. К примеру, в непрошедшем времени при сочиненных подлежащих *я и X* и *я и ты* (см. результаты экспериментов 2a и 3b соответственно, условие «1 л. ед. ч.») уровень приемлемости согласования с ближайшим конъюнктом различен, невзирая на то, что первый конъюнкт в данных типах сочиненных подлежащих одинаков: для *я и ты* мы наблюдаем гораздо более значительное падение оценок по сравнению со стратегией разрешения, чем для *я и X*. Заметим, что в корпусном материале для сочиненного подлежащего вида *я и ты* нам не встретилось случаев согласования с ближайшим конъюнктом; для подлежащего вида *я и X* количество примеров при порядке слов VS с согласованием по 1 лицу единственного числа и 1 лицу множественного числа примерно равное. Для того, чтобы понять, связана ли наблюдаемая разница с различиями между 1/2 и 3 лицом или синтаксической категорией конъюнктов, необходимо провести экспериментальное исследование стратегий согласования с сочиненным подлежащим вида *я и он(а) / он(а) и я*. Однако нужно отметить, что, как и в случае экспериментов 1a и 1b, от предложений с такими подлежащими мы можем ожидать низкий общий уровень оценок в связи с их прагматической странностью.

Подходы к анализу согласования с ближайшим конъюнктом различаются относительно того, признается ли в них сочиненное подлежащее одной составляющей или нет (см. разд. 1). Полученные нами данные о влиянии признаков обоих конъюнктов на уровень приемлемости согласования с ближайшим конъюнктом, как кажется, создают

⁵ Мы предполагаем, что согласование по единственному числу в прошедшем времени при порядке слов VS означает согласование с ближайшим конъюнктом, а не с последним конъюнктом, т.к. в непрошедшем времени, как показывают корпусные и экспериментальные данные, согласование с последним конъюнктом при порядке слов VS невозможно.

проблемы для подходов, предполагающих, что сочиненное подлежащее не образует единой составляющей. При применении таких подходов можно ожидать, что то, чем выражена вторая именная группа, не будет влиять на согласование, однако наши экспериментальные данные показывают, что оценки для согласования с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS для подлежащих, включающих в себя только личные местоимения, значительно отличаются от оценок для такого согласования с подлежащими вида *я и X / X и я*.

В [Nevins, Weisser, 2019] отмечается существующая между признаками асимметрия относительно того, насколько вероятно они вызывают согласование с первым конъюнктом. Исследователи предполагают, что, в частности, для признака лица согласование с первым конъюнктом будет менее частотным, чем для признака рода, т.к. иерархия лица – это универсальный (или почти универсальный) механизм, который ложится в основу стратегии разрешения [Corbett, 2006]. Для признака рода подобного универсального механизма не зафиксировано: разрешение по признаку рода (или именного класса) встречается, однако языки демонстрируют большую вариативность в отношении того, какое из значений признака располагается выше (см., например, [Dalrymple, Kaplan, 2000; Willer-Gold et al., 2016]). В большинстве проведенных нами экспериментов для непрошедшего времени стратегия разрешения, действительно, оценивалась выше, чем согласование с первым конъюнктом. Исключение составляет эксперимент 2а, в котором для порядка конъюнктов *я и Вася* не была обнаружена статистически значимая разница в оценках для согласования по 1 лицу множественному числу и согласования по 1 лицу единственному числу.

Неожиданным результатом оказались высокие оценки стратегии согласования по 3 лицу множественного числа (например, *придут я и Вася*), зафиксированная нами как в корпусном, так и в экспериментальном материале. Как уже было сказано выше, хотя правила разрешения для признака лица являются наиболее «устойчивыми» среди стратегий разрешения для других признаков, тем не менее, результаты корпусного и экспериментального исследования показали, что разрешение между двумя различными признаками лица у именных групп в сторону 3 лица (даже если ни один из конъюнктов не охарактеризован 3 лицом), а не наиболее высокого в иерархии 1 лица, также возможно. Отметим, что правила разрешения срабатывают не так, как ожидалось, для признака лица, но не для признака числа, что может говорить о том, что зондирование лица происходит отдельно от зондирования числа и выбор наиболее низкого признака лица на иерархии не нарушает деривацию [Preminger, 2011]. Интересно, что дефолтное 3 лицо появляется

при множественном числе, что схоже с поведением дефолтного мужского рода в словенском [Marušič et al., 2015]: согласование по мужскому роду с сочиненными именами существительными появляется даже тогда, когда ни один конъюнкт не обладает признаком мужского рода, но только если данные существительные имеют форму множественного числа. Тем не менее, нельзя вовсе отказываться от иерархии лиц, т.к. согласование по 1 лицу множественному числу во всех экспериментах получило наиболее высокие оценки.

Результаты проведенных экспериментов показали, что согласование с последним конъюнктом (т.е. ближайшим при порядке SV) в исследуемых конструкциях неграмматично, хотя в НКРЯ нам встретился пример, приведенный в (51), в котором, по-видимому, представлено согласование с последним конъюнктом; см. также [Bošković, 2010], где утверждается, что согласование с последним конъюнктом в русском языке возможно. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что сочиненные именные группы в русском языке представляют собой иерархически упорядоченные, а не плоские структуры: при любом порядке слов невозможно согласование с последним конъюнктом, тогда как при порядке слов VS возможно согласование с первым конъюнктом.

- (51) Ежели же я и бергмейстер отлучится, и вскоре вам отповеди
получить не можно <...> (НКРЯ. В.Н. Татищев. Наказ комиссару
Уктусского завода Т. Бурцову (1721))
= (29)

Выявленные стратегии согласования имеют различный уровень приемлемости, что может мотивироваться различиями в механизмах, лежащих в основе деривации вариантов согласования. В [Himmelreich, Hartmann, 2021] иерархия различных вариантов согласования с сочиненным при помощи союза ‘или’ подлежащим, наблюдаемая в немецком языке, моделируется при помощи теории оптимальности. Однако анализ, развиваемый исследователями, не учитывает порядок слов. Случаи согласования с первым конъюнктом в немецком языке исследователи относят к иллюзии грамматичности [Haider, 2011], схожей с эффектом садовой дорожки. Что касается полученных нами результатов, то механизмы различных стратегий согласования, обладающих различным уровнем приемлемости, которая, в свою очередь, зависит от ряда факторов, еще предстоит разработать.

Несмотря на то, что данное исследование затрагивает в основном признаки лица и числа, некоторые наблюдения можно сделать и для признака рода. Как показали результаты экспериментов 2a и 2b, смена порядка конъюнктов оказалась значима для стратегий согласования

в непрошедшем времени, но незначима для прошедшего времени. Это неожиданные результаты, поскольку при порядке конъюнктов «X и я» приемлемость согласования с первым конъюнктом могла бы быть выше из-за охарактеризованности имени собственного по роду в отличие от личного местоимения я.

6. Заключение

В данной работе представлено корпусное и экспериментальное исследование согласования с подлежащим, сочиненным при помощи союза *и*, один или оба конъюнкта которого являются личными местоимениями. Методика экспериментального синтаксиса показала возможность трех типов согласования: согласования по правилам разрешения (согласование по 1 лицу множественному числу в непрошедшем времени и согласование по множественному числу в прошедшем времени), согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS, согласование по 3 лицу множественному числу (для прошедшего времени), – однако уровень их приемлемости варьируется, демонстрируя зависимость от нескольких факторов. В корпусных материалах наиболее частотной оказывается стратегия по правилам разрешения, также фиксируется согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS и согласование по 3 лицу множественному числу.

Библиографический список / References

Врубель, 2022 – Врубель Д.Д. Эффект синкретизма при предикативном согласовании с сочинительными конструкциями с повторяющимся союзом *и*. Типология морфосинтаксических параметров, Институт языкознания РАН, 12–13 октября 2022. Презентация на конференции. [Vrubel D.D. The effect of syncretism in predicative agreement with coordinated constructions with a repeated conjunction *i* ‘and’. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, Institute of Linguistics RAS, October 12–13, 2022. Conference presentation. (In Rus.)]

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 19.07.2022) [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktikuma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Граудина и др., 1976 – Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. [Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. Grammaticheskaya pravilnost russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov [Grammatical correctness of Russian speech: An attempt to compiling frequency-based stylistic dictionary of variants]. Moscow, 1976.]

Паско, 2022 – Паско Л.И. Частичное согласование симметричных предикатов с сочиненным подлежащим. Типология морфосинтаксических параметров, Институт языкознания РАН, 12–13 октября 2022. Презентация на конференции. [Pasko L.I. Partial agreement of symmetric predicates with a coordinated subject. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, Institute of Linguistics RAS, October 12–13, 2022. Conference presentation. (In Rus.)]

Паско, 2023 – Паско Л.И. Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование // Rhema. Рема. 2023. № 2. С. 89–103. [Pasko L.I. Against ATV-analysis of partial agreement in Russian: An experimental study. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 89–103 (In Rus.)].

Пекелис, 2013а – Пекелис О.Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение> (дата обращения: 19.07.2022). [Pekelis O.E. Sochinenie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki [Coordination. Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. Ms. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение>.]

Пекелис, 2013б – Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86. [Pekelis O.E. “Partial agreement” in a construction with a repeated conjunction: A corpus study of the main patterns. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. No. 4. Pp. 55–86. (In Rus.)]

Подлесская, 2012 – Подлесская В.И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 42–65. [Podlesskaya V.I. Structural and linear-prosodic integrity of noun phrases according to corpus research: Composed and comitative phrases with first person personal pronouns in Russian. *Voprosy yazykoznaniya*. 2012. No. 1. Pp. 42–65. (In Rus.)]

РГ, 1980 – Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. М., 1980. [Grammatika russkogo yazyka [Grammar of the Russian language]. V.V. Vinogradov, E.S. Istrina (eds.). Moscow, 1980.]

Розенталь и др., 1994 – Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. [Rozenal D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu [A guide to spelling, pronunciation, literary editing]. Moscow, 1994.]

Санников, 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. [Sannikov V.Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in the semantic-pragmatic dimension]. Moscow, 2008.]

Babyonyshev, 1996 – Babyonyshev M. Structural connections in syntax and processing: Studies in Russian and Japanese. PhD dis. Massachusetts Institute of Technology. 1996.

Belova, 2022 – Belova D. Evaluation and reading time of predicate agreement with conjuncts. *Proceedings of 13th International Conference of Experimental Linguistics*, 2022. Pp. 21–24.

Bhatt, 2005 – Bhatt R. Long-distance agreement in Hindi-Urdu. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2005. No. 23. Pp. 757–807.

- Boeckx, 2008 – Boeckx C. Aspects of the syntax of agreement. London, 2008.
- Bošković, 2010 – Bošković Ž. Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. *Formal Description of Slavic Languages 7.5*. G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.). Frankfurt, 2010. Pp. 31–48.
- Chomsky, 2000 – Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on Minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA, 2000. Pp. 89–155.
- Chomsky, 2001 – Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, MA, 2001. Pp. 1–52.
- Corbett, 1983a – Corbett G. Resolution rules: Agreement in person, number, and gender. *Order, Concord and Constituency*. G. Gazdar, E. Klein, G.K. Pullam (eds.). Dordrechts, 1983. Pp. 175–205.
- Corbett, 1983b – Corbett G. Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic. London, 1983.
- Corbett, 2006 – Corbett G. Agreement. Cambridge, 2006.
- Dalrymple, Kaplan, 2000 – Dalrymple M., Kaplan R.M. Feature indeterminacy and feature resolution. *Language*. 2000. No. 76 (4). Pp. 759–798.
- Glushan, 2013 – Glushan Z.A. The role of animacy in Russian morphosyntax. PhD dis. University of Connecticut. 2013.
- Haider, 2011 – Haider H. Grammatische Illusionen – lokal wohlgeformt – global deviant. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2011. No. 30. Pp. 223–257.
- Himmelreich, Hartmann, 2021 – Himmelreich A., Hartmann K. Agreement with disjoined subjects in German. Agreement in multivaluation construction, Goethe-Universität Frankfurt am Main, 19 Mai 2021. URL: <http://www.multivaluation.de/downloads/handout-himmelreichHartmann.pdf> (date of access: 03.12.2022).
- Johannessen, 1998 – Johannessen J.B. Coordination. New York, 1998.
- Krejci, 2020 – Krejci B. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. PhD dis. Stanford University. 2020.
- Marušič et al., 2015 – Marušič F.L., Nevins A., Badecker W. The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 39–77.
- Munn, 1993 – Munn A. Topics in the syntax and semantics of coordinate structures. PhD dis. University of Maryland. 1993.
- Nevins, 2011 – Nevins A. Multiple agree with clitics: Person complementarity vs. omnivorous number. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. No. 29. Pp. 939–971.
- Nevins, Weisser, 2019 – Nevins A., Weisser P. Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*. 2019. No. 5. Pp. 219–241.
- Pancheva, Zubizarreta, 2018 – Pancheva R., Zubizarreta M.L. The Person Case Constraint. The syntactic encoding of perspective. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2018. No. 36. Pp. 1291–1337.
- Preminger, 2011 – Preminger O. Asymmetries between person and number in syntax: A commentary on Baker's SCOPA. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. No. 29. Pp. 917–937.
- R Core Team, 2017 – R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2017.
- Shen, 2020 – Shen Z. Person and number agreement with exclusive disjunction in German. The 22nd Seoul International Conference on Generative Grammar, Gyeongsang National University, August 12–14, 2020. URL: http://2020.sicogg.or.kr/content/handout/h_Presentation_6.pdf (date of access: 03.12.2022).

Timmermans et al., 2004 – Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: Person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. *Linguistics*. 2004. No. 42. Pp. 905–929.

Willer-Gold et al., 2016 – Willer-Gold J., Arsenijević B., Batinić M. et al. Conjoint agreement and gender in South Slavic: From theory to experiments to theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2016. No. 24. Pp. 187–224.

Zehr, Schwarz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet based experiments (IBEX). 2018.

Zwicky, 1977 – Zwicky A. Hierarchies of person. *Papers from the Thirteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. W.A. Beach, S.E. Fox, S. Philosoph. Chicago, 1977. Pp. 714–733.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022

The article was received on 30.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Белова Дарья Дмитриевна – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; техник Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Daria D. Belova – MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; research assistant at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0863-3748>

E-mail: dd.belova@yandex.ru

Давидюк Татьяна Игоревна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; программист Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, Институт языкознания РАН, г. Москва

Tatiana I. Davidiyuk – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; junior researcher at the Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2276-2439>

E-mail: rachekit@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

Л.И. Паско

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование

В статье представлены результаты экспериментального исследования, в котором проверяются предсказания АТВ-анализа в отношении частичного предикативного согласования по числу в русском языке. В случае частичного согласования в предложениях с сочиненным подлежащим предикат согласуется только с одним из конъюнктов по признаку единственного числа. Альтернативная стратегия, полное согласование, предполагает согласование со всем сочиненным подлежащим по множественному числу. Согласно одному из подходов к анализу частичного согласования, АТВ-анализу, частичное согласование невозможно, если предикат является симметричным или находится в постпозиции по отношению к подлежащему. Эти утверждения были проверены экспериментальными методами. В ходе проведенного эксперимента респонденты оценивали стимульные предложения по шкале Ликерта 1–7. Дизайн эксперимента включал три независимых переменных: 1) тип предиката, 2) позиция предиката по отношению к подлежащему, 3) число предиката. Согласно результатам эксперимента, гипотезы АТВ-анализа не подтвердились: предложения с частичным согласованием симметричных и несимметричных предикатов оказываются одинаково приемлемыми; предложения с частичным согласованием в постпозиции оцениваются значимо выше, чем неграмматичные филлеры, но ниже, чем предложения с частичным согласованием в препозиции. Полученные результаты служат аргументом против АТВ-анализа.

Ключевые слова: частичное согласование, АТВ-анализ, симметричные предикаты, порядок слов, экспериментальный синтаксис, русский язык

© Паско Л.И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Паско Л.И. Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 89–103. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-89-103

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-89-103

L. Pasko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Against ATB-analysis of partial agreement in Russian: An experimental study

This paper presents the results of an experimental study addressing predictions of the ATB-analysis of predicative partial number agreement in Russian. In case of partial agreement in clauses with a coordinated subject, the predicate shows singular agreement with only one of the conjuncts. The alternative strategy, full agreement, involves plural agreement with the entire coordinated subject. According to one of the approaches to partial agreement, the ATB-analysis, partial agreement is impossible if the predicate is symmetrical or linearly follows the subject. We conducted an experimental study using acceptability judgement task (Likert scale 1–7), aiming to test these statements. The experimental design included three independent variables: 1. predicate type, 2. predicate position in relation to the subject, and 3. predicate number. According to the results of the experiment, the hypotheses of ATB-analysis were not confirmed: sentences with partial agreement of symmetrical and non-symmetrical predicates were rated equally acceptable; sentences with partial agreement in postposition were rated significantly more acceptable than ungrammatical fillers, but less acceptable than sentences with partial agreement in preposition. The results provide an argument against the ATB-analysis.

Key words: ATB-analysis, experimental syntax, partial agreement, Russian, symmetrical predicates, word order

Acknowledgments. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

FOR CITATION: Pasko L. Against ATB-analysis of partial agreement in Russian: An experimental study. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 89–103. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-89-103

1. Введение

В русском языке возможны две стратегии предикативного согласования по числу с подлежащим, которое представляет собой сочинение двух именных групп (ИГ), обладающих признаком единственного числа. Первая стратегия заключается в том, что предикат согласуется с подлежащим по множественному числу (полное согласование) (1a). В рамках второй стратегии предикат получает признак единственного числа. Такая стратегия называется частичным согласованием¹, т.к. в качестве контролера согласования выступает только один из конъюнкторов (1b).

(1) а. На столе **лежат** ручка и карандаш.

б. На столе **лежит** ручка и карандаш.

В данной статье будут представлены результаты экспериментального исследования, проверяющего предсказания одного из подходов к анализу частичного согласования – АТВ-анализа. Изложение организовано следующим образом: в разделе 2 представлен обзор АТВ-анализа частичного согласования и эмпирических обобщений, на которых он основывается, а также рассматриваются другие подходы к частично-му согласованию; раздел 3 посвящен экспериментальному исследованию; в разделе 4 содержатся выводы.

2. АТВ-анализ и другие подходы к анализу частичного согласования

В диссертации Б. Крейци предлагается анализ частичного согласования в русском языке, согласно которому различия между предложениями с полным согласованием и частичным согласованием заключаются

¹ В англоязычной литературе используются термины *partial agreement*, *first conjunct agreement*, *conjunct-sensitive agreement*.

не только в выборе контролера согласования, но и в синтаксической структуре [Krejci, 2020, p. 243]. Предполагается, что предложения с полным согласованием содержат сочиненное подлежащее как фонологически, так и структурно, тогда как в предложениях с частичным согласованием сочинение происходит на уровне глагольных групп. Наблюдаемый эффект частичного согласования – результат синтаксической деривации, отличной от стандартного предикативного согласования.

Согласно точке зрения Б. Крейци, в предложениях с частичным согласованием до согласования происходит АТВ-передвижение (Across-the-board movement): одинаковые элементы, находящиеся в разных конъюнктах сочиненной конструкции, подвергаются одновременно выдвиганию за пределы сочиненной конструкции. Совпадающие вершины V одновременно выдвигаются в вершину Asp, что приводит к тому, что в предложении остается только один материально выраженный предикат (2).

(2) На столе [_{TP}[_{AspP} **лежит** [_{VP0}[_{VP1} ~~лежит~~ ручка] [_{&P} и [_{VP2} ~~лежит~~ карандаш]]]]].

В подобных предложениях в качестве контролера согласования вершина T выбирает ближайшую ИГ в именительном падеже в зоне своего с-командования (в примере (2) – ИГ *ручка*). Поскольку в русском языке финитная вершина T обладает требованием EPP, то ИГ, с которой происходит согласование, должна передвигаться в позицию Spec, TP. Б. Крейци предполагает, что в предложениях с частичным согласованием, аналогичных (2), такое передвижение происходит скрыто и поэтому подлежащее линейно следует за глаголом в материальной реализации предложения. Отметим, что это передвижение нарушает ограничение сочиненной конструкции (Coordinate structure constraint, CSC): в русском языке сочиненная конструкция создает сильный остров, преодолеть который позволяет только АТВ-передвижение [Моргунова, 2021, с. 38]. Однако, согласно точке зрения Б. Крейци, нарушение CSC не всегда является причиной неграмматичности предложения. Вслед за [Grosu, 1973], Б. Крейци разделяет CSC на две части:

1) конъюнкты не могут подвергаться передвижению за пределы сочиненной конструкции;

2) элементы, входящие в состав конъюнктов, не могут подвергаться передвижению за пределы сочиненной конструкции [Krejci, 2020, p. 223].

Согласно точке зрения Б. Крейци, первая часть CSC – более строгое требование, нарушение которого приводит к неграмматичному результату, тогда как нарушение второй части CSC имеет менее серьезные

последствия [Krejci, 2020, p. 256]. При АТВ-анализе частичного согласования ИГ, подвергающаяся передвижению в Срес, ТР, является частью глагольного конъюнкта. Ее передвижение нарушает вторую часть CSC, и это не ведет к неграмматичности предложения [Там же, p. 258]. Если же считать, что требование ЕРР вершины Т при частичном согласовании удовлетворяется так, как предложила Б. Крейци, но при этом предполагать сочинение на уровне ИГ, необходимо признать все предложения с частичным согласованием неграмматичными: сама передвигающаяся ИГ представляет собой конъюнкт, следовательно, ее передвижение нарушает первую часть CSC.

АТВ-анализ делает предсказания о невозможности частичного согласования в некоторых контекстах: во-первых, в случаях, когда предикат является симметричным, во-вторых, при постпозиции предиката по отношению к подлежащему. Симметричность – семантическое свойство предикатов, которое предполагает аргументную структуру особого типа. Симметричный предикат обязательно должен иметь более одного участника с одной семантической ролью. К предикатам такого типа относятся, например, *противопоставлять*, *сплетаться*, *сравнивать*, *пересекаться*. С точки зрения Б. Крейци, частичное согласование симметричных предикатов невозможно по формальным причинам. Синтаксическая структура предложений с частичным согласованием включает сочинение глагольных групп, содержащих идентичные вершины V. При этом ИГ, которые в фонологической реализации предложения являются частями сочиненного подлежащего, находятся в разных глагольных группах, см. структурное представление (3b) для предложения (3a), которое оценивается Б. Крейци как неграмматичное. Если в вершинах V находятся симметричные предикаты, их обязательные валентности остаются незаполненными. Предложения, в которых валентности симметричных предикатов не заполнены, не могут быть грамматичны, ср. пример (3c) без сочинения, в котором есть аналогичное нарушение.

(3) а. По средам *встречается маленький мальчик и его сосед.
[Krejci, 2020, (520)]

б. По средам [_{AspP} встречается [_{VP0} [_{VP1} встречается маленький мальчик] [_{&P} и [_{VP2} встречается его сосед]]]].

с. По средам *встречается маленький мальчик.

Запрет на частичное согласование при постпозиции предиката по отношению к подлежащему также можно объяснить структурно. Поскольку АТВ-передвижение относится к А'-передвижениям, в русском языке оно может осуществляться только влево. Значит, в результате АТВ-передвижения глагола должен деривироваться линейный

порядок, в котором сказуемое предшествует подлежащему. Важно, что сочиненное подлежащее не может в дальнейшем занять предглагольную позицию в результате передвижения в Срес, ТР, т.к. в синтаксической структуре не образует составляющую: ИГ находятся в разных глагольных группах [Krejši, 2020, p. 245] (4b).

(4) а. Стакан и пепельница *стоял/*стояла на столе.

[Там же, (30)]

б. [_{CP} [_{TP} [_{AspP} стоял/стояла [_{VP0} [_{VP1} естоял стакан] [_{&P} и [_{VP2} естояла пепельница]]]]].

Альтернативой АТВ-анализу является подход, предполагающий сочинение на уровне ИГ. Согласно этой точке зрения, предложения с частичным согласованием структурно идентичны предложениям с полным согласованием и содержат сочиненную группу в роли подлежащего [РГ, 1980; Санников, 2008; Пекелис, 2013а, 2013б; Bošković, 2010]. Различия между предложениями с полным и частичным согласованием заключаются только в том, какая группа выбирается в качестве контролера согласования: если согласование контролируется всей сочиненной конструкцией, согласование происходит по множественному числу; если же согласование контролируется одним из конъюнктов в составе сочиненной ИГ, сказуемое согласуется по единственному числу. Выбор контролера может объясняться линейной позицией: предполагается, что сказуемое согласуется с линейно ближайшим конъюнктом, входящим в состав подлежащего [РГ, 1980, с. 243; Санников, 2008, с. 150; Пекелис, 2013а, 2013б, с. 55]. В работе [Bošković, 2010] представлено альтернативное, структурное, объяснение выбора контролера: согласование происходит с той ИГ в составе сочиненного подлежащего, которая находится выше в синтаксической структуре.

В рамках подходов, предполагающих сочинение ИГ, как и в АТВ-анализе, отмечается влияние факторов симметричности и позиции предиката. Например, частичное согласование симметричных предикатов строго запрещается: «При обозначении совместного действия сказуемым-глаголом с постфиксом -ся правильна форма мн. ч.» [РГ, 1980, с. 243]. О.Е. Пекелис также относит симметричность предиката к сильным факторам: симметричность блокирует частичное согласование [Пекелис, 2013а], см. (5). В.З. Санников признает симметричность сказуемого слабым фактором, который, хоть и оказывает влияние на приемлемость предложения, может нейтрализоваться в некоторых контекстах [Санников, 2008, с. 159]. Например, частичное согласование в (6а) оценивается в работе как неграмматичное, тогда как в (6b) частичное согласование, напротив, предпочтительно; причины,

по которым фактор нейтрализуется, при этом не обсуждаются. В.З. Санников и О.Е. Пекелис объясняют пониженную допустимость частичного согласования симметричных предикатов семантическими факторами: семантика множественности создает предпосылки для выбора грамматической формы множественного числа.

(5) Нельзя, чтобы бизнес и власть *переплеталась.

[Пекелис, 2013а, (98)]

(6) а. Там *целуется Коля и его невеста. [Санников, 2008, с. 159]

б. Здесь быстро ^{OK}скапливается/[?]скапливаются грязь и пыль.

[Там же]

В отношении второго фактора, позиции предиката, мнения исследователей, постулирующих сочинение на уровне ИГ, различаются. В [РГ, 1980, с. 243] содержится категоричное утверждение: частичное согласование сказуемого, которое следует за подлежащим, невозможно. В.З. Санников и О.Е. Пекелис относят позицию сказуемого к слабым факторам: частичное согласование предиката в постпозиции хоть и менее вероятно, но все же возможно [Санников, 2008, с. 154; Пекелис, 2013а, 2013б, с. 57], см. примеры (7), (8). Этот феномен объясняется механизмами порождения речи: если предикат следует в предложении за подлежащим, множественность подлежащего навязывает множественное число предикату. В [Bošković, 2010], напротив, принимается точка зрения, согласно которой частичное согласование грамматично как в препозиции, так и в постпозиции, при этом автор не делает никаких утверждений о большей приемлемости частичного согласования в какой-либо из позиции (9).

(7) ^{OK}Пришел отец и мать. – Отец и мать *пришла.

[Санников, 2008, с. 155]

(8) И я помню, как ^{OK}возмутилась семья и духовенство. (Митрополит Антоний (Блум). О болезнях (1995)) – Духовенство и семья

^{??}возмутилась. [Пекелис, 2013а]

(9) ^{OK}Было разрушено одно селение и одна деревня. – Одна деревня и одно селение ^{OK}было разрушено. [Bošković, 2010, (17)]

Хотя предсказания АТВ-анализа и подходов, предполагающих сочинение на уровне ИГ, частично совпадают, только в случае АТВ-анализа выполнение описанных ограничений необходимо для состоятельности анализа. Как указывает Б. Крейци, АТВ-анализ предпочтителен, поскольку объясняет рассмотренные ограничения проще и однозначнее, чем подход, предполагающий сочинение ИГ.

Заметим, что во всех рассмотренных работах утверждения о существенном влиянии симметричности и позиции предиката на доступность частичного согласования основываются, прежде всего, на интроспекции исследователей, а не на эмпирических данных. В [Пекелис, 2013б] фактор позиции предиката изучался на корпусном материале, однако объектом исследования были конструкции с двойным сочинительным союзом, поэтому полученные результаты не могут напрямую распространяться на сочиненные группы с одиночным союзом. В [Пекелис, 2013а; Kęjci, 2020] тезисы о невозможности частичного согласования подкрепляются корпусными примерами. Впрочем, в таком случае решения о неграмматичности выносятся самими авторами, потому что корпус не дает возможности получить отрицательный языковой материал (10). Отметим также, что примеры «невозможного» частичного согласования все же встречаются в НКРЯ: например, в (11а–b) представлено частичное согласование симметричных предикатов *соединяться* и *различаться*.

- (10) Когда мы скрепили договор рукопожатием, тьма и свет
^{OK}встретились/*встретился между наших ладоней.
 (С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)) [Пекелис, 2013а, (99)]

- (11) а. [Воронцова] Как чудесно в Пушкине **соединяется** гений
 и просвещение... (М.А. Булгаков. Александр Пушкин. Пьеса
 в четырех действиях (1939))

- б. В биноминативном предложении не всегда **различается**
 подлежащее и сказуемое; всегда различаются только Тема
 и Рема (соответственно, Тематический и Рематический
 компонент). (Е.В. Падучева. Русский литературный язык
 до и после Пушкина (2001))

Кроме того, в большей части встретившихся в литературе примеров, показывающих невозможность частичного согласования при симметричности или постпозиции предиката, на приемлемость частичного согласования оказывают влияние и другие релевантные факторы. Согласно [Пекелис, 2013б, с. 57], на приемлемость частичного согласования также могут влиять следующие параметры: статус подлежащего на иерархии одушевленности (чем выше статус, тем менее вероятно частичное согласование); совпадение рода конъюнктов в случае, если сказуемое обладает признаком прошедшего времени. Например, в предложении (3), повторенном ниже как (12), вероятность частичного согласования понижается не только из-за симметричности предиката *встречаться*, но также и из-за одушевленности конъюнктов. В примере (4),

повторенном ниже как (13), на приемлемость частичного согласования влияет не только постпозиция предиката, но и несовпадение рода конъюнктов, контролирующих согласование предиката в форме прошедшего времени.

(12) По средам *встречается маленький мальчик и его сосед.
[Krejci, 2020, (520)]

(13) стакан и пепельница *стоял/*стояла на столе. [Там же, (30)]

Таким образом, хотя представленные в литературе суждения и отражают интуицию носителей о приемлемости частичного согласования в различных контекстах, на них могут оказывать воздействие другие факторы. Влияние симметричности и постпозиции предиката на доступность частичного согласования нуждается в проверке. Во-первых, при исследовании влияния каждого из факторов требуется ограничить влияние других релевантных факторов. Во-вторых, необходимо проверить выполнение предсказанных анализом ограничений на достаточной выборке носителей русского языка.

3. Экспериментальное исследование

Мы провели экспериментальное исследование, чтобы выяснить, влияют ли симметричность и постпозиция предиката на приемлемость частичного согласования. В качестве гипотез исследования выступали предсказания АТВ-анализа.

Гипотеза 1: частичное согласование симметричных предикатов недопустимо.

Гипотеза 2: частичное согласование при постпозиции предиката по отношению к подлежащему недопустимо.

3.1. Дизайн и реализация эксперимента

В ходе эксперимента респонденты давали стимульным предложениям оценку приемлемости по шкале Ликерта 1–7. Дизайн эксперимента включал три независимых переменных с двумя уровнями:

- 1) тип предиката (симметричный/несимметричный);
- 2) позиция предиката по отношению к подлежащему (препозиция/постпозиция);
- 3) число предиката (множественное, полное согласование / единственное, частичное согласование).

Подлежащее представляло собой сочинение двух ИГ с помощью одиночного союза *и*. Помимо подлежащего и сказуемого предложения включали адъюнктивную предложную группу, которая помещалась

в начальную или конечную линейную позицию в предложении в зависимости от порядка подлежащего и сказуемого.

Чтобы избежать влияния других релевантных для частичного согласования факторов, которые обсуждались выше, были зафиксированы следующие переменные: неодушевленность обоих конъюнктов, настоящее время предиката, несовершенный вид предиката, единственное число обоих конъюнктов (если бы хотя бы один из конъюнктов в составе сочиненного подлежащего обладал признаком множественного числа, возникала бы неоднозначность при интерпретации согласования по множественному числу: полное с обоими конъюнктами или частичное с конъюнктом во множественном числе).

Также в стимульном материале были сбалансированы следующие переменные: тип возвратного предиката – декаузатив (14a) / пассив (14b), соотношение рода конъюнктов – совпадение (15a) / несовпадение (15b). В таблице 1 приводится пример экспериментального блока.

(14) а. На нижнем рисунке пересекаются окружность и отрезок.

б. В глубокую емкость сыпаются сахар и соль.

(15) а. В новом курсе совмещаются теория и практика.

б. На музейной экспертизе сравниваются оригинал и подделка.

Каждое экспериментальное условие было представлено четырьмя лексикализациями. Стимулы распределялись по экспериментальным листам по правилу латинского квадрата, в каждый лист вошло 32 стимульных, 32 филлерных и 4 тренировочных предложения. Филлеры повторяли структуру стимульных предложений, но содержали сочиненную конструкцию в позиции прямого дополнения. Филлеры делились на грамматичные (16a) и неграмматичные (16b). Неграмматичные филлеры содержали ошибку в падеже одного из конъюнктов.

(16) а. Ваня кладет компьютер и зарядку в походный рюкзак.

б. Для бального платья королева выбирает бархат и шелком.

Эксперимент распространялся через сервис Яндекс.Толока (URL: <https://toloka.ai>). При подсчете результатов учитывались данные 75 респондентов со следующими характеристиками: возраст – 19–68 лет, среднее 37,93 года, стандартное отклонение 10,18; пол – 27 женский (36%), 47 мужской (63,7%), 1 не указан (1,3%); родные языки кроме русского – английский (4), татарский (2), украинский (1); с лингвистическим образованием – 4. Из рассмотрения были исключены результаты 13 участников, отсеянных по критериям [Герасимова, 2021].

Таблица 1

Пример экспериментального блока
[Stimuli examples]

Переменные [Variables]			Стимульные предложения [Stimuli]
1. Тип [Type]	2. Позиция предиката по отношению к подлежащему [The position of the predicate in relation to the subject]	3. Число предиката [Predicate number]	
Симметричность предиката [Symmetrical predicate]	Препозиция [Preposition]	Мн. ч. [Plural]	(1) На старой фотографии сливаются лицо и фон.
		Ед. ч. [Singular]	(2) На старой фотографии сливается лицо и фон.
	Постпозиция [Postposition]	Мн. ч. [plural]	(3) Лицо и фон сливаются на старой фотографии.
		Ед. ч. [Singular]	(4) Лицо и фон сливается на старой фотографии.
Несимметричность предиката [Non-symmetrical predicate]	Препозиция [Preposition]	Мн. ч. [Plural]	(5) На старой фотографии стираются лицо и фон.
		Ед. ч. [Singular]	(6) На старой фотографии стирается лицо и фон.
	Постпозиция [Postposition]	Мн. ч. [Plural]	(7) Лицо и фон стираются на старой фотографии.
		Ед. ч. [Singular]	(8) Лицо и фон стирается на старой фотографии.

Результаты эксперимента были обработаны и обчислены в среде R с помощью применения линейных смешанных моделей (пакет lmerTest [Kuznetsova, 2017]), попарных сравнений Тьюки и t-критерия Стьюдента. В качестве оптимальной была выбрана модель со следующей формулой:

$$\begin{aligned} lme4::lmer(zscores \sim 1 + number + position + number:position + \\ + predicate + (1 | sentence_id) + \\ + (1 + number + position | id), data = results), \end{aligned}$$

где *number* – число предиката; *position* – позиция предиката; *predicate* – тип предиката (симметричный/несимметричный); *sentence_id* – стиммное предложение; *id* – респондент.

Эта модель значима: она значимо отличается от модели с той же структурой случайных эффектов, в которой отсутствуют фиксированные эффекты ($p\text{-value} < 0,001$).

3.2. Результаты эксперимента

В нашем исследовании значимыми оказались фактор числа предиката ($\beta = -0,58$, $SE = 0,07$, $t = -8,04$, $p\text{-value} < 0,0001$) и взаимодействие факторов позиции предиката и числа предиката ($\beta = 0,36$, $SE = 0,08$, $t = 4,65$, $p\text{-value} < 0,0001$).

Значимые различия наблюдаются между группами условий, которые различаются следующими значениями переменных: мн. ч. / ед. ч. (критерий Тьюки, $\beta = 0,40$, $SE = 0,06$, $t = 6,57$, $p\text{-value} < 0,0001$); постпозиция, ед. ч. / препозиция, ед. ч. (критерий Тьюки, $\beta = -0,35$, $SE = 0,06$, $t = -5,96$, $p\text{-value} < 0,0001$); постпозиция, мн. ч. / постпозиция, ед. ч. (критерий Тьюки, $\beta = 0,58$, $SE = 0,07$, $t = 8,04$, $p\text{-value} < 0,0001$). В остальных релевантных для анализа парах различия не значимы. Результаты можно интерпретировать следующим образом: полное согласование в целом оценивается респондентами выше, чем частичное согласование; частичное согласование оценивается значимо ниже в постпозиции, чем в препозиции; в постпозиции полное согласование оценивается значимо выше, чем частичное согласование. Таким образом, хотя гипотеза 2 о недопустимости частичного согласования в постпозиции не подтвердилась, т.к. такие предложения оцениваются значимо выше, чем неграмматичные филлеры (t-критерий Стьюдента, $p\text{-value} < 0,0001$), позиция предиката все же оказывает влияние на приемлемость частичного согласования.

Взаимодействие факторов типа предиката и числа предиката оказалось незначимым. Предложения с частичным согласованием симметричных предикатов оценивались так же высоко, как и предложения

с частичным согласованием несимметричных предикатов: ед. ч., несимметричный / ед. ч., симметричный (критерий Тьюки, $\beta = 0,58$, $SE = 0,04$, $t = 1,52$, $p\text{-value} = 0,429$). Следовательно, гипотеза 1 о невозможности частичного согласования симметричных предикатов не подтвердилась на наших данных.

На рисунке 1 приводится диаграмма взаимодействия всех независимых переменных. В пределах рамок значимых различий между оценками нет.

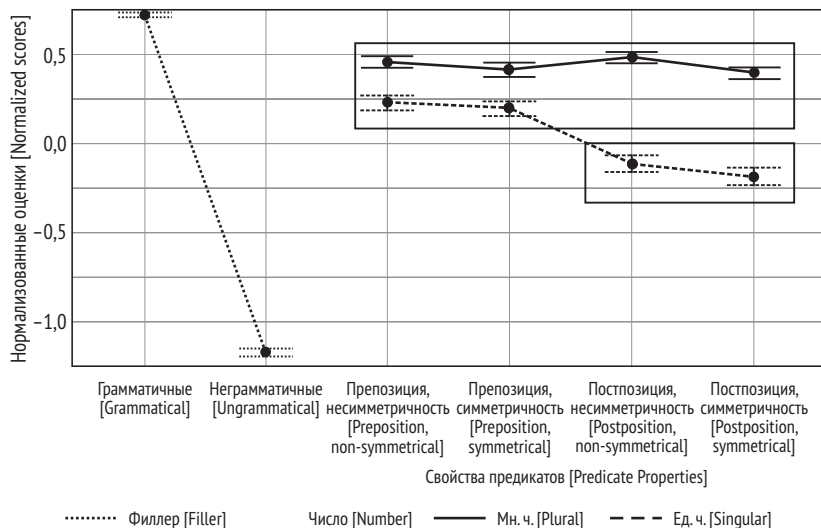

Рис. 1. Диаграмма взаимодействия факторов

Fig. 1. Interaction plot

4. Обсуждение

Оба предсказания, которые приводятся в АТВ-анализе [Krejci, 2020], не подтвердились на наших данных. АТВ-анализ предполагает, что предложения с частичным согласованием симметричных предикатов неграмматичны, однако приемлемость таких предложений не отличается от приемлемости предложений с несимметричными предикатами. Хотя взаимодействие факторов позиции и числа предиката значимо и частичное согласование действительно оценивается ниже в постпозиции по отношению к подлежащему, предсказание АТВ-анализа является слишком строгим: неверно, что такие предложения неграмматичны.

Полученные нами результаты противоречат и некоторым обобщениям подходов, постулирующих сочинение на уровне ИГ. В частности, одинаковая приемлемость частичного согласования симметричных и несимметричных предикатов не предсказывается ни одной из работ. В отношении фактора позиции предиката оказывается верной точка зрения В.З. Санникова и О.Е. Пекелис: постпозиция предиката относительно подлежащего является слабым фактором, делающим предложения менее приемлемыми, но не неграмматичными.

Несмотря на то, что ни один из представленных в литературе анализов не предсказывает полученные нами результаты полностью, ошибочность предсказаний имеет различные последствия для состоятельности анализа. В то время как в случае подходов, предполагающих сочинение ИГ, требуется только уточнение силы эффекта факторов, релевантных для частичного согласования, АТВ-анализ не совместим с полученными нами результатами. Ограничения, которые предсказываются АТВ-анализом, объясняются формальными характеристиками (незаполненность обязательных валентностей, невозможность передвижения единицы, не являющейся составляющей) и не могут быть модифицированы, чтобы лучше соответствовать эмпирическим данным. Таким образом, наше исследование представляет собой аргумент против АТВ-анализа частичного предикативного согласования по числу в русском языке.

На основании нашего исследования также можно сделать методологические выводы. Наши результаты служат подтверждением необходимости использования эмпирических данных в лингвистических исследованиях: результаты, полученные в ходе экспериментального исследования, не совпадают с интроспективными оценками исследователей. Кроме того, эксперимент позволяет выбрать верное обобщение, когда оценки исследователей представлены континуумом мнений: в нашем случае от полного запрета частичного согласования в постпозиции до отсутствия позиционных ограничений.

Библиографический список / References

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 12.12.2022) [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktiku-ma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Моргунова, 2021 – Моргунова Е.В. Островные конструкции в русском языке // Русские острова в свете экспериментальных данных / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.А. Герасимовой. М., 2021. С. 35–55. [Morgunova E.V. Island constructions

in Russian. *Russkie ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh*. E.A. Lyutikova, A.A. Gerasimova (eds.). Moscow, 2021. Pp. 35–55. (In Rus.)]

Пекелис, 2013а – Пекелис О.Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). На правах рукописи. М., 2013. [Pekelis O.Ye. Sochinenie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru/>)] [Coordination. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru/>)]. As a manuscript. Moscow, 2013.]

Пекелис, 2013б – Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. Вып. 4. С. 55–86. [Pekelis O.Ye. Partial agreement in constructions with correlative conjunctions: Corpus study of the main patterns. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2013. No. 4. Pp. 55–86. (In Rus.)]

РГ, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2. [Russkaja grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 2. Moscow, 1980.]

Санников, 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. [Sannikov V.Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in the view of semantics and pragmatic]. Moscow, 2008.]

Bošković, 2010 – Bošković Ž. Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. *Formal Description of Slavic Languages*. G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.). 2010. No. 7.5. Pp. 31–48.

Grosu, 1973 – Grosu A. On the nonunitary nature of the Coordinate Structure Constraint. *Linguistic Inquiry*. 1973. No. 4 (1). Pp. 88–92.

Krejci, 2020 – Krejci B. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. PhD thesis. Stanford University. 2020.

Kuznetsova et al., 2017 – Kuznetsova A. lmerTest Package: Tests in linear mixed effects models. *Journal of Statistical Software*. A. Kuznetsova, P.B. Brockhoff, R.H.B. Christensen (eds.). 2017. Vol. 82. No. 13. Pp. 1–26.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022

The article was received on 30.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Паско Лада Игоревна – студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; техник Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Lada I. Pasko – student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; research assistant at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0533-809X>

E-mail: paskolada@yandex.ru

УДК: 81-114.4

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-104-118

Д.Д. Врубель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Эффект синкретизма при предикативном согласовании с сочинительными конструкциями с повторяющимся союзом *и*

В русском языке существует две стратегии согласования предиката с сочинительными конструкциями: согласование по множественному числу (стандартное) и согласование по единственному числу (частичное), при котором предикат согласуется с одним из конъюнктов. Одним из факторов, повышающих приемлемость частичного согласования, является совпадение характеристик рода и числа у всех сочиненных подлежащих. Мы предполагаем, что в таком случае наблюдается эффект, аналогичный эффекту синкретизма: согласовательные формы предиката совпадают для обоих конъюнктов, любой из них, соответственно, может выступать контролером согласования, что, в свою очередь, повышает приемлемость согласования по единственному числу. В данной работе это предположение было проверено экспериментально на материале конструкций с повторяющимся союзом *и*, которые способствуют возникновению частичного согласования. По этой же причине была выбрана препозиция предиката. Основной гипотезой было предположение о том, что приемлемость частичного согласования будет значимо выше для стимулов с совпадающим признаком рода у обоих конъюнктов. Результаты эксперимента позволили подтвердить основную гипотезу. Наблюдаемый эффект интересен тем, что в отличие от стандартного эффекта синкретизма, при котором структура грамматична только при синкретичных формах, частичное согласование является приемлемым и при несовпадении рода конъюнктов, однако совпадение согласовательных форм предиката является фактором, повышающим приемлемость данной стратегии согласования. Этим наблюдаемое явление похоже

© Врубель Д.Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

на эффект синкретизма, наблюдаемый, например, при ошибках аттракции, которые более вероятны в предложениях с синкретичной вершиной, однако могут появляться и в других предложениях. Тот факт, что частичное согласование является возможным при несовпадении родов конъюнктов, может также выступать аргументом в пользу постсинтаксической модели согласования.

Ключевые слова: повторяющийся союз, сочинение, синкретизм, частичное согласование, экспериментальный синтаксис, русский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Врубель Д.Д. Эффект синкретизма при предикативном согласовании с сочинительными конструкциями с повторяющимся союзом и // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 104–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-104-118

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-104-118

D. Vrubel

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The role of syncretism in the predicate agreement with coordinate constructions with the Russian correlative conjunction *i...i*

There are two strategies of agreement with coordinate constructions in Russian: standard agreement, in which the predicate takes plural form, and partial agreement in which the predicate agrees with one of the conjuncts. Both subjects having the same gender and number characteristics is one of the factors that make partial agreement more plausible. We explore whether in this case the acceptability of partial agreement is increased due to the syncretism effect. To study this issue, an experimental study was conducted. Our main hypothesis stated that the acceptability of partial agreement will be higher for the stimuli with the conjuncts of the same gender. The Russian correlative conjunction *i...i* was chosen for the stimuli as its semantic features are similar to the typical ones of constructions with partial agreement. The design

included two independent variables (number of predicate and combination of conjuncts' genders). Likert scale 1–7 was used to measure acceptability. The results show that matching features of conjuncts influence the acceptability of partial agreement in Russian. Although matching features significantly increase the acceptability of partial agreement, this agreement strategy is possible in non-syncretic sentences as well, what makes the observed effect different from the cases of resolution by syncretism. The possibility of partial agreement with coordinate constructions compound of conjuncts of different gender may also be interpreted as an argument in favour of post-syntactic model of agreement.

Key words: coordination, correlative conjunction, experimental syntax, subject-verb agreement, partial agreement, syncretism

FOR CITATION: Vruble D. The role of syncretism in the predicate agreement with coordinate constructions with the Russian correlative conjunction *i...i*. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 104–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-104-118

1. Введение

Одним из главных средств выражения предикативных отношений является согласование подлежащего и сказуемого. Так, в русском языке значение числа и рода глагола совпадает с соответствующими граммемами именной группы, являющейся спецификатором ТР. Однако при согласовании предиката с подлежащим, выраженным сочинительной конструкцией, правила согласования становятся несколько сложнее.

Распространенным явлением во многих языках в таком случае является стратегия частичного согласования [Corbett, 1983], при которой предикат в качестве контролера согласования выбирает один из конъюнктов сочиненного подлежащего. Традиционно считается, что в русском языке в таком случае согласование предиката происходит с линейно ближайшим к нему конъюнктом [Пешковский, 1928, с. 451]. Так, в примере (1), при несовпадении признаков рода первого (м. р.¹) и второго (ж. р.) конъюнктов, значение категории рода предиката совпадает со значением категории рода конъюнкта, ближайшему в нему (м. р.).

¹ Сокращения: ед. ч. – единственное число; мн. ч. – множественное число; м. р. – мужской род; ж. р. – женский род; ср. р. – средний род; SA – клитика согласования предиката с подлежащим (subject agreement clitic); 5, 6, 7, 8, 10 – согласовательные классы существительных и согласовательных морфем; И.п. – именительный падеж; В.п. – винительный падеж.

- (1) Этим летом в городе активно шел ремонт и реконструкция тепловых сетей. (Девять малых котельных закрыли в Красноярске по плану снижения выбросов // Известия. 2020.12)

Другой стратегией согласования является согласование предиката с сочинительной конструкцией по множественному числу (2). В таком случае согласование происходит со всем сочиненным подлежащим, «все подлежащие берутся мыслью <...> как своего рода слитное подлежащее» [Пешковский, 1928, с. 450]. Такая стратегия согласования в разных работах называется стандартной или полной.

- (2) После этой улыбки и разговора о сковородках, щеглах и хризантемах его одинаково возненавидели и Курт, и Марта.
(Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1 (1943–1958))

Существует ряд факторов, способствующих выбору той или иной стратегии согласования. Так, например, вероятность частичного согласования повышается при совпадении характеристик рода и числа у всех сочиненных подлежащих [Санников, 2008], ср. примеры (3а) и (3б). Мы предполагаем, что в таком случае наблюдается эффект синкретизма: конфликт признаков конъюнктов нивелируется, контролером согласования может выступать любой из конъюнктов, в результате чего приемлемость частичного согласования повышается.

- (3) а. В длинном проигрыше играл орган и барабан.
б. В длинном проигрыше играл орган и скрипка.

Целью работы было проверить экспериментально, наблюдается ли повышение приемлемости частичного согласования с сочиненными конструкциями при совпадении рода конъюнктов. Необходимость в экспериментальной проверке существует по той причине, что только данные, полученные в ходе эксперимента, способны в полной мере отразить восприятие тех или иных языковых явлений носителями. Так, корпусное исследование частичного согласования не дает однозначного ответа о значимости отдельных факторов: при препозиции предиката подлежащему в корпусе представлено много примеров вне зависимости от остальных факторов, в то время как при постпозиции предиката подлежащему примеров с частичным согласованием в конструкциях с несовпадающим родом одушевленных конъюнктов не нашлось совсем [Пекелис, 2013, с. 61], что, однако, еще не является доказательством их неграмматичности.

Для экспериментального исследования была выбрана препозиция предиката и повторяющийся союз *и* с целью сделать контекст более благоприятным для возникновения частичного согласования и уравновесить влияние прошедшего времени предиката и несовпадения родов конъюнктов, которые являются факторами, повышающими вероятность полного согласования. Семантика конструкций с повторяющимся союзом хорошо совместима с интерпретационной спецификой конструкций с частичным согласованием, т.к. в обоих случаях конъюнкты, как правило, интерпретируются как отдельные участники, а не как некоторое единое множество [Пекелис, 2013].

Повышение приемлемости при совпадении рода конъюнктов может быть рассмотрено как эффект синкретизма, вызванный тем, что согласовательные формы предиката являются в таком случае одинаковыми для обоих конъюнктов. Кроме того, результаты эксперимента могут уточнить, на каком уровне происходит согласование с сочинительными конструкциями: синтаксическом или постсинтаксическом. Если предложения с частичным согласованием и конъюнктами разного рода будут оцениваться на уровне неграмматичных филлеров, мы сможем постулировать грамматический запрет такого согласования, а значит, означивание признаков происходит целиком в синтаксисе. Если же эффект повышения приемлемости будет наблюдаться при совпадении признаков конъюнктов, но и запрета одного из вариантов конструкции обнаружено не будет, то мы сможем предполагать, что на согласование действуют постсинтаксические факторы [Bobaljik, 2008, p. 3]. В противном случае механизм согласования был бы устроен синтаксически единообразно для двух случаев и различий в оценке бы не наблюдалось.

2. Стратегии согласования с сочинительными конструкциями

При стандартном согласовании контролером согласования предиката является вся сочинительная конструкция. Характеристики конъюнктов (например, род или лицо) внутри сочинительной конструкции могут различаться. В таких случаях для определения характеристик, по которым предикат согласуется с подлежащим, применяются так называемые правила резолюции.

Правила резолюции определяют согласовательную форму в неоднозначных случаях: таких как, например, согласование с сочиненными конструкциями, где конъюнкты могут обладать разными грамматическими признаками. Так, в (4) согласование предиката происходит по 1 лицу множественному числу, т.к. согласно правилам резолюции, при несовпадении лица конъюнктов конфликт признаков разрешается

согласованием по лицу, расположенному выше в иерархии $1 > 2 > 3$ [Zwicky, 1977, p. 718].

(4) Причем и я, и он знаем, что он умер, что его уже нет.

(Ю. Лепский. В поисках Бродского // Дальний Восток. 2019)

Правила резолюции лингвоспецифичны; в некоторых языках стандартное согласование с сочиненными конструкциями может быть вовсе невозможно в отдельных случаях. Например, в языке луганда (бенуэ-конголезская семья, группа банту, распространен в Уганде, в регионе Буганда), согласование с сочиненными конструкциями запрещено, если в состав сочиненной конструкции входят одновременно конъюнкты, обозначающие людей, и конъюнкты, называющие сущности, не являющиеся людьми [Corbett, 1983, p. 178]. В языках, в которых нет ограничений на полное согласование и правила резолюции существуют для любых комбинаций характеристик конъюнктов, частичное согласование, как правило, все еще возможно как способ избежать применения правил резолюции [Corbett, 1983].

Однако существует ряд факторов, при которых применение правил резолюции является предпочтительной стратегией. Так, сочиненные конструкции с одушевленными конъюнктами более склонны вызывать полное согласование с применением правил резолюции [Moravcsik, 1978]. Другим фактором, способствующим согласованию предиката со всей сочиненной конструкцией, является постпозиция предиката. В средневековых испанских текстах из 288 случаев согласования с сочиненными конструкциями с одушевленными конъюнктами и препозицией предиката в 96% наблюдается стратегия полного согласования [Corbett, 1983].

В русском языке представлено как полное, так и частичное согласование. Выбор между ними становился предметом многочисленных исследований. Некоторые исследователи разделяют факторы, определяющие выбор между частичным и полным согласованием, по силе воздействия. Сильные факторы однозначно определяют выбор стратегии, делая альтернативное согласование неграмматичным. Таким фактором для русского языка является, например, интерпозиция сказуемого [Пекелис, 2013]. Так, среди примеров (5а) и (5б) грамматичным будет только пример с частичным согласованием (5а).

(5) а. Часа четыре ломали и так и сяк, – ответил седой, – и фельдшер был и доктор – всех частей сбор. (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5 (1978))

б. * Часа четыре ломали и так и сяк, – ответил седой, – и фельдшер были и доктор – всех частей сбор.

Среди факторов, повышающих приемлемость частичного согласования, но не исключающих и возможность стандартного согласования, отмечалась, например, препозиция предиката. Согласно А.М. Пешковскому, «когда сказуемое стоит перед подлежащими, оно склонно согласовываться с ближайшим из них, когда же оно стоит после подлежащих, оно предпочитает объединить собой их всех» [Пешковский, 1928, с. 450] и, соответственно, пример (6a) представляет собой более благоприятный контекст для частичного согласования, чем (6b).

(6) а. В длинном проигрыше играл орган и барабан.

б. Орган и барабан играл в длинном проигрыше.

С.В. Кодзасов, описывая атрибутивное согласование с сочинительными конструкциями, указывал на влияние семантики конъюнктов: частичное согласование тем более приемлемо, чем более абстрактны денотаты [Кодзасов, 1987]: ср. пример (7a) с именами собственными и пример (7b) с абстрактными существительными, представляющими собой соответственно верхний и нижний концы шкалы определенности денотатов.

(7) а. [?] На картину смотрит Маша и Оля.

б. Среди суеты и сутолоки современной жизни существуют еще в мире уголки, где царит покой и величая тишина.

(За монастырской стеной // Иллюстрированная Россия. 1930)

При совпадении признаков конъюнктов вероятность частичного согласования также повышается [Санников, 2008; Пекелис, 2013]. Это может быть связано с тем, что согласовательные формы предиката в таком случае являются одинаковыми для обоих конъюнктов и любой из конъюнктов потенциально может выступать контролером согласования. Такое явление может быть рассмотрено как эффект синкретизма, т.к. повышение приемлемости вызвано признаковой омонимией контролеров согласования.

В отличие от форм множественного числа глаголов в настоящем времени (7), которые являются различными для разных лиц (пр. *знаем* и *знаете*) и, соответственно, зависят от того, как действуют правила резолюции, формы множественного глаголов в прошедшем времени в русском языке являются одинаковыми для всех родов существительных (пр. *знали*). Однако можно отметить, что факторы, способствующие употреблению стандартного согласования, совпадают с названными ранее факторами, при которых применение правил резолюции является предпочтительным.

3. Эффект синкретизма

Синкретизм заключается в совпадении поверхностного выражения нескольких грамматических форм или глубинных структур и может приводить к некоторым эффектам как в порождении, так и восприятии предложений.

Эффект синкретизма в стандартном определении предполагает, что некоторые ограничения могут быть сняты за счет синкретизма форм: так, в исландских конструкциях с дативным подлежащим глагол должен согласовываться и с подлежащим, и с номинативной DP, если таковая имеется, и предложение грамматично только в том случае, если морфемы, по которым глагол согласуется с двумя DP, совпадают и конфликт форм отсутствует [Sigurðsson et al., 2008].

В русском языке аналогичное явление наблюдается, например, при подъеме правого узла: предложение не является грамматичным, если два предиката, присутствующие в предложении, по-разному маркируют свои аргументы [Asarina, 2010]. Так, предложение (8a) неграмматично, т.к. элидированная форма И.п. *тарелка*, требуемая предикатом *надоела*, и форма В.п. *тарелку*, являющаяся аргументом предиката *оставил*, не совпадают. В то время как совпадение форм И.п. (*надоело блюдо*) и В.п. (*оставил блюдо*) в примере (8b) разрешает конфликт селекции форм и делает, таким образом, предложение грамматичным.

(8) а. * Он не оставил, т.к. ему надоела, тарелку с черной каемкой.

б. Он не оставил, т.к. ему надоело, блюдо с красной каемкой.

[Там же, р. 1]

При предикативном согласовании эффект синкретизма наблюдается, например, в языке коса (бенуэ-конголезская семья, группа банту, распространён в Восточной Капской провинции ЮАР), где согласование с сочиненными конструкциями невозможно при несовпадении согласовательных классов конъюнктов, кроме тех случаев, когда согласовательные аффиксы предиката для этих классов совпадают, что в свою очередь устраняет конфликт признаков контролеров согласования [Voeltz, 1971]. Так, пример (9) является неграмматичным, т.к. *zi-* является согласовательным аффиксом класса 8, который в свою очередь представляет собой класс существительных, относящихся в единственном числе к классу 7, однако согласовательный класс 5 во множественном числе требует другой согласовательной морфемы предиката. Пример (10) же является грамматичным, т.к., несмотря на то что 'руки' и 'уши' относятся к разным согласовательным классам (8 и 10 соответственно),

морфемы предиката, согласующегося с этими классами по множественному числу, являются одинаковыми.

(9) * Igqira ne-sanuse zi-yagoduka [Voeltz, 1971]

5.врач и-7.прорицатель SA.8-идут.домой

‘Врач и прорицатель идут домой’

(10) Izandla ne-endlebe zi-bomvu [Там же, 1971]

8.руки и-10.уши SA.8/10-быть.красным

‘Руки и уши красные’

Также синкретизм форм может повышать вероятность выбора неправильного контролера согласования из-за внешнего сходства потенциальных контролеров. По этой причине во многих работах исследовалось влияние синкретизма на порождение [Badecker, Kuminiaik, 2007; Hartsuiker et al., 2003] и восприятие ошибок аттракции [Slioussar, 2018].

Ошибки аттракции заключаются в том, что предикат ошибочно согласуется с некоторой DP (аттрактором), находящейся в окружении подлежащего, но не являющейся при этом его вершиной. Так, в примере (11) предикат согласуется по множественному числу с аттрактором *cabinets*, а не с вершиной *key*, согласование с которой должно было бы происходить по единственному числу.

(11) The key to the cabinets were rusty.

‘Ключ от шкафчиков был ржавым’ [Bock, Miller, 1991, p. 56]

В исследовании П.С. Макаровой и Н.А. Слюсарь роль синкретизма в аттракции при согласовании по роду в русском языке исследовалась экспериментально. Все зависимые существительные были неодушевленными, в синкретичной форме винительного падежа. Вершина была синкретичной в части предложений (12) и несинкретичной в других предложениях (13). Для синкретичной вершины были выбраны существительные третьего склонения (с совпадающими именительным и винительным падежами).

(12) Речь про этикет был скучным с первых слов.

(13) * Оценка за семестр был высоким у прилежного ученика.

В эксперименте использовался метод чтения с саморегуляцией скорости, выраженность эффекта аттракции измерялась через сравнение среднего времени чтения предиката. Результаты показали, что выраженность эффекта значительно повышается в предложениях, в которых вершина синкретична [Макарова, Слюсарь, 2021].

Мы увидели, что бывает два типа явлений, которые интерпретируются как эффект синкретизма. В одном случае разрешается грамматический запрет, в другом происходит модуляция характеристик восприятия языкового выражения. Далее мы исследуем, к чему может относиться рассматриваемый фактор согласования.

4. Эксперимент

Экспериментальное исследование, проведенное в рамках данной работы, ставило своей целью подтверждение повышения приемлемости частичного согласования при совпадающих грамматических признаках конъюнктов.

Дизайн эксперимента включал в себя две независимые переменные: число предиката (единственное или множественное) и сочетание родов конъюнктов (мужской и мужской, женский и женский, мужской и женский, женский и мужской). Стимульные предложения составлялись по следующей схеме: предложная группа + предложная группа + предикат + сочиненная конструкция. В табл. 1 представлен пример экспериментального блока.

В случае стимулов с предикатом в единственном числе согласование происходило с ближайшим к предикату конъюнктом. Все конъюнкты были в форме единственного числа, т.к. в противном случае частичное согласование внешне неотличимо от стандартного: предикат имеет форму множественного числа вне зависимости от того, согласуется ли он со всей сочиненной группой или же с конъюнктом, который имеет форму множественного числа. Кроме того, во всех стимулах предикаты были в форме прошедшего времени, чтобы род конъюнктов имел значение при выборе согласовательной формы. Одушевленность конъюнктов была сбалансированной переменной.

Стимулы были распределены по листам по правилу латинского квадрата. Всего было 32 лексикализации. Отношение стимулов к филерам было 1 : 1. Половина филлеров были грамматичными, как, например, (14), другая половина – неграмматичными (15).

Ошибки в неграмматичных филлерах могли быть как связаны с согласованием (например, согласование по единственному числу с сочиненной конструкцией из двух конъюнктов во множественном числе), так и не связаны с ним (например, ошибки в падежных окончаниях существительных). В грамматичных филлерах сочиненная конструкция или находилась не в позиции подлежащего или, если она являлась подлежащим, состояла из конъюнктов во множественном числе, тем самым делая согласование по множественному числу единственным

возможным вариантом. Филлеры чередовались со стимулами в порядке, имитирующем случайный.

(14) Каждую весну на деревенский пруд возвращались утки и селезни.

(15) Цикады и кузнечики шумели в густую траву летним жарким днем.

Таблица 1

Пример экспериментального блока
[Stimuli example]

Число предиката [Predicate number]	Род конъюнктов [Conjuncts gender]	Стимул [Stimulus]
Единственное число [Singular]	Мужской + мужской [Masculine + masculine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучал и орган, и барабан.</i>
	Женский + женский [Feminine + feminine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучала и электрогитара, и скрипка.</i>
	Женский + мужской [Feminine + masculine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучала и электрогитара, и орган.</i>
	Мужской + женский [Masculine + feminine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучал и орган, и электрогитара.</i>
Множественное число [Plural]	Мужской + мужской [Masculine + masculine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучали и орган, и барабан.</i>
	Женский + женский [Feminine + feminine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучали и электрогитара, и скрипка.</i>
	Женский + мужской [Feminine + masculine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучали и электрогитара, и орган.</i>
	Мужской + женский [Masculine + feminine]	<i>В длинном проигрыше в песне звучали и орган, и электрогитара.</i>

Основной гипотезой эксперимента было предположение о том, что частичное согласование будет более приемлемо в стимулах с конъюнктами одного рода. Дополнительные гипотезы предполагали, что оценки частичного согласования будут выше для предложений с неодушевленными конъюнктами [Кодзасов, 1987] и что приемлемость той или иной модели согласования, возможно, будет связана с родом ближайшего к предикату конъюнкта (влияние конкретных значения рода наблюдается, например, при ошибках аттракции [Slioussar, Malko, 2008]).

Эксперимент проводился в программе PC IboxFarm (<https://farm.rcibex.net/>) и распространялся в социальных сетях. Были собраны оценки 81 респондента: 56 женщин и 25 мужчин. Средний возраст составил 23 года, минимальный возраст – 15 лет, максимальный – 62 года. 23 респондента имеют лингвистическое образование. Из 85 участников, принявших участие в эксперименте, 4 были отсеяны: по причине пропусков, ошибок при прохождении тренировки перед экспериментом, а также слишком частых повторов одинаковых оценок.

Для оценки приемлемости стимулов была использована шкала Ликерта 1–7. Результаты эксперимента были проанализированы с использованием линейной смешанной модели и множественных попарных сравнений Тьюки. Оптимальной моделью регрессии оказалась модель, содержащая респондентов (id) в качестве случайного эффекта и число предиката (Variable_1) и взаимодействие числа предиката и переменной совпадения рода (Variable_2) в качестве фиксированных эффектов ($zscores \sim 1 + \text{Variable_1} * \text{Variable_2} + (1 + \text{Variable_1} | \text{id}) + (1 | \text{sentence_id})$). Значимыми факторами оказалось число предиката ($\beta = -0,85858$, $SE = 0,07593$, $t\text{-value} = -11,308$, $p\text{-value} \ll 0,001$) (рис. 1) и взаимодействие числа предиката и сочетания родов конъюнктов ($\beta = 0,17853$, $SE = 0,07644$, $t\text{-value} = 2,336$, $p\text{-value} = 0,0204$).

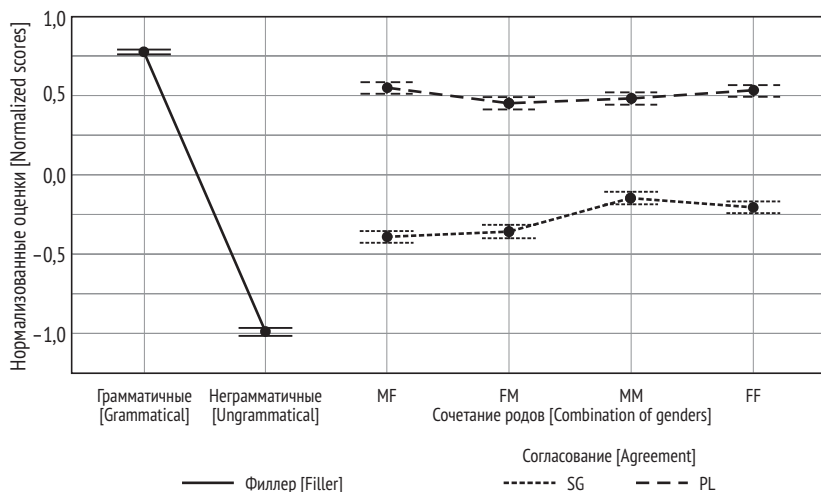

Рис. 1. Стандартное и частичное согласование с различными комбинациями рода

Fig. 1. Standard and partial agreement with different gender combinations

Попарные сравнения показали, что согласование по множественному числу было более приемлемым, чем согласование по единственному числу, при любых сочетаниях конъюнктов (критерий Тьюки при одинаковом роде конъюнктов: $SE = 0,0759$, $t\text{-ratio} = 8,962$, $df = 180$, $p\text{-value} \ll 0,001$; критерий Тьюки при разном роде конъюнктов: $SE = 0,0759$, $t\text{-ratio} = 11,307$, $df = 180$, $p\text{-value} \ll 0,001$). В случае же частичного согласования значимо выше оценивались стимулы, в которых конъюнкты обладали одинаковыми граммемами рода (критерий Тьюки: $SE = 0,540$, $t\text{-ratio} = -3,757$, $df = 240$, $p\text{-value} = 0,0012$) (рис. 2). Однако частичное согласование с сочиненными конструкциями разного рода также оказалось возможным и было оценено значимо выше неграмматичных филлеров (критерий Уэлча: $t = 19,239$, $df = 5078,4$, $p\text{-value} \ll 0,001$).

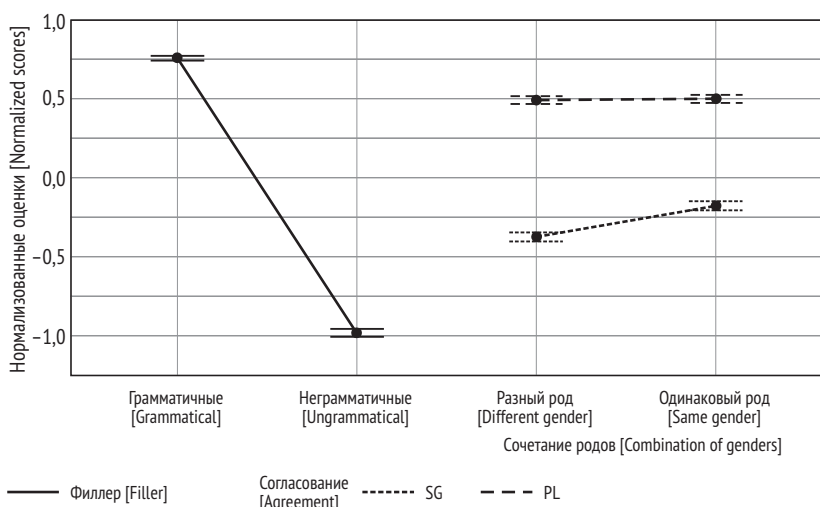

Рис. 2. Стандартное и частичное согласование с конъюнктами одинакового и разного рода

Fig. 2. Standard and partial agreement with conjuncts of the same and different gender

5. Заключение

Представленное экспериментальное исследование предикативного согласования с сочиненными конструкциями подтвердило гипотезу о том, что совпадение грамматических признаков конъюнктов повышает приемлемость частичного согласования. В этом случае форма предиката оказывается одинаковой для обоих конъюнктов, что приводит к возможности синкретичного согласования: любой из конъюнктов может выступать контролером согласования.

Данный случай похож на эффект синкретизма, наблюдаемый при разрешении неграмматичных конструкций, т.к. приемлемость значимо повышается в синкретичных предложениях, однако в отличие от ситуации разрешения, частичное согласование является возможным и в несинкретичных предложениях.

На синтаксическом уровне частичное согласование может быть деривировано ограниченным набором способов, среди которых эллипсис предиката во втором конъюнкте и выдвижение предиката из обоих конъюнктов [Krejci, 2020]. В обоих случаях формы предикатов при каждом из конъюнктов должны быть идентичны, а значит должны совпадать и грамматические признаки конъюнктов.

Тот факт, что частичное согласование с сочиненными конструкциями, состоящими из конъюнктов разного рода, является приемлемым, свидетельствует об отсутствии запрета на такое согласование. Так как на синтаксическом уровне частичное согласование может быть деривировано только при совпадении признаков рода конъюнктов, наблюдаемое отсутствие запрета позволяет предположить, что согласование предиката с сочиненными конструкциями происходит на уровне морфологии, а не синтаксиса, подтверждая гипотезу о постсинтаксическом согласовании [Bobaljik, 2008, p. 3].

Библиографический список / References

Макарова, Слюсарь, 2021 – Макарова П.С., Слюсарь Н.А. Роль синкретизма в аттракции при согласовании по роду: экспериментальное исследование чтения. Типология морфосинтаксических параметров. Институт языкознания РАН, 13–15 октября 2021 г. Презентация на конференции. [Makarova P.S., Sliusar N.A. Role of syncretism in agreement attraction errors: experimental reading study. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Institute of Linguistics RAS, October 12–13, 2021. Conference presentation. (In Rus.).]

Кодзасов, 1987 – Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М., 1987. [Kodzasov S.V. Number in coordinate constructions. *Modelirovanie yazykovoi deyatel'nosti v intellektualnykh sistemakh*. A.E. Kibrik, A.S. Narinyani (eds.). M., 1987.]

Пекелис, 2013 – Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86. [Pekelis O.E. “Partial agreement” in the design with a repeated union: A corpus study of the main patterns. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. No. 4. Pp. 55–86. (In Rus.).]

Пешковский, 1928/2001 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. (1-е изд. 1928). М., 2001. [Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 2001.]

Санников, 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. [Sannikov V.Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the view of semantics and pragmatics]. Moscow, 2008.]

Asarina, 2010 – Asarina A. Neutrality vs. ambiguity in resolution by syncretism: Experimental evidence and consequences. *Proceedings of NELS*. 2010. Vol. 41. No. 1. Pp. 43–57.

Badecker, Kuminiak, 2007 – Badecker W., Kuminiak F. Morphology, agreement and working memory retrieval in sentence production: Evidence from gender and case in Slovak. *Journal of Memory and Language*. 2007. No. 56. Pp. 65–85.

Bobaljik, 2008 – Bobaljik J.D. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. Oxford, 2008. Pp. 295–328.

Bock, Miller, 1991 – Bock K., Miller C.A. Broken agreement. *Cognitive Psychology*. 1991. No. 23 (1). Pp. 45–93.

Corbett, 1983 – Corbett G. Resolution rules: Agreement in person, number and gender. *Order, concord and constituency*. E.K.G. Gazdar, G.K. Pullum (eds.). Dordrecht, 1983.

Hartsuiker et al., 2003 – Hartsuiker R.J., Schriefers H.J., Bock K. et al. Morphophonological influences on the construction of subject-verb agreement. *Memory and Cognition*. 2003. No. 31. Pp. 1316–1326.

Krejci, 2020 – Krejci B. Syntactic and Semantic Perspectives on First Conjunct Agreement in Russian. Stanford University, 2020.

Moravcsik, 1978 – Moravcsik E.A. On the distribution of ergative and accusative patterns. *Lingua*. 1978. No. 45 (3–4). Pp. 233–279.

Sigurðsson et al., 2008 – Sigurðsson H., Holmberg A. Icelandic dative intervention: Person and number are separate probes. *Agreement Restrictions*. 2008. Pp. 251–280.

Slioussar, Malko, 2008 – Slioussar N.A., Malko A. Gender agreement attraction in Russian: Production and comprehension evidence. *Frontiers in Psychology*. 2016. No. 7. Art. 1651.

Slioussar, 2008 – Slioussar N. Forms and features: The role of syncretism in number agreement attraction. *Journal of Memory and Language*. 2018. No. 101. Pp. 51–63.

Voeltz, 1971 – Voeltz E. Surface constraints and agreement resolution: Some evidence from Xhosa. *Studies in African Linguistics*. 1971. No. 2 (1). P. 37.

Zwicky, 1977 – Zwicky A.M. “Hierarchies of person”. *Papers from the... Regional Meeting*. Chicago Ling. Soc. Chicago, Ill. 1977. P. 13.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023

The article was received on 11.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Врубель Диана Дмитриевна – студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Diana D. Vrubel – student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: diana.vrubel@gmail.com

УДК: 81-114.4

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-119-170

А.А. Данилова

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Согласование по роду с существительными общего рода

В статье исследуется распределение моделей согласования по роду при существительных общего рода и факторы, влияющие на выбор той или иной согласовательной модели в русском языке. Проведя серию экспериментов на порождение и на оценку приемлемости, мы утверждаем, что референциальное согласование является наиболее предпочтительной согласовательной моделью. Рассогласование при референте мужского пола недопустимо, для женского пола погранично и зависит от типа конструкции, но данные порождения и понимания вступают в противоречие. Смешанное согласование недопустимо. Мы показываем, что существительные общего рода не имеют лексического признака рода, а рассогласование возникает за счет согласования с дефолтным мужским родом.

Ключевые слова: слова общего рода, смешанное согласование, рассогласование, референциальное согласование, семантическое согласование, согласование по роду, русский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Данилова А.А. Согласование по роду с существительными общего рода // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 119–170. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-119-170

© Данилова А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

A. Danilova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Gender agreement with common nouns

The paper examines the distribution of gender agreement patterns with common gender nouns and the factors influencing the choice of a particular agreement pattern in Russian. After conducting a series of sentence completion and acceptability judgement experiments, we argue that referential agreement is the most preferable agreement model. Mismatch with a male referent is unacceptable; for the female referent it is marginal and dependent on the type of construction, but the acceptability and sentence completion data come into conflict. Mixed agreement is unacceptable. I show that common gender nouns do not possess lexical gender, and mismatch occurs due to agreement with default masculine gender.

Key words: common gender nouns, mixed agreement, referential agreement, semantic agreement, gender agreement, Russian

FOR CITATION: Danilova A. Gender agreement with common nouns. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 119–170. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-119-170

1. Введение

Настоящее исследование посвящено свойствам согласования по роду при существительных общего рода в русском языке. Согласование по роду в русском языке в части случаев демонстрирует нетривиальное поведение, требующее дополнительного теоретического моделирования и экспериментальной проверки. В частности, к таким нетривиальным случаям относят варьирование граммем рода на согласуемых по роду элементах при одушевленном существительном, т.н. рассогласование. Оно зафиксировано для двух типов слов: существительных мужского грамматического рода, обозначающих лиц по профессии или должности (*врач, учитель*) и существительных общего рода (*коллега, плакса*).

(1) Наш новый врач опять заболела.

(2) Он – известная плакса.

В литературе представлено два теоретических подхода к анализу слов общего рода. Одни исследователи предполагают, что такие существительные не имеют означенного признака рода [Steriolo, Wiltshko, 2010; Matushansky, 2013; King, 2015]; в другой группе работ лексемам приписывается женский лексический род [Steriolo, 2018a, 2018b]. Причем первая группа теорий запрещает какое-либо рассогласование, вторая допускает и согласование, и рассогласование, кроме появления признаков мужского рода на согласуемых словах при референте женского пола. Особняком стоит работа, где слова общего рода разбиты на три подгруппы с разными согласовательными характеристиками [Иомдин, 1980].

В статье мы соберем данные о приемлемости и частотности различных стратегий согласования при существительных общего рода, оценим зависимость выбора той или иной модели от различных свойств конструкции и проверим существующие теории на соответствие эмпирическим данным. Кроме того, мы рассмотрим вопрос о том, однородны ли слова общего рода в отношении согласования. Поскольку различные авторы относят слово *судья* к мужскому или к общему роду, мы установим характерную для него согласовательную модель и на ее основании определим его родовую принадлежность.

Раздел 2 посвящен вопросам согласования по роду в русском языке. Мы рассмотрим варьирование согласовательных моделей при словах типа «врач» и типа «плакса» и подходы к их описанию в литературе. Мы обсудим слова общего рода и гипотезы о лексическом роде таких существительных. Раздел 3 посвящен экспериментальному исследованию порождения, раздел 4 освещает экспериментальное исследование приемлемости. В разделе 5 сравниваются данные порождения и понимания. В разделе 6 содержатся обобщения о стратегиях согласования по роду при существительных общего рода. В разделе 7 подводятся итоги настоящей работы.

2. 0 согласовании по роду в русском языке

Под родом понимается словообразующая категория существительного, накладывающая ограничение на форму связанных с ним согласовательной синтаксической связью слов [РГ, 1980, § 1134; Сичинава, 2011]. То есть род слова в русском языке принято определять не по семантике и морфологическим признакам слова, а через его согласовательное синтаксическое поведение (хотя эти три признака часто коррелируют между собой).

Так, мы можем однозначно определить, что скрытое слово в (3a) относится к мужскому роду, а в (3b) – к женскому.

(3) а. Новый XXX быстро нашел общий язык с коллегами.

б. Новая XXX быстро нашла общий язык с коллегами.

В данном разделе мы обратимся к случаям неоднозначного вычисления признаков при согласовании. Прежде чем перейти к рассмотрению существительных общего рода, исследованию которых посвящена статья, мы рассмотрим т.н. гибридные существительные. Во-первых, гибридные существительные и существительные общего рода демонстрируют схожие характеристики, из-за чего моделирование их свойств часто происходит в рамках одной и той же теории. Во-вторых, больший объем исследований гибридных существительных позволит нам лучше ознакомиться с основными явлениями и понятийным аппаратом данной сферы исследований. Затем мы перейдем к обсуждению слов общего рода.

2.1. Гибридные существительные

В русском языке представлена группа слов, (факультативно) проявляющих нетривиальные согласовательные свойства: показатель рода на словах, согласующихся с одним и тем же контролером, может различаться.

(4) ^{ок}Новый XXX быстро нашла общий язык с коллегами.

Подобные существительные, обозначающие людей по роду занятий и способные вызывать у разных мишеней разное согласование, в англоязычной терминологии называются *hybrid nouns* [Corbett, 1991, p. 225]. В работах на русском языке термин «гибридные существительные» также встречается. Такие существительные принадлежат к морфологическому классу, в котором большинство слов относятся к мужскому роду, и тем не менее, они могут называть как мужчину, так и женщину (5).

(5) Маша_i / Петя_j ... наш новый зубной врач_{i,j} пришел.

При референте женского пола они могут вызывать согласование по женскому роду у одной части согласуемых слов и по мужскому роду – у другой (6a). Для референтов-мужчин это недопустимо (6b).

(6) а. ^{ок}Маша_i ... наш новый зубной врач_i пришла.

б. * Вася_i ... наша новая зубная врач_i пришел.

Так как рассогласованию по роду посвящено небольшое количество работ на русском языке, терминология в данной сфере является не вполне устоявшейся. В связи с этим обозначим термины, которые мы будем использовать для описания различных вариантов (не)совпадения согласовательных характеристик мишеней.

Согласовательную модель типа (6a), когда показатели рода на согласуемых словах не совпадают друг с другом, вслед за работами, посвященными гибридным существительным, мы будем называть частичным рассогласованием или смешанным согласованием (англ. *mixed agreement*). Модель согласования, в которой все согласуемые элементы несут признак рода, противоположный полу референта, назовем полным рассогласованием (7a). Для гибридных существительных такая согласовательная модель является грамматическим согласованием, поскольку отражает грамматический род существительного. Однако мы откажемся от использования термина «грамматическое согласование» применительно к существительным общего рода и не будем привязывать терминологию к роду существительного, т.к. существующие работы расходятся в том, есть ли грамматический род у слов общего рода. Конструкции, где все согласуемые слова имеют соответствующий полу референта показатель рода, будем называть полным, референциальным или семантическим согласованием (7b)¹.

(7) а. Маша_i ... наш новый зубной врач_i пришел.

б. ^{OK} Маша_i ... наша новая врач_i пришла.

Данные о распространенности и допустимости различных моделей согласования при гибридных существительных описаны в [Герасимова, 2018]². Самой распространенной является модель с грамматическим атрибутивным и референциальным предикативным согласованием (8a). Она показала частотность 68% в эксперименте на порождение, а в эксперименте на понимание нормализованная оценка приемлемости этой модели составила 0,92. На втором месте – грамматическое согласование (8b). Его частотность равна 25%, нормализованная оценка приемлемости –0,02. Далее – референциальное согласование (8с) с показателями 7% и –0,05 соответственно. Неприемлемой и неиспользуемой оказалась

¹ Если нас интересует и смешанное, и полное согласование, т.е. мы указываем на сам факт несовпадения, то мы будем называть это явление согласованием, без дополнительных уточнений. Также при обсуждении конкретных примеров, графиков и т.п. уточнения при термине «согласование» могут быть опущены, если из контекста понятно, что именно имеется в виду.

² Мы также опираемся на данные, представленные в магистерской диссертации [Герасимова, 2019].

конструкция с референциальным атрибутивным и грамматическим предикативным согласованием (8d)³.

- (8) а. ...Таня ... наш ответственный проектный менеджер готовила презентацию.
- б. ...Таня ... наш ответственный проектный менеджер готовил презентацию.
- с. ...Таня ... наша ответственная проектный менеджер готовила презентацию.
- д. *...Таня ... наша ответственная проектный менеджер готовил презентацию.

Отдельно рассмотрим рассогласование низкого прилагательного. Низкие прилагательные – это прилагательные, имеющие идиоматическое прочтение и несвободную сочетаемость с существительными (*главный врач, классный руководитель*). Низкими они называются потому, что предположительно присоединяются на более раннем этапе формирования именной группы. Неспособность низких прилагательных иметь референциальный род отмечают многие исследователи [Crockett, 1976, р. 95–96; Pesetsky, 2013, р. 37; Лютикова 2015]: их позиция в синтаксической структуре находится ниже минимального уровня появления признака референциального рода.

При порождении род низкого прилагательного практически всегда соответствует грамматическому роду существительного: обратное наблюдается в менее чем 1% случаев. При этом стимулы с признаком женского рода на низком прилагательном типа (9) получают оценку –0,3⁴, т.е. крайне низкая частотность и незначительно пониженная оценка приемлемости не вполне соответствуют друг другу.

- (9) главный редактор / ??главная редактор

Помимо рассогласования при гибридных существительных, стоящих в аргументной позиции, интересен также вопрос согласования при именной группе (ИГ) в предикативной позиции предложений характеристики. Основное отличие этих двух контекстов заключается в референтности ИГ. В предложениях характеристики ИГ может быть нереферентной, как в (10), а значит, может как вызывать, так и не вызывать референциальное согласование.

- (10) Маша – ответственный врач.

³ Так как модель типа (8d) не нуждается в подробном изучении, в настоящей работе под смешанным согласованием понимается модель типа (8a).

⁴ Личное сообщение А. Герасимовой. 20 мая 2023 г.

В целом, при гибридных существительных характерно согласование предиката с семантическим родом, в то время как проникновение референциального рода внутрь именной группы затруднено. При этом полное референциальное согласование встречается редко, но получает нейтральные оценки приемлемости.

2.2. Слова общего рода

Другая группа существительных, допускающих несоответствие между показателями рода на согласуемых словах и полом референта именной группы, – слова общего рода. Например, в (11a) прилагательное имеет мужской род при референте-женщине. Допустима и обратная ситуация: слово общего рода, называющее мужчину, вызывает согласование по женскому роду (11b).

(11) а. У них там Ира – главный заводила, остальные под ее дудку пляшут. (НКРЯ, газетный корпус. Лиана Янкина. Пятерых девятиклассниц, сбежавших из дома, ищут в Крымске // Комсомольская правда. 2012.11)

б. Тот оказался, хотя и добрым парнем, но изрядной размазней. [РГ, 1980, § 1135]

В работе [Иомдин, 1980], вслед за предложением из [Зализняк, 1967/ 2002, с. 67–68], существительные общего рода интерпретируются как пара омонимичных лексем. Они разбиты на три группы в зависимости от имеющегося у них лексического рода. Предполагается, что в первой группе одна из лексем недоспецифицирована по полу референта (но имеет мужской грамматический род), а вторая включает в свое значение признак женского пола (и имеет женский грамматический род). Слова первой группы ведут себя сходно с гибридными существительными (12).

(12) он – новый староста₁ (врач) / * он – новая староста₂ (врач)
она – новый староста₁ (врач) / она – новая староста₂ (врач)

В парах лексем второй группы одна лексема недоспецифицирована по полу референта и имеет женский грамматический род, тогда как в значение другой (с мужским грамматическим родом) включен компонент референциального мужского рода. Эти слова проявляют те же согласовательные характеристики, что и существительные женского рода, способные называть представителей обоих полов (13).

(13) он – известная зануда₁ (кинозвезда) / он – известный зануда₂ (кинозвезда)
она – известная зануда₁ (кинозвезда) / * она – известный зануда₂ (кинозвезда)

Наконец, в третьей группе слов каждая лексема из пары специфицирована с точки зрения пола референта и имеет соответствующий ему грамматический род. Они ведут себя, как обычные существительные, имеющие две формы в строгой зависимости от пола референта и не вызывающие рассогласования (14).

- (14) он – несчастный сирота₁ (дурак) / * он – несчастная сирота₂ (дура)
* она – несчастный сирота₁ (дурак) / она – несчастная сирота₂ (дура)

Мы полагаем, что согласовательные свойства этих трех групп существительных можно проанализировать и с той позиции, что они представляют собой одну лексему. В этом случае можно назвать слова общего рода первой группы (12) существительными общего рода с мужским грамматическим родом, слова второй группы (13) имеют женский лексический род, слова третьей группы не означены по признаку рода (14).

Обратимся теперь к синтаксическим теориям, которые моделируют деривацию синтаксических структур с (рас)согласованием при словах общего рода. Их можно разделить на две группы в зависимости от того, какие модели согласования они предсказывают.

Первая группа включает работы [Steriolopo, Wiltshko, 2010; Matushansky, 2013; King, 2015], которые постулируют, что слова общего рода не имеют лексического рода. Значит, единственный источник формального признака рода на мишени согласования – пол референта ИГ, т.е. возможно только референциальное согласование. Полное рассогласование и смешанное согласование не предсказываются данными грамматиками.

Рассмотрим модели этой группы на примере анализа О. Матушански [Matushansky, 2013] (рис. 1).

О. Матушански опирается на идею о том, что в синтаксической структуре представлен семантический и грамматический род. Последний может быть ингерентным (i, изначально означенным, на существительных) или нет (n, не заданным, но требующим согласования, на прилагательных и глаголах). Смена согласовательного признака происходит в результате добавления в синтаксическую структуру семантического признака рода. Показатели согласования присоединяемых вершин должны либо совпадать с уже существующим ингерентным признаком рода, либо вводить семантический признак. Анализ существительных общего рода строится на предположении, что они недоспецифицированы по признаку рода. Неингерентный показатель рода должен означиваться вводимым в деривацию семантическим признаком рода, а рассогласование оказывается невозможным.

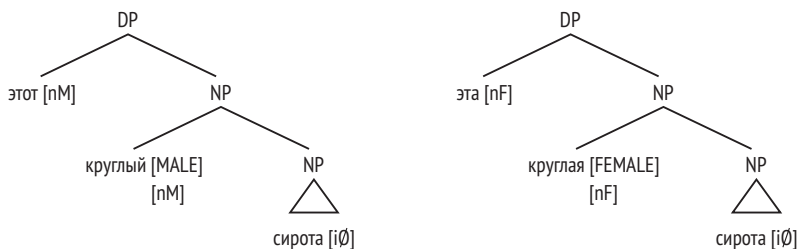

Рис. 1. Модель согласования при существительных общего рода на основе [Matushansky, 2013]

Fig. 1. The agreement model for common gender nouns based on [Matushansky, 2013]

Во вторую группу входят работы О. Стериополо [Steriopolo, 2018a, 2018b]. Автор предполагает, что слова общего рода несут лексический признак женского рода либо получают его в результате автоматического приписывания женского рода словам второго согласовательного класса с незадачным признаком рода. При этом в синтаксической структуре присутствует и информация о поле референта. Следовательно, рассогласование возможно, но только в одну сторону: при референте-мужчине допустимо появление согласования по женскому роду, но не наоборот. Модели О. Стериополо допускают как полное, так и частичное рассогласование. При этом референциальное согласование невозможно в предикативной позиции предложений характеристики, т.к. ИГ в этой позиции нереферентны.

Рассмотрим модели этой группы на примере [Steriopolo, 2018b] (рис. 2).

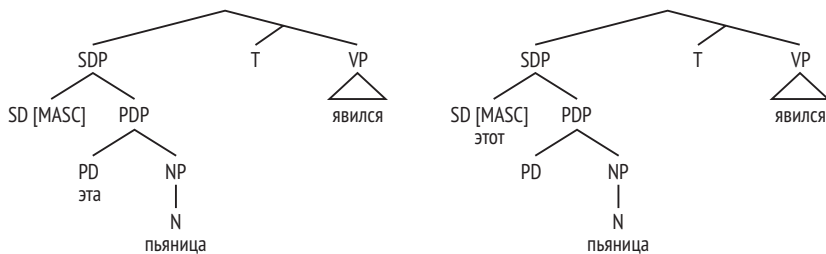

Рис. 2. Модель согласования при существительных общего рода [Steriopolo, 2018b]

Fig. 2. The agreement model for common gender nouns in [Steriopolo, 2018b]

Этот анализ основан на гипотезе о наличии трех уровней в иерархической структуре DP. Проекция SDP (Strong Determiner Phrase) соответствует референциальному уровню ИГ, PDP (Predicative Determiner Phrase) отвечает за предикатную интерпретацию, KDP (Kind Determiner Phrase) – за видовую. Автор предположила, что, поскольку только ИГ размера SDP получают референциальную интерпретацию, семантический признак рода вставляется в этой позиции. Вариативность согласования внутри ИГ определяется разным местом расположения адъективных модификаторов в синтаксической структуре.

Все упомянутые выше синтаксические модели (рас)согласования при словах общего рода сходятся в том, что рассогласование обусловлено некоторым элементом синтаксической структуры, который позволяет узлам ниже себя иметь один признак рода, а выше – другой.

То, что различные составляющие синтаксической структуры имеют разную склонность к рассогласованию, было замечено и раньше. На иерархии, приведенной в [Corbett, 1979, p. 204] (15), чем левее находится элемент, тем выше вероятность его синтаксического согласования, чем правее, тем вероятнее семантическое согласование.

(15) ИЕРАРХИЯ СОГЛАСОВАНИЯ

атрибутив > предикат > относительное местоимение > личное местоимение

Оставив на этой шкале только два левых элемента, интересующих нас в данном исследовании, и добавив результаты исследования гибридных существительных, изложенного в подразделе 2.1, получаем следующую шкалу:

(16) МОДИФИЦИРОВАННАЯ ИЕРАРХИЯ СОГЛАСОВАНИЯ

низкое прилагательное > высокое прилагательное >
притяжательное/указательное местоимение > предикат

В целом, признак рода в синтаксической структуре меняется один раз, и все элементы выше него (дальше от NP, правее на иерархии) согласуются по роду с введенным признаком, ниже него (ближе к NP, левее на иерархии) – с признаком рода по умолчанию.

Тем не менее, рассмотренные теории предсказывают заметно различный набор допустимых моделей согласования: первая группа предсказывает только референциальное согласование, вторая разрешает все виды согласования, кроме ситуации, когда референту женского пола соответствуют показатели мужского рода. Эти расхождения вызваны в том числе неполнотой эмпирических данных о согласовании при словах общего рода. В рассмотренных работах источник данных либо

не указан, либо представлял собой интроспекцию и опрос малого числа носителей. Нам не известны публикации, в которых бы экспериментальными методами оценивалась распространенность и приемлемость различных согласовательных моделей слов общего рода. В связи с этим мы проведем экспериментально-синтаксическое исследование согласовательной вариативности по роду при словах общего рода.

Исследование будет проходить в два этапа: сначала мы проведем эксперименты на порождение и получим данные о частоте встречаемости различных моделей. Затем мы проведем эксперименты на оценку приемлемости. Сравнение данных порождения и понимания позволит нам оценить, отличается ли грамматика «слушающего» и «говорящего» в рамках данного феномена.

3. Эксперименты на порождение⁵

Несовпадение предсказаний рассмотренных вариантов анализа приводят нас к необходимости проверить, могут ли слова общего рода вызывать рассогласование. Если рассогласование допустимо, как это предсказывают модели второй группы, то надо выяснить, как часто встречаются модели с полным рассогласованием и встречается ли частичное рассогласование. Необходимо понять, однородны ли слова общего рода в отношении рассогласования, и проверить предсказание подхода Л.Л. Иомдина. При выявлении неоднородности нужно описать ее характер и распределить слова на соответствующие подгруппы. Важно понять, одинаково ли распределение согласовательных моделей при референтах мужского и женского пола, т.к. существующие модели рассогласования допускают только рассогласование при референте-мужчине, т.е. предсказывают различный набор согласовательных моделей в предложениях с референтом мужского и женского пола. Нужно выяснить, возможно ли рассогласование в предложениях характеристики, поскольку часть моделей предсказывает недопустимость этого из-за нереферентного статуса ИГ в предикативной позиции.

3.1. Дизайн

Экспериментальное исследование частоты порождения той или иной согласовательной модели говорящими выполнено с использованием методики дополнения предложений. Респонденту предлагается готовое предложение с пропущенными окончаниями, которые он должен вписать в соответствующие поля.

⁵ Подробное изложение процедуры проведения эксперимента и полученных результатов представлены в дипломной работе [Данилова, 2022].

Всего мы предполагаем проверить влияние четырех факторов, каждый из которых может принимать два значения.

1. Пол референта именной группы – мужской либо женский. Позволит выявить зависимость согласования от пола референта.

2. Наличие «высокого» прилагательного, интерпретируемого интерсективно, – оно присутствует либо отсутствует в предложении. В предложениях с ним мы сможем обнаружить смешанное согласование.

3. Синтаксическая позиция именной группы – она может находиться в аргументной либо в предикативной позиции. Варьируя этот параметр, мы проверим возможность рассогласования в предложениях характеристики.

4. Временная форма глагола – настоящее либо прошедшее; в настоящем времени глагол не согласуется по роду с подлежащим, в прошедшем согласование происходит. Данная переменная позволит нам проверить зависимость моделей согласования от количества и типа согласуемых элементов в конструкции.

Из-за большого объема материала (14 условий – комбинаций значений переменных) было решено поделить эксперимент на два, зафиксировав в каждом из них значение последней переменной.

Условия и пример лексикализации для эксперимента в прошедшем времени представлены ниже:

(17) Сегодня на проходной видели Андрея. ...

- а) мужской пол + есть прилагательное + аргументная позиция
... Нов__ коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.
- б) мужской пол + нет прилагательного + аргументная позиция
... Коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.
- с) мужской пол + есть прилагательное + предикативная позиция
... Он был__ нов__ коллегой.

Сегодня на проходной видели Анну. ...

- д) женский пол + есть прилагательное + аргументная позиция
... Нов__ коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.
- е) женский пол + нет прилагательного + аргументная позиция
... Коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.
- ф) женский пол + есть прилагательное + предикативная позиция
... Она был__ нов__ коллегой.

Эксперимент в настоящем времени имеет следующие условия:

(18) Сейчас на проходной стоит Андрей. ...

- а) мужской пол + есть прилагательное + аргументная позиция
... Нов__ коллега получа__ пропуск и удостоверение.

- (18) b) мужской пол + нет прилагательного + аргументная позиция
... Коллега получа__ пропуск и удостоверение.
- c) мужской пол + есть прилагательное + предикативная позиция
... Он – нов__ коллега.
- Сейчас на проходной стоит Анна. ...
- d) женский пол + есть прилагательное + аргументная позиция
... Нов__ коллега получа__ пропуск и удостоверение.
- e) женский пол + нет прилагательного + аргументная позиция
... Коллега получа__ пропуск и удостоверение.
- f) женский пол + есть прилагательное + предикативная позиция
... Она – нов__ коллега.

В качестве вмешивающейся переменной выступила семантика слов общего рода, т.к. она может оказывать влияние на оценку приемлемости: слова с экспрессивно-оценочной семантикой могут оцениваться носителями как более просторечные по сравнению со словами, обозначающими должность или социальную роль. При отборе лексем мы обращались к классификации из [Павлова, 2011], стараясь сбалансировать выборку по семантическим признакам. В данном списке слова с отрицательно-оценочной семантикой преобладают, т.к., по подсчетам Т.С. Павловой, 83% всех существительных общего рода относятся к этой группе.

- (19) бродяга, воришка, всезнайка, грязнуля, егоза, заводила, зануда, зубрила, калека, коллега, неряха, одиночка, паинька, плакса, попрошайка, пьяница, работника, сирота, сладкоежка, староста, судья, тупица, убийца, чистюля

При составлении языкового материала использовалось правило латинского квадрата. Было решено взять по четыре лексикализации на условие, итого один лист содержит 24 стимульных предложения, всего в каждом эксперименте шесть листов. Подробнее об организации языкового материала в лингвистическом эксперименте см. [Stowe, Kaan, 2006, p. 47–55], на русском языке – [Федорова, 2020, с. 59–68].

В филлерах мы использовали шесть типов предложений. Они приведены в списке ниже. Это конструкции на основе одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода в позиции прямого дополнения (20a), трехместных предикатов вида «назвать X-а Y-ом», «дать X-у Y-а» (20b), именных групп с существительными женского и мужского рода в предикативной позиции (20c), выбора числа существительного при сочинении модификаторов (20d), выбора числового согласования предиката при подлежащем в количественной конструкции (20e), номинализаций с выраженными в предложении агенсом и темой (20f).

- (20) а. Сегодня Михаил выполнил пробный заказ. Подмастерье успешно починил стар__ стул__ .
- б. В больнице не спешили помогать Степану. Врачи считали пациент__ симулянт__ .
- с. Алла получала в школе одни пятерки. Она был__ кругл__ отличницей.
- д. Подполковник позвал Антона и Юрия. Старш__ и младш__ лейтенант__ вошли в комнату.
- е. Фирма заказала много канцелярии из Китая. Сегодня пришл__ семь посылоч.
- ф. В нашей фирме была переаттестация. Оценка руководителей__ подчиненн__ продолжалась весь месяц.

Из-за значительной длины экспериментов решено взять филлеры в том же количестве, что и стимулы – 24 предложения. В начале эксперимента респонденту предъявлялось четыре тренировочных филлера. Общее количество материала – 52 языковых выражения на эксперимент.

3.2. Проведение экспериментов и отбор респондентов

Программная реализация экспериментов осуществлена на платформе <https://farm.pcibex.net/> [Zehr, Schwarz, 2018]. Ссылки на эксперименты распространялись среди знакомых автора и далее заинтересованным лицам. Для эксперимента с фиксированным прошедшим временем дополнительно были привлечены оплачиваемые исполнители с сервиса Яндекс.Толока (<https://toloka.ai/ru/>). Сбор данных проводился в марте-апреле 2022 г.

На работу с одним языковым выражением давалось 15 секунд. Однако было обнаружено, что этого времени недостаточно: заметная часть респондентов не успевала вписать окончания (три пропущенных окончания (только в филлерах) – 57% превышений по времени, два – 26%, одно – 11%). В связи с этим для последующих исследований аналогичного дизайна мы рекомендуем варьировать время ответа на стимул в зависимости от количества заполняемых окончаний. Для того, чтобы эффект усталости (снижение способности респондентов отличать приемлемые предложения от неприемлемых по мере прохождения эксперимента) не влиял на оценку предложений, порядок вывода экспериментальных стимулов на экран отличался для каждого респондента. В среднем участники проходили эксперимент за 15 минут.

Всего в двух экспериментах получены ответы 182 человек. Перед дальнейшей обработкой удалены респонденты с отклоняющимися значениями, чьи ответы значительно отличаются от ожидаемых. Прменялся анализ тех филлеров, которые предполагают единственный

способ грамматически верного заполнения окончаний. Мы удалили около 10% анкет с наибольшим числом ошибок в таких филлерах (эти люди ошибались в более чем одной трети ответов).

После этой процедуры осталось 166 анкет: 68 в эксперименте с фиксированным прошедшим временем и 101 – в настоящем. На один экспериментальный лист приходится от 10 до 22 анкет, в среднем – 14. На 166 респондентов приходится 119 женщин и 46 мужчин, один человек не указал пол. Распределение по возрасту ярко выраженное бимодальное с пиками в 18 и в 40–50 лет. Средний возраст участников – 40 лет, минимальный возраст 16 лет, максимальный 76 лет. Лингвистическое образование имеют 8 респондентов, 158 опрошенных его не имеют. В настоящее время респонденты живут в 39 населенных пунктах, в том числе в Санкт-Петербурге – 51 чел., в Кемерове – 44 чел., в Москве – 17 чел., во Владивостоке – 8 чел., в Ростове-на-Дону – 7 чел. В остальных 34 населенных пунктах проживает по 1–2 респондента.

3.3. Результаты

3.3.1 Прошедшее время

Рассмотрим частоту встречаемости различных согласовательных моделей для эксперимента с фиксированным прошедшим временем (рис. 3).

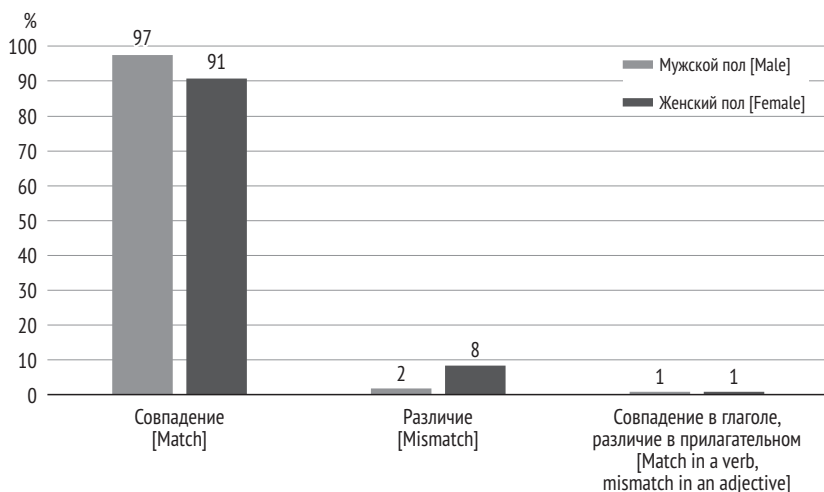

Рис. 3. Распределение моделей согласования в зависимости от пола референта, прошедшее время

Fig. 3. Distribution of agreement models by gender, past tense

Полное согласование наблюдается в 97% предложений при референтах мужского пола и в 91% предложений с субъектом женского пола (см. рис. 3). Полное рассогласование наблюдается в 2% наблюдений, где субъект – мужчина, и в 8% случаев с референтом женского пола. По 1% приходится на предложения со смешанным согласованием, где показатель глагола соответствует полу референта, а показатель прилагательно-противоположен ему.

На рис. 4 представлено распределение моделей согласования в зависимости от типа конструкции.

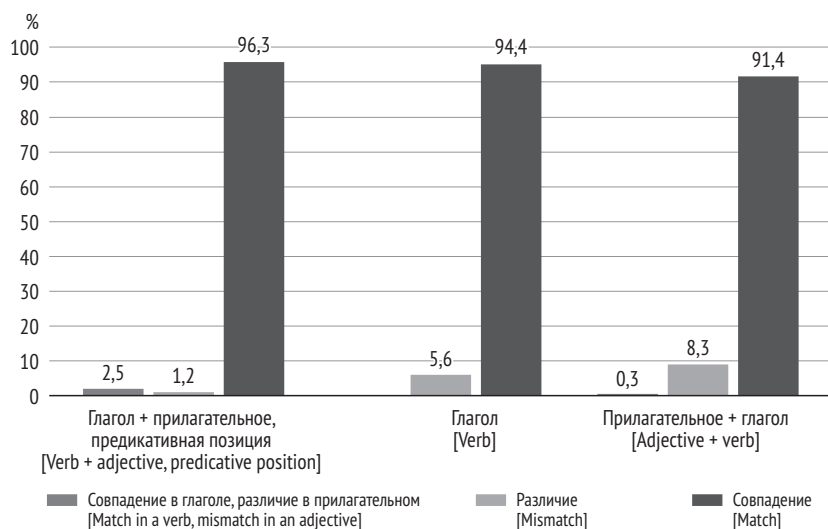

Рис. 4. Распределение моделей согласования в зависимости от типа конструкции, прошедшее время

Fig. 4. Distribution of agreement models by the type of construction, past tense

Рассогласование в предложениях характеристики возможно, хотя и встречается реже, чем в стимулах с ИГ в аргументной позиции.

Анализ таблиц сопряженности с помощью точного критерия Фишера показывает, что существует значительная связь между частотой согласовательной модели и полом референта (p -value = 0,00265), наличием прилагательного (p -value = 0,01332), синтаксической позиций (p -value = 0,00044).

Одинаковым ли образом предложения с референтами мужского и женского пола реагируют на изменение различных свойств конструкции?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к двум диаграммам. Сначала рассмотрим рисунок 5, где отражено влияние синтаксической позиции ИГ и пола референта на тип согласования прилагательного.

Рис. 5. Частотность рассогласования прилагательного в зависимости от синтаксической позиции существительного и пола референта, прошедшее время

Fig. 5. Frequency of a mismatch in an adjective by the syntactic position of the noun and the gender of the referent, past tense

Только стимулы с референтом женского пола оказываются чувствительны к изменениям в синтаксической структуре предложения. Нахождение ИГ в аргументной позиции почти в четыре раза повышает вероятность рассогласования прилагательного с референтом-женщиной. Предложения с референтом мужского пола не реагируют на смену типа предложения.

Чувствительность стимулов к женскому семантическому признаку пола, но не к мужскому в целом согласуется с предположением, что признак мужского рода присутствует в структуре по умолчанию либо вводится в нее в результате некоторого автоматического процесса, и поэтому его дополнительное введение с референтом мужского пола не влияет на характеристики предложения. Референт женского пола, напротив, вводит в структуру отсутствовавший там признак, из-за чего выбор согласовательной модели чувствителен к доступности референциального признака для мишеней согласования. Так как проникновение семантического рода внутрь ИГ в аргументной позиции затруднено (это подтверждается исследованиями гибридных существительных, см. разд. 2.1), прилагательное в этой позиции с большей вероятностью не будет согласовано с референциальным родом.

Обратимся теперь к рисунку 6, где отображена частотность рассогласования при ИГ в аргументной позиции в зависимости от наличия прилагательного и пола референта.

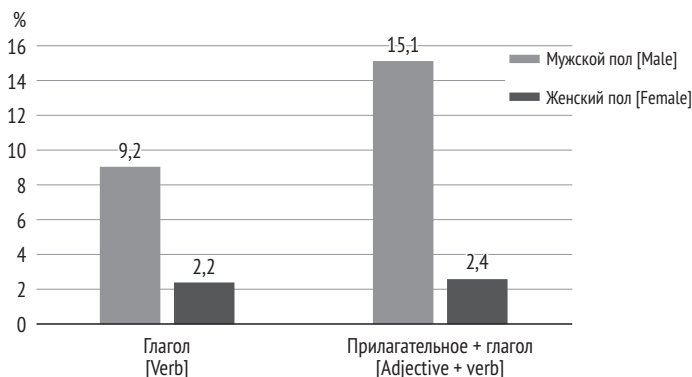

Рис. 6. Частотность полного рассогласования в зависимости от наличия прилагательного и пола референта, прошедшее время

Fig. 6. Frequency of full mismatch by the presence of an adjective and the gender of the referent, past tense

Как и в предыдущем случае, появление прилагательного увеличивает практически вдвое частотность полного рассогласования для предложений с референтом-женщиной. Стимулы с референтом мужского пола нечувствительны к наличию прилагательного.

Вероятно, такое распределение можно объяснить тем, что выбор в пользу согласовательного признака женского рода происходит два раза: в прилагательном, затем в глаголе. Соответственно, при наличии обоих элементов вероятность выбрать признак женского рода повышается. В предложениях с референтом мужского пола такого выбора, судя по нашим данным, не стоит: значит, семантический признак и некоторое значение, которое присутствует в синтаксической структуре по умолчанию, совпадают. В таком случае, в конструкциях со словами общего рода дефолтным признаком является признак мужского рода.

Проверим, однородны ли предпочтения информантов в выборе той или иной согласовательной модели. Этот пункт анализа тем интереснее, что участники эксперимента распределены бимодально по возрасту (группы 16–21 и 40–50 лет). Обратимся к рис. 7, где представлена относительная частота моделей согласования для каждого респондента. Респонденты ранжированы по возрасту: от самого младшего участника в левой части графика до самого старшего справа.

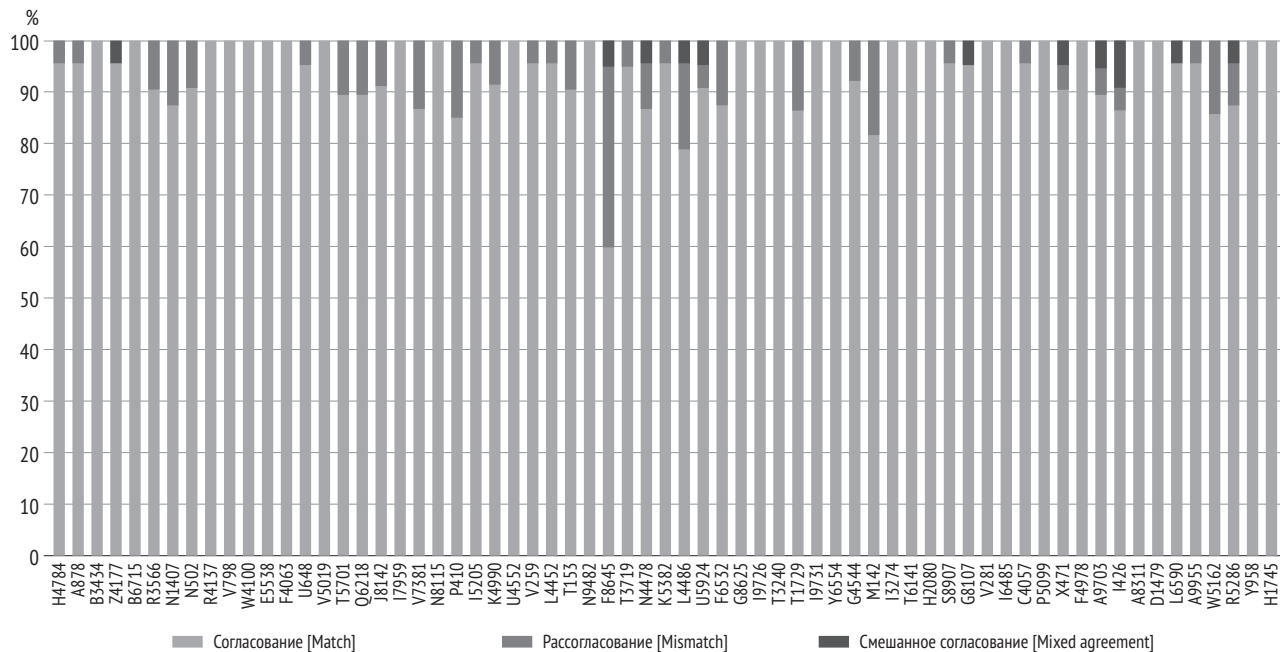

Рис. 7. Распределение моделей согласования для каждого респондента, прошедшее время

Fig. 7. Distribution of agreement models for each participant, past tense

Лингвистическое поведение информантов схоже. Наиболее часто выбираемая модель – полное согласование. Значительно уступает по частотности, но тем не менее присутствует регулярно полное рассогласование. Частичное рассогласование представлено единичными примерами у некоторых респондентов.

3.3.2. Настоящее время

Перейдем к эксперименту с фиксированным настоящим временем. Влияние пола референта на выбор согласовательной модели отражено на рис. 8. Рассогласование в предложении с референтом женского пола встречается примерно в 10 раз чаще, чем при субъекте-мужчине.

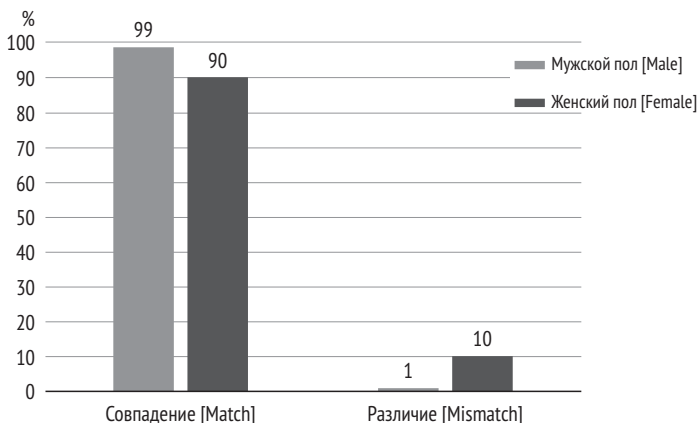

Рис. 8. Распределение моделей согласования в зависимости от пола референта, настоящее время

Fig. 8. Distribution of agreement models by gender of the referent, present tense

Напоминаем, что в эксперименте с настоящим временем только один элемент – прилагательное – несет на себе согласовательный призрак рода, т.к. глагол в форме настоящего времени не согласуется по роду. Следовательно, частичное рассогласование в настоящем времени невозможно, а условия с отсутствием прилагательного (18b–e) не учитываются при анализе результатов этого эксперимента, т.к. в них отсутствуют согласуемые по роду элементы.

Данные о частотности рассогласования в зависимости от типа конструкции и пола референта представлены на рис. 9.

Как и в эксперименте с прошедшим временем, только стимулы с референтом женского пола чувствительны к синтаксической позиции ИГ. Прилагательное в ИГ в аргументной позиции в два раза чаще несет маркер мужского рода, противоположный женскому полу референта.

Рис. 9. Частотность рассогласования прилагательного в зависимости от синтаксической позиции существительного и пола референта, настоящее время

Fig. 9. The frequency of a mismatch in an adjective by the syntactic position of the noun and the gender of the referent, present tense

Результаты применения критерия хи-квадрат говорят о значительной связи между согласовательной моделью и полом референта ($\chi^2(df = 1, N = 1241) = 45,652, p\text{-value} = 0,000024$), синтаксической позицией ($\chi^2(df = 1, N = 1241) = 5,4905, p\text{-value} = 0,01912$).

Сравним предпочтения той или иной согласовательной модели у разных информантов (рис. 10). Как и ранее, на данном графике информанты ранжированы по возрасту.

Как и в эксперименте с фиксированным прошедшим временем, информанты однородны в своих предпочтениях. Каждый респондент чаще всего выбирал полное согласование, тогда как полное рассогласование представлено в существенно меньшем объеме. Предпочтительность рассогласования перед согласованием незначительно варьирует у разных респондентов и не зависит от возраста (см. рис. 10).

3.3.3. Однородность слов общего рода

В целом существительные общего рода достаточно однородны по отношению к частоте рассогласования. В среднем, на рассогласование приходится 6% наблюдений, причем для каждого слова, кроме судья (о нем см. разд. 5.2), процент рассогласований от общего числа наблюдений находится в интервале от 1% до 11% (рис. 11).

Лексемы общего рода отличаются направлением рассогласования (рис. 12). Наибольшая группа допускает появление согласовательных признаков мужского рода при референте женского пола, но не наоборот.

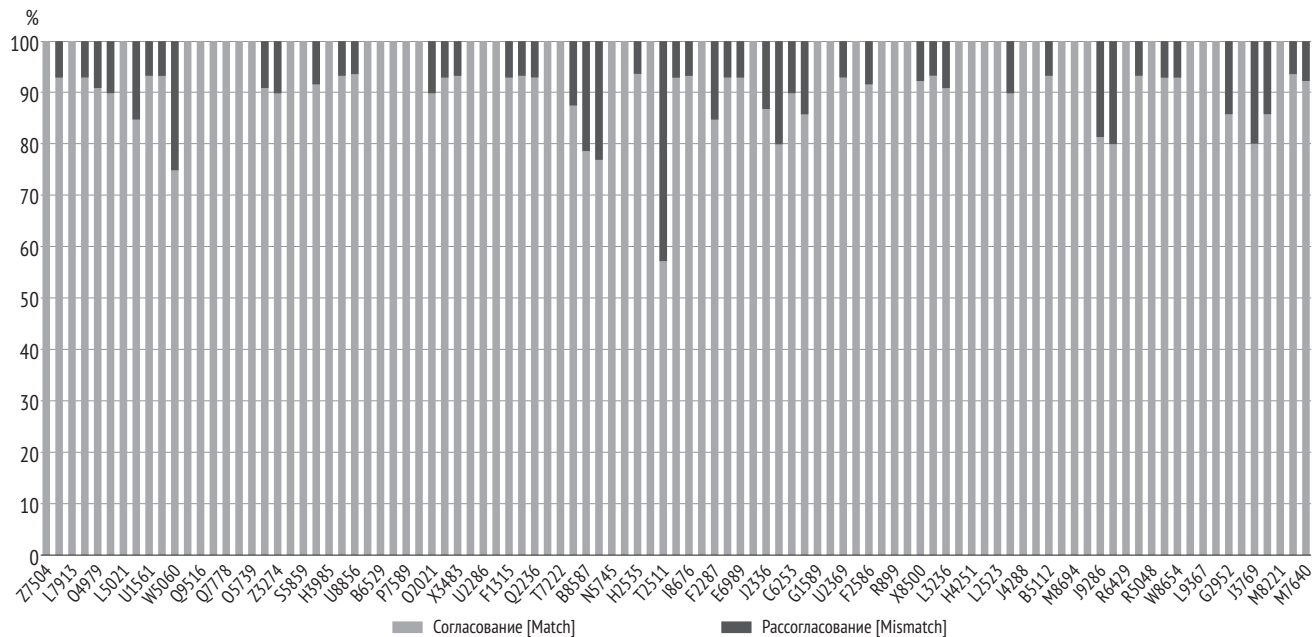

Рис. 10. Распределение моделей согласования для каждого респондента, настоящее время

Fig. 10. Distribution of agreement models for each participant, present tense

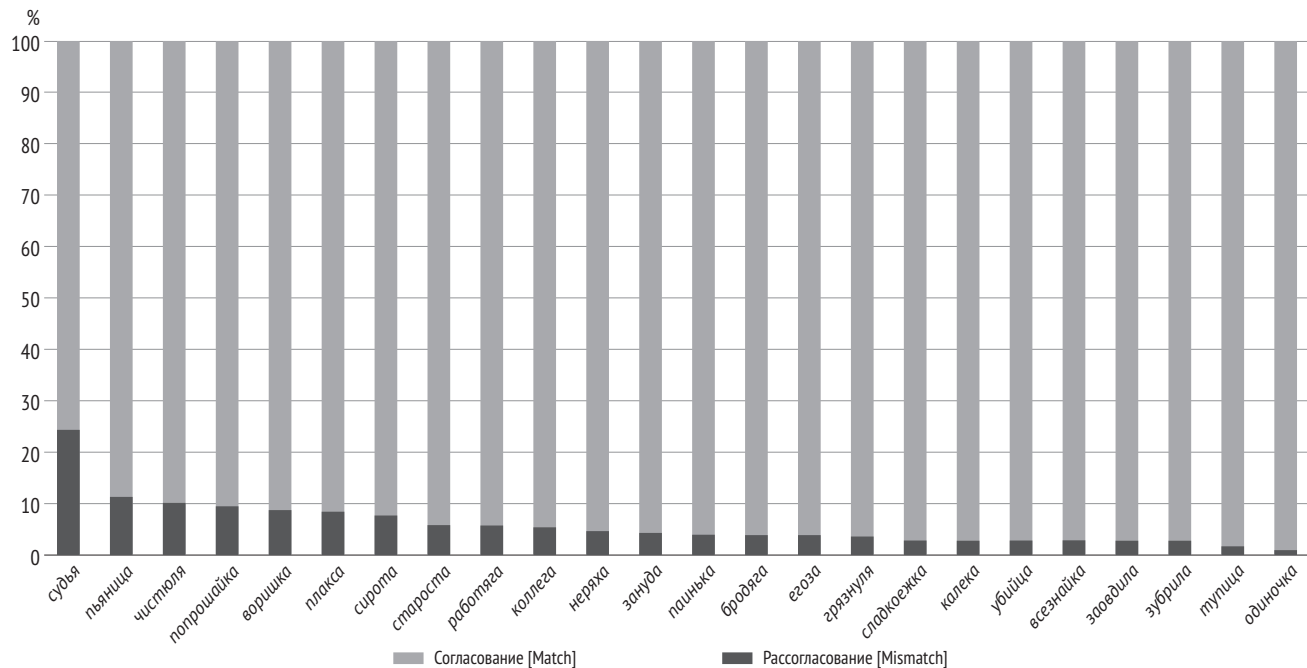

Рис. 11. Частотность рассогласований при различных словах общего рода

Fig. 11. Frequency of mismatch for various common gender nouns

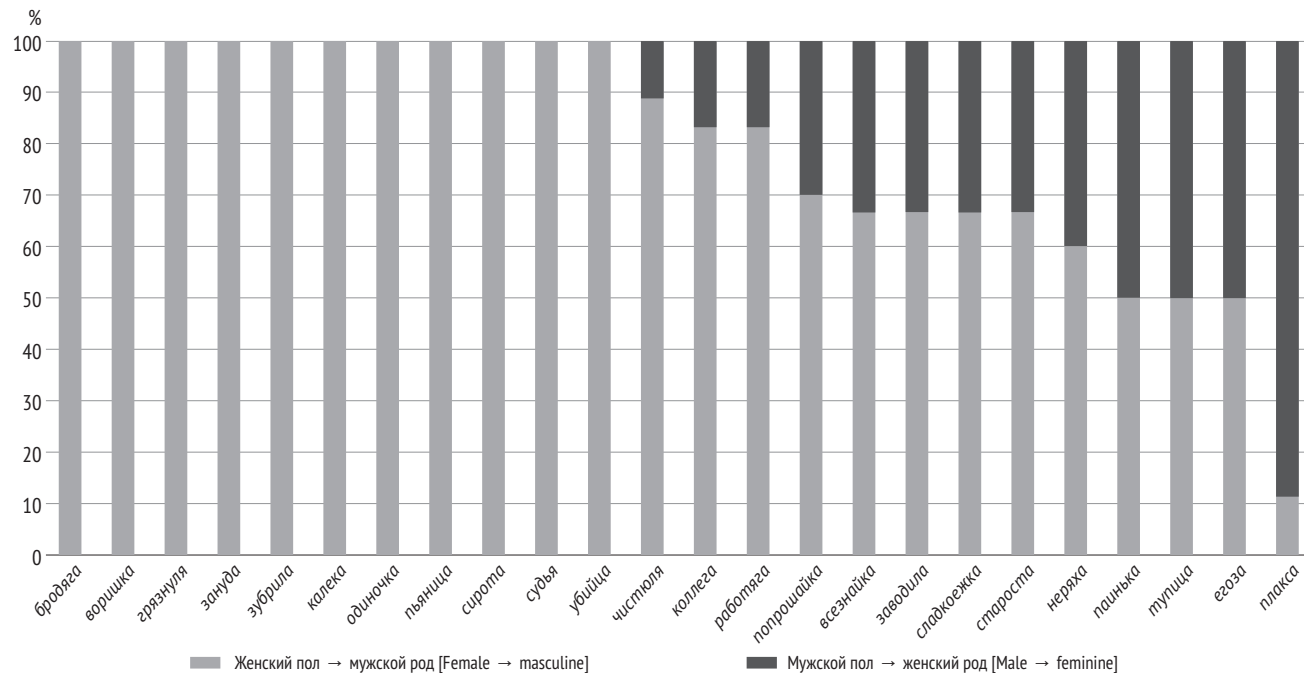

Рис. 12. Направление рассогласования при различных словах общего рода

Fig. 12. Direction of mismatch for various common gender nouns

Еще ряд лексем характеризуется предпочтением вышеуказанного направления рассогласования, но также позволяет выражение признака женского рода на согласуемых словах при референте мужского пола. Впрочем, степень выраженности этого предпочтения разнится. Наконец, единственное слово в выборке – *пакса* – преимущественно вызывает рассогласование при референте-мужчине.

Стоит отметить, что для многих лексем рассогласование зафиксировано 1–3 раза (см. рис. 11), поэтому данные о направлении рассогласования неточны.

В целом, хотя существительные общего рода и проявляют некоторую неоднородность, наши данные не позволяют их кластеризовать. Таким образом, наши данные не подтверждают гипотезу о делении слов общего рода на три группы, изложенную в [Иомдин, 1980].

3.3.4. Промежуточные итоги

Вернемся к теориям, на основе предсказаний которых мы формулировали исследовательские вопросы и строили экспериментальные гипотезы. Сделаем промежуточный вывод о соответствии полученных нами данных теоретическим предсказаниям.

Рассогласование встречается в 6% предложений. Хотя это достаточно низкий показатель, его нельзя отнести к случайным эффектам, особенно учитывая то, что в ряде контекстов это значение может достигать 15%. Можно предварительно заключить, что группа работ, запрещающих рассогласование [Steriolo, Wiltschko, 2010; Matushansky, 2013; King, 2015] не описывает часть полученных нами данных.

Рассогласование при референтах женского пола, запрещаемое работами, приписывающими словам общего рода женский лексический род [Steriolo, 2018a, 2018b], встречается в около 10% случаев, в отдельных контекстах достигая 15%. Более того, оно значительно более частотно, чем рассогласование при референтах мужского пола: последняя модель наблюдается в 1–3% случаев, т.е. его можно отнести к случайным колебаниям данных. Кроме того, наши данные говорят в пользу того, что именно признак мужского рода является признаком по умолчанию в таких конструкциях. Иными словами, наши результаты прямо противоположны предсказаниям моделей этой группы.

Аналогично смешанное согласование также оказывается недопустимо: оно встретилось в 12 наблюдениях из 1261, т.е. в 0,95% случаев. В предложениях характеристики рассогласование присутствует в 3% случаев, что также в целом говорит о маргинальности этого явления.

Слова общего рода в незначительной степени неоднородны в отношении частотности и направления рассогласования. Эта неоднородность

градуирована, без резких границ, что не позволяет нам разделить существительные на группы, т.е. наши данные не подтверждают приведенную в [Иомдин, 1980] модель.

4. Эксперименты на понимание

Как уже упоминалось выше, данные только экспериментов на порождение не полностью отражают языковую действительность. В частности, возможная асимметрия языковых процессов («грамматика говорящего» vs. «грамматика слушающего») может давать разные наборы данных. Для того, чтобы описать более полно согласовательные характеристики слов общего рода, мы проведем эксперимент на понимание.

4.1. Дизайн

Исследование восприятия носителями различных моделей согласования проводилось с опорой на оценку приемлемости – систематическую реакцию носителей языка на языковое выражение. Для измерения оценки приемлемости мы использовали шкалу Ликерта от 1 до 7. Подробнее об использовании оценки приемлемости и шкалы Ликерта в синтаксических экспериментах см. [Schütze, Sprouse, 2014], на русском языке [Лютикова, Герасимова, 2021, с. 71–78].

Для стимулов условий (17a), (17b), (17d), (17e) эксперимента на порождение в прошедшем времени проверяется полный набор возможных показателей согласования: четыре для (17a), (17d) и два для (17b), (17e). В условиях (17c) и (17f) решено не добавлять варьирование граммы рода у глагола, т.к. рассогласование по роду в этом случае очевидно неприемлемо и не нуждается в изучении (21).

(21) * Она был новым/новой коллегой.

Остаются следующие варианты:

(22) Сегодня на проходной видели Андрея/Анну. ...

a/d) Нов__ коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.

b/e) Коллега уже получил__ пропуск и удостоверение.

c/f) Он/она был/была нов__ коллегой.

Такой дизайн дает нам пять контролируемых переменных: пол (женский/мужской), наличие прилагательного (да/нет), синтаксическая позиция ИГ (аргументная/предикативная), показатель рода на прилагательном (мужской/женский), показатель рода на глаголе (мужской/женский). В общей сложности исследование включает 16 условий.

Из-за большого объема материала решено провести два эксперимента на прошедшее время, зафиксировав в них значение пола. Пример лексического материала приведен ниже.

(23) Прошедшее время, женский пол:

Сегодня на проходной видели Анну. ...

- а) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное муж. + глагол муж.:
... **Новый** коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- б) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное жен. + глагол муж.:
... **Новая** коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- с) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное муж. + глагол жен.:
... **Новый** коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- д) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное жен. + глагол жен.:
... **Новая** коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- е) нет прилагательного + аргументная позиция + глагол муж.:
... Коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- ф) нет прилагательного + аргументная позиция + глагол жен.:
... Коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- г) есть прилагательное + предикативная позиция + прилагательное муж. + (глагол жен.):
... Она была **новым** коллегой.
- h) есть прилагательное + предикативная позиция + прилагательное жен. + (глагол жен.):
... Она была **новой** коллегой.

(24) Прошедшее время, мужской пол:

Сегодня на проходной видели Андрея. ...

- а) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное муж. + глагол муж.:
... **Новый** коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- б) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное жен. + глагол муж.:
... **Новая** коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- с) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное муж. + глагол жен.:
... **Новый** коллега уже получила пропуск и удостоверение.

- (24) d) есть прилагательное + аргументная позиция + прилагательное жен. + глагол жен.:
... **Новая** коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- e) нет прилагательного + аргументная позиция + глагол муж.:
... Коллега уже получил пропуск и удостоверение.
- f) нет прилагательного + аргументная позиция + глагол жен.:
... Коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- g) есть прилагательное + предикативная позиция + прилагательное жен. + (глагол муж.):
... Он был **новым** коллегой.
- h) есть прилагательное + предикативная позиция + прилагательное муж. + (глагол муж.):
... Он был **новой** коллегой.

Условия (18a), (18c), (18d), (18f) из эксперимента в настоящем времени дают нам два варианта согласования по роду. Условия (18b) и (18e) пропадают, т.к. в них нет согласующихся по роду элементов.

- (25) (a/d) Сейчас на проходной стоит Андрей/Анна. Нов__ коллега получа__ пропуск и удостоверение.
- (b/e) Сейчас на проходной стоит Андрей/Анна. Коллега получа__ пропуск и удостоверение.
- (c/f) Сейчас на проходной стоит Андрей/Анна.
Он/она – нов__ коллега.

Контролируемыми переменными здесь будут пол (женский/мужской), синтаксическая позиция (аргументная/предикативная), показатель рода на прилагательном (мужской/женский). Это дает нам восемь условий.

- (26) Сейчас на проходной стоит Андрей. ...
- a) мужской пол + аргументная позиция + прилагательное муж.:
... **Новый** коллега получает пропуск и удостоверение.
- b) мужской пол + аргументная позиция + прилагательное жен.:
... **Новая** коллега получает пропуск и удостоверение.
- Сейчас на проходной стоит Анна. ...
- c) женский пол + аргументная позиция + прилагательное муж.:
... **Новый** коллега получает пропуск и удостоверение.
- d) женский пол + аргументная позиция + прилагательное жен.:
... **Новая** коллега получает пропуск и удостоверение.

(26) Сегодня на проходной видели Андрея. ...

е) мужской пол + предикативная позиция + прилагательное муж.:
... Он – **новый** коллега.

ф) мужской пол + предикативная позиция + прилагательное жен.:
... Он – **новая** коллега.

Сегодня на проходной видели Анну. ...

г) женский пол + предикативная позиция + прилагательное муж.:
... Она – **новый** коллега.

h) женский пол + предикативная позиция + прилагательное жен.:
... Она – **новая** коллега.

Лексический материал распределен по методу латинского квадрата: во всех экспериментах каждое из 8 условий реализуется четырьмя разными по лексическому составу предложениями (лексикализациями). Экспериментальные предложения (стимулы) разделены на экспериментальные списки таким образом, чтобы в каждом списке была представлена только одна лексикализация, а условия повторялись четыре раза. Итого в одном списке содержится 32 стимула, количество лексикализаций – 32, количество списков – 8.

Так как в экспериментах на оценку приемлемости у нас восемь условий, а не шесть, необходимо добавить восемь новых лексикализаций. Их решено добавить за счет составления новых предложений с уже имеющимися словами общего рода (использованные дважды лексемы помечены в списке пометой «×2»). Итоговый список используемых лексем приведен ниже.

(27) бродяга ×2, воришка, всезнайка ×2, грязнуля, егоза, заводила, зануда, зубрила, калека, коллега, неряха, одиночка, паинька ×2, плакса ×2, попрошайка, пьяница ×2, работяга ×2, сирота ×2, сладкоежка, староста, судья ×2, тупица, убийца, чистюля

Для снижения вероятности того, что информант догадается об изучаемом явлении, а также для контроля добросовестности участников в эксперимент включены 32 филлера. В начале эксперимента респонденту предъявлялось 4 тренировочных филлера.

По сравнению с экспериментом на порождение, в эксперименте на оценку приемлемости мы убрали филлеры с номинализациями (28), т.к. значительная часть респондентов превышала выделенное время или дописывала неверные окончания, что говорит о трудностях обработки данной конструкции и снижает ее информативность при определении респондентов с отклоняющимися значениями.

(28) В нашей фирме была переаттестация. Оценка руководител__
подчиненн__ продолжалась весь месяц.

Вместо них мы использовали предложения со словами общего рода без согласования по роду (29a). Остальные группы сохраняются: мы взяли существительные мужского рода в позиции прямого дополнения (29b), трехместные предикаты (29c), ИГ в предикативной позиции (29d), сочиненные модификаторы (29e), подлежащее в количественной конструкции (29f). В группах a–d представлено по три приемлемых и не приемлемых филлера. По четыре филлера содержится в группах e и f; все они в целом приемлемы, но находятся в зоне, где наблюдается вариативность согласования (*цифровой и аналоговый сигнал vs. цифровой и аналоговый сигналы*). Общее количество материала на лист – 68 языковых выражений.

- (29) a. В роддоме не могут налюбоваться на Тимура. Милашка покоряют всех медсестер.
- b. Сегодня Михаил выполняет пробный заказ. Подмастерье успешно чинит старый стул.
- c. В лыжном забеге победила Люся. Организаторы наградили бабулей медаль.
- d. К Варваре прислушиваются коллеги и родители. Она – уважаемый учитель.
- e. Физик забронировал себе время в лаборатории. Он занимается цифровым и аналоговым сигналом.
- f. Фирма заказала много канцелярии из Китая. Сегодня пришло семь посылок.

4.2. Проведение экспериментов и отбор респондентов

Эксперименты технически реализованы на платформе <https://farm.pcibex.net/> [Zehr, Schwarz., 2018]. Для балансирования заполняемости экспериментов и отдельных списков внутри них использовался сервис переадресации ссылок <https://www.nimblelinks.com/>. Время оценки каждого языкового выражения было ограничено 10 секундами, в среднем на прохождение эксперимента респонденты тратили 10–12 минут. Сбор данных проводился в марте 2023 г. Ссылка распространялась в мессенджерах среди круга общения автора и ее знакомых. Участие не оплачивалось.

Всего получены ответы 261 человека. Из них 26 анкет были удалены, т.к. по правильности ответов на филлеры выходили за 1,5 стандартных отклонения. Еще 9 респондентов исключены, т.к. город их проживания

и в период обучения в средней школе, и на момент участия в эксперименте находится не на территории России.

Среди 226 отобранных респондентов 71 человек прошли эксперимент с настоящим временем, 79 – с прошедшим временем, мужским полом и 76 – с прошедшим временем, женским полом. Из общего числа участников 155 – женщины, 68 – мужчины, 3 человека не указали пол. Распределение респондентов по возрасту – умеренно выраженное бимодальное с пиками в 18 и в 52 года. Среднее значение 35 лет, минимальное 14 лет, максимальное 78 лет. Частоты значений, расположенных в районе среднего, приблизительно в два раза ниже частот пиков. Лингвистическое образование есть у 19 опрошенных, нет – у 207. В настоящее время респонденты проживают в 53 населенных пунктах, более всего жителей Санкт-Петербурга (97 чел.), Владивостока (73 чел.), Москвы (55 чел.). В остальных 50 населенных пунктах живет от 1 до 4 опрошенных.

На один экспериментальный список приходится от 8 до 13 респондентов (кроме одного списка, для которого собрано 7 анкет).

4.3. Результаты

Сначала с помощью дисперсионного анализа мы проверим, какие факторы значимо влияют на выбор модели согласования. Затем мы обратимся к апостериорному анализу для определения величины вклада факторов в изменение оценки приемлемости.

4.3.1. Дисперсионный анализ

Для поиска зависимостей в наших экспериментальных данных мы воспользуемся дисперсионным анализом с повторными измерениями (repeated-measures ANOVA).

В эксперименте с фиксированными мужским полом и прошедшим временем значимыми все факторы, а также все взаимодействия факторов:

- позиция ИГ (Sum Sq = 65, Mean Sq = 65, F value = 133, p -value $\leq 0,001$);
- окончание прилагательного (Sum Sq = 289, Mean Sq = 289, F value = 593, p -value $\leq 0,001$);
- окончание глагола (Sum Sq = 240, Mean Sq = 240, F value = 494, p -value $\leq 0,001$);
- позиция ИГ : окончание прилагательного (Sum Sq = 15, Mean Sq = 15, F value = 31, p -value $\leq 0,001$);
- окончание прилагательного : окончание глагола (Sum Sq = 137 Mean Sq = 137, F value = 282, p -value $\leq 0,001$).

Аналогичная ситуация наблюдается и в эксперименте с фиксированным женским полом и прошедшим временем:

- позиция ИГ (Sum Sq = 72, Mean Sq = 72, F value = 144, p -value $\leq 0,001$);
- окончание прилагательного (Sum Sq = 243, Mean Sq = 243, F value = 486, p -value $\leq 0,001$);
- окончание глагола (Sum Sq = 148, Mean Sq = 148, F value = 297, p -value $\leq 0,001$);
- позиция ИГ : окончание прилагательного (Sum Sq = 16, Mean Sq = 16, F value = 33, p -value $\leq 0,001$);
- окончание прилагательного : окончание глагола (Sum Sq = 178, Mean Sq = 178, F value = 356, p -value $\leq 0,001$).

Еще два взаимодействия в этих экспериментах оценить невозможно, т.к. переменные «позиция ИГ» и «показатель глагола» коррелируют: если ИГ стоит в предикативной позиции, показатель рода на глаголе известен.

В настоящем времени значимы шесть из семи факторов и их взаимодействий:

- пол (Sum Sq = 6, Mean Sq = 6, F value = 9,5, p -value $\leq 0,01$);
- позиция ИГ (Sum Sq = 2,5, Mean Sq = 2,5, F value = 4, p -value $\leq 0,05$);
- окончание прилагательного (Sum Sq = 4,8, Mean Sq = 4,8, F value = 7,5, p -value $\leq 0,01$);
- пол : позиция ИГ (Sum Sq = 4, Mean Sq = 4, F value = 6,4, p -value $\leq 0,05$);
- пол : окончание прилагательного (Sum Sq = 503, Mean Sq = 503, F value = 791, p -value $\leq 0,001$);
- позиция ИГ : окончание прилагательного (Sum Sq = 1,8, Mean Sq = 1,8, F value = 2,8, p -value $\leq 0,1$) [незначимо];
- пол : позиция ИГ : окончание прилагательного (Sum Sq = 9,5, Mean Sq = 9,5, F value = 15, p -value $\leq 0,001$)

4.3.2. Апостериорный анализ

Мы используем критерий Тьюки для определения того, какие именно условия отличаются друг от друга и насколько выражены эти отличия. Найденные отличия мы проиллюстрируем с помощью графиков взаимодействия.

Таблицы с числовыми характеристиками условий, а также результаты статистического анализа пар условий с помощью критерия Тьюки приведены в табл. 1–5.

Рассмотрим эксперимент с фиксированным прошедшим временем, мужским полом (рис. 13⁶). В целом, референциальное согласование получает положительные оценки приемлемости. Смешанное согласование и полное рассогласование неприемлемы.

⁶ Тройственный вид графика обусловлен тем, что часть значений факторов отсутствует в части условий. Так, факторы «наличие прилагательного» и «окончание прилагательного» нерелевантны для предикативной позиции и стимулов с отсутствием прилагательного соответственно.

Таблица 1

Средняя оценка условий, прошедшее время, мужской пол [Mean condition zscores, past tense, male gender]

Условие [Condition]					Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Стандартное отклонение [Standard deviation]	Количество наблюдений [Number of datapoints]
Номер условия [Condition number]	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]			
Приемлемые филлеры [Acceptable fillers]					0,88	0,60	905
e)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	–	Мужской [Masculine]	0,84	0,59	299
a)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,83	0,58	304
h)	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,64	0,69	306
g)	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	–0,41	0,81	308
b)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	–0,51	0,80	302
f)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	–	Женский [Feminine]	–0,67	0,70	305
d)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	–0,73	0,61	304
c)	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	–0,73	0,66	307
Неприемлемые филлеры [Unacceptable fillers]					–0,93	0,53	934

Таблица 2

Средняя оценка условий, прошедшее время, женский пол
[Mean condition zscores, past tense, female gender]

Номер условия [Condition number]	Условие [Condition]				Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Стандартное отклонение [Standard deviation]	Количество наблюдений/ [Number of datapoints]
	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]			
Приемлемые филлеры [Acceptable fillers]					0,90	0,60	874
d	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	0,75	0,66	281
f	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	–	Женский [Feminine]	0,75	0,64	293
j	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	0,63	0,69	291
i	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	–0,39	0,84	297
a	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	–0,59	0,76	284
e	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	–	Мужской [Masculine]	–0,62	0,70	293
c	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	–0,66	0,65	285
b	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	–0,76	0,61	288
Неприемлемые филлеры [Unacceptable fillers]					–0,93	0,57	890

Таблица 3

Средняя оценка условий, настоящее время [Mean condition zscore, present tense]

Условие [Condition]				Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Стандартное отклонение [Standard deviation]	Количество наблюдений [Number of datapoints]
Номер условия [Condition number]	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]			
Приемлемые филлеры [Acceptable fillers]				0,76	0,73	809
a	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	0,67	0,74	267
d	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	0,45	0,80	264
e	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	0,44	0,80	279
h	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	0,28	0,83	276
g	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	-0,41	0,80	275
b	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	-0,47	0,85	259
f	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	-0,54	0,79	276
c)	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	-0,62	0,76	265
Неприемлемые филлеры [Unacceptable fillers]				-0,91	0,69	834

Таблица 4

Попарные сравнения Тьюки, прошедшее время, мужской пол, аргументная позиция
[Tukey's pairwise comparisons, past tense, male gender, argument position]

№	Пол [Gender]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]	diff	lwr	upr	p adj
1	Мужской [Male]	Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	0,1240	-0,0212	0,2693	0,1249
		Женский [Feminine]					
2	Мужской [Male]	Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	0,1616	0,0357	0,2876	0,0054
			Женский [Feminine]				
3	Мужской [Male]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	1,1685	1,0429	1,2942	0,0000
			Женский [Feminine]				
4	Мужской [Male]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	1,1309	1,0282	1,2337	0,0000

Таблица 5

Попарные сравнения Тьюки, прошедшее время, женский пол, аргументная позиция
[Tukey's pairwise comparisons, past tense, female gender, argument position]

№	Пол [Gender]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]	diff	lwr	upr	p adj
1	Женский [Female]	Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	-1,1437	-1,2507	-1,0367	0,0000
		Женский [Feminine]					
2	Женский [Female]	Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	-1,1266	-1,2579	-0,9953	0,0000
			Женский [Feminine]				
3	Женский [Female]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,0501	-0,0815	0,1817	0,7614
			Женский [Feminine]				
4	Женский [Female]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,0330	-0,1190	0,1850	0,9443

Рис. 13. Графики взаимодействия. Прошедшее время, мужской пол

Fig. 13. Interaction plots. Past tense, male gender

Рассмотрим подробнее график взаимодействия, расположенный слева. Стимулы с рассогласованным глаголом не демонстрируют значимого изменения приемлемости вне зависимости от признака рода на прилагательном ($\text{diff} = 0$; $p\text{-value} = 0,99$). Это ожидаемо, ведь наиболее далекий от ИГ элемент склонен иметь показатель рода, соответствующий полу референта (см. иерархию в (17)). Если это ожидание нарушается, то предложение оценивается как неприемлемое в любом случае (30).

- (30) а. * ...Василия. Харизматичный староста завоевала доверие одноклассников.
 б. * ...Василия. Харизматичная староста завоевала доверие одноклассников.

Напротив, стимулы с согласованным глаголом значимо ($\text{diff} = 1,34$; $p\text{-value} < 0,001$) реагируют на согласованность прилагательного: полное согласование приемлемо, смешанное – недопустимо (31).

- (31) а. ...Василия. Харизматичный староста завоевал доверие одноклассников.
 б. * ...Василия. Харизматичная староста завоевал доверие одноклассников.

Перейдем к анализу эксперимента с фиксированным женским полом. График взаимодействия факторов отражен на рис. 14.

Рис. 14. Графики взаимодействия. Прошедшее время, женский пол

Fig. 14. Interaction plots. Past tense, female gender

Как и в предыдущем случае, стимулы с ИГ в аргументной позиции и наличием прилагательного получают положительные оценки только при референциальном согласовании; смешанное согласование недопустимо ($\text{diff} = 1,34$; $p\text{-value} < 0,001$), см. левый график взаимодействия и пример (32).

- (32) а. ...Василису. Харизматичная староста завоевала доверие одноклассников.
 б. * ...Василису. Харизматичный староста завоевала доверие одноклассников.

В отличие от стимулов с референтом мужского пола, при референте женского пола полное рассогласование значимо, хотя и незначительно лучше смешанного согласования ($\text{diff} = 0,17$; $p\text{-value} = 0,0127$), см. (33).

- (33) а. [?]...Василису. Харизматичный староста завоевал доверие одноклассников.
 б. * ...Василису. Харизматичный староста завоевала доверие одноклассников.

Обратимся к данным эксперимента с фиксированным настоящим временем (рис. 15).

Как и в предыдущих двух случаях, стимулы с полным согласованием получают оценки выше пограничных, в то время как стимулы с рассогласованием оцениваются ниже пограничных (34).

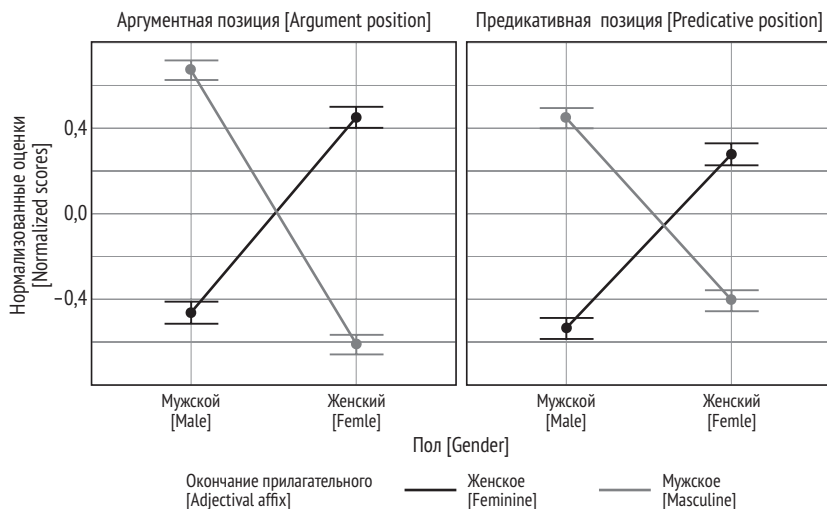

Рис. 15. Графики взаимодействия. Настоящее время

Fig. 15. Interaction plots. Present tense

- (34) а. ...Василия. Харизматичный староста завоевывает доверие одногруппников.
 б. * ...Василия. Харизматичная староста завоевывает доверие одногруппников.
 с. ...Василису. Харизматичная староста завоевывает доверие одногруппников.
 д. * ...Василису. Харизматичный староста завоевывает доверие одногруппников.

5. Сравнение модальностей порождения и понимания

В этом разделе мы сопоставим результаты экспериментов на дополнение предложений и оценку приемлемости и проверим, соответствуют ли эти данные друг другу. Мы также сравним согласовательное поведение гибридных существительных и слова *судья* и сделаем вывод о родовой принадлежности последнего.

5.1. Согласовательные модели

Проверим, обнаруживаются ли значимые различия в лингвистическом поведении носителей в роли говорящего и в роли слушающего.

Начнем с эксперимента в настоящем времени. В табл. 6⁷ представлено сравнение оценок приемлемости и частоты встречаемости условий.

Для референтов мужского пола частота встречаемости и оценка приемлемости соответствуют друг другу: стимулы с оценками ниже пограничных порождаются менее чем в 3% ответов.

В стимулах с референтами женского пола рассогласованное прилагательное (пример (35), условия d–с, h–g) порождается значительно чаще, чем ожидалось бы исходя из оценок приемлемости. По какой-то причине информантам относительно легко порождать показатель мужского рода при референте женского пола, но труднее его обработать. Для ИГ в аргументной позиции (35a) этот эффект выражен в два раза сильнее, чем для предикативной (35b).

- (35) а. [?] Чиновники согласны помочь Веронике. Настоячивый сирота уже готовит все документы.
 б. [?] Чиновники согласны помочь Веронике. Она – настоячивый сирота.

Проверим, наблюдается ли этот эффект в экспериментах с фиксированным женским полом и прошедшим временем (табл. 7).

Здесь частота полного рассогласования также выше, чем предсказывают оценки приемлемости. В стимулах с аргументной позицией ИГ рассогласование происходит в два раза чаще при двух мишенях согласования, чем при одной.

Проверим, соответствуют ли частота встречаемости и оценка приемлемости стимулов с референтом мужского пола, стоящих в прошедшем времени (табл. 8).

Как и в эксперименте с фиксированным настоящим временем, оценка приемлемости предложений с референтами мужского пола соответствует частоте порождения. Неприемлемые варианты порождаются менее чем в 3% наблюдений.

5.2. О статусе слова *судья*

Хотя для остальных существительных общего рода процент рассогласований колеблется от 1 до 11%, слово *судья* выделяется: процент рассогласований при нем равен 24%, и все они – при референтах женского пола. Также данное слово – единственное в нашей выборке, обозначающее профессию, и оно входит в тот же семантический класс, что

⁷ Данные в таблицах 6–8 следует интерпретировать так (на примере условий (а) и (б) в экспериментах на понимание): в 99,6% случаев, когда респонденту был продемонстрирован стимул с референтом мужского пола и ИГ в аргументной позиции, он порождал показатель мужского рода; оценка соответствующего уровня – 0,67.

Таблица 6

Сравнение оценок приемлемости и частоты встречаемости, настоящее время
[Comparison of acceptability judgement and sentence completion data, present tense]

Условие [Condition]					Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Частота встречаемости, % [Frequency, %]
Номер условия, порождение [Condition number, sentence completion]	Номер условия, понимание [Condition number, acceptability judgement]	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]		
a	a	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	0,67	99,60
	b			Женский [Feminine]	–0,47	0,40
d	d	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	0,45	84,68
	c			Мужской [Masculine]	–0,62	15,32
c	e	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	0,44	97,87
	f			Женский [Feminine]	–0,54	2,13
f	h	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	0,28	92,86
	g			Мужской [Masculine]	–0,41	7,14

Таблица 7

Сравнение оценок приемлемости и частоты встречаемости, прошедшее время, женский пол
[Comparison of acceptability judgement and sentence completion data, past tense, female gender]

Условие [Condition]						Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Частота встречаемости, % [Frequency, %]
Номер условия, порождение [Condition sentence completion]	Номер условия, понимание [Condition acceptability judgement]	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]		
d	d	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	0,75	84,36
	a			Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	−0,59	15,08
	c			Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	−0,66	0,56
	b			Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	−0,76	0
e	f	Женский [Female]	Аргументная [Argument]	–	Женский [Feminine]	0,75	90,83
	e		Аргументная [Argument]	–	Мужской [Masculine]	−0,62	9,17
f	j	Женский [Female]	Предикативная [Predicate]	Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	0,63	97,65
	i			Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	−0,39	2,35

Таблица 8

Сравнение оценок приемлемости и частоты встречаемости, прошедшее время, мужской пол
[Comparison of acceptability judgement and sentence completion data, past tense, male gender]

Условие [Condition]						Средняя нормализованная оценка [Mean zscore]	Частота встречаемости, % [Frequency, %]
Номер условия, порождение [Condition sentence completion]	Номер условия, понимание [Condition acceptability judgement]	Пол [Gender]	Позиция ИГ [NP position]	Показатель прилагательного [Adjectival affix]	Показатель глагола [Verbal affix]		
a	a	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,83	97,57
	b			Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	−0,51	0
	d			Женский [Feminine]	Женский [Feminine]	−0,73	2,43
	c			Мужской [Masculine]	Женский [Feminine]	−0,73	0
b	e	Мужской [Male]	Аргументная [Argument]	–	Мужской [Masculine]	0,84	97,79
	f			–	Женский [Feminine]	−0,67	2,21
c	h	Мужской [Male]	Предикативная [Predicate]	Мужской [Masculine]	Мужской [Masculine]	0,64	97,20
	g			Женский [Feminine]	Мужской [Masculine]	−0,41	2,80

и слова типа «врач». Кроме того, в [РГ, 1980, § 1135, 1139] слово *судья* (а также *коллега*, *староста*, которые в нашей выборке значимо не отличаются от остальных слов общего рода) отнесено к словам мужского рода на основании того, что при нем согласуемые по роду слова могут употребляться только в мужском роде, даже если обозначают людей женского пола. Аналогично, в словаре [Зализняк, 1980] слово *судья* отнесено к словам мужского рода.

Учитывая это, необходимо проверить, насколько схоже распределение моделей согласования при слове *судья* и словах типа «врач». Сравним частотность и приемлемость различных моделей согласования, взяв данные для гибридных существительных из [Герасимова, 2019, с. 95]. Для слова *судья* выберем те контексты, в которых изучались гибридные существительные: ИГ в аргументной позиции, присутствует прилагательное, референт женского пола (табл. 9).

Таблица 9

**Сравнение согласовательных характеристик
гибридных существительных и слова *судья*
[Comparison of the agreement characteristics of hybrid nouns and
the word *sudya* 'judge']**

Модель согласования [Agreement model]	Гибридные существительные [Hybrid nouns]	Слово <i>судья</i> [Word <i>sudya</i> 'judge']
Частичное рассогласование [Mixed agreement]	68%, 0,92	9%, -0,23
Полное рассогласование [Full mismatch]	25%, -0,02	36%, -0,31
Согласование [Match]	7%, -0,05	55%, 0,20

Мы видим, что распределение их согласовательных моделей прямо противоположное. В частности, смешанное согласование лидирует при гибридных существительных, но является маргинальным при слове *судья*. Слово *судья* не может считаться гибридным существительным, т.к. распределение согласовательных моделей при нем не соответствует таковому при словах типа «врач», contra [РГ, 1980, § 1135, 1139].

6. Обсуждение результатов

Слова общего рода при определенных условиях способны вызывать рассогласование, но наиболее предпочтительной согласовательной моделью является референциальное согласование (36): оно получает

приемлемые оценки и порождается в 84–98% случаев в зависимости от условия.

- (36) а. Чиновники согласились помочь Владимиру. Нстойчивый сирота уже подготовил все документы.
- б. Чиновники согласились помочь Веронике. Нстойчивая сирота уже подготовила все документы.

Мы подтвердили положение о том, что чем дальше от группы лексического существительного (NP) расположена мишень согласования в синтаксическом дереве, тем вероятнее согласование по референциальному роду (37а). При этом, если показатель рода на согласуемых словах все же различается, то вершины, находящиеся дальше от NP в синтаксическом дереве, будут иметь семантическое значение признака, а более близкие к NP – противоположное (37b). Так как такая модель встретила в выборке всего 12 раз (0,95%), а ее оценки приемлемости очень низки, смешанное согласование можно считать неприемлемым. Обратный порядок не представлен в эксперименте на порождение и запрещается в эксперименте на оценку приемлемости (37с). Это согласуется с иерархией Г. Корбетта и результатами исследований гибридных существительных.

- (37) а. Полицейским пожаловались на Полину. Вокзальная попрошайка опять приставала к прохожим.
- б. * Сегодня на проходной видели Анну. Новый коллега уже получила пропуск и удостоверение.
- с. * Учителям было трудно учить Олега. Глупый егоза часто отвлекалась на уроках.

В стимулах с референтами женского пола рассогласованное прилагательное порождается значительно чаще (9–15%), чем ожидалось бы исходя из оценок приемлемости: они лежат в диапазоне от –0,62 до –0,41 (37). ИГ в аргументной позиции рассогласуются в два раза чаще (38а), чем ИГ в предикативной позиции (38b). Получается, что респонденты относительно легко порождают показатель мужского рода при референте женского пола, но им труднее его обработать.

- (38) а. ? Полицейским пожаловались на Полину. Вокзальный попрошайка опять приставал к прохожим.
- б. ? Полицейским пожаловались на Полину. Она была вокзальным попрошайкой.

Рассогласование при референте мужского пола встречается в 3% случаев и получает низкие оценки приемлемости (39).

- (39) * Чиновники согласились помочь Владимиру. Настойчивая сирота уже подготовила все документы.

Обсудим, как полученные результаты соотносятся с предсказаниями теоретических подходов к согласованию с существительными общего рода.

Работы [Steriolo, 2018a, 2018b] постулируют наличие женского рода у слов общего рода, а значит, допускают рассогласование, но только в одну сторону: референту-мужчине могут соответствовать показатели женского рода, но не наоборот. Также предполагается недопустимость рассогласования в предложениях характеристики. Эти теории не предсказывают наблюдаемое нами распределение: во-первых, референтам женского пола регулярно, пусть и не очень часто, соответствуют показатели мужского рода (40a) (частота встречаемости от 7 до 15%). Обратное соответствие, предсказываемое теорией, не наблюдается: референты-мужчины вызывают рассогласование менее чем в 3% случаев (40b). Дополнительно к этому, рассогласование встречается в 7% предложений характеристики настоящего времени с субъектами женского пола (41).

- (40) а. ? Продавщицы не заметили Дарью. Удачливый воришка улизнал и на этот раз.
 б. * Никто не любил Тимофея из соседнего отдела. Ленивая тупица работала спустя рукава.
- (41) ? Полицейские хорошо знакомы с Ренатой. Она – хронический пьяница.

Напомним, что в моделях [Steriolo, Wiltschko, 2010; Matushansky, 2013; King, 2015] существительные общего рода не имеют лексического рода, значит, вызывают только референциальное согласование. Это обобщение, на первый взгляд, не вполне подтверждаются нашими данными: хотя стимулы с рассогласованием имеют оценку ниже пограничных, рассогласование встречается в 7–15% наблюдений с референтами женского пола в четырех условиях (42).

- (42) а. 15% рассогласований: прошедшее время + женский пол + есть прилагательное + аргументная позиция:
 ? В офисе к Ксении не очень хорошо относились. Занудный одиночка часто ссорился с коллегами.
- б. 15% рассогласований: настоящее время + женский пол + есть прилагательное + аргументная позиция:
 ? Болеельщики долго ждут решения Тамары. Медлительный судья пересматривает запись игры.

(42) с. 9% рассогласований: прошедшее время + женский пол + нет прилагательного + аргументная позиция:

? Большинство студентов голосовали за Василису. Староста завоевал доверие одноклассников.

d. 7% рассогласований: настоящее время + женский пол + есть прилагательное + предикативная позиция:

? Полицейские хорошо знакомы с Ренатой. Она – хронический пьяница.

Интересно, что при этом в прошедшем времени рассогласование с референтом женского пола недопустимо в предикативной позиции (43). Возможно, наличие и линейная позиция согласованного по референциальному роду глагола препятствуют выражению противоположного значения рода на следующем за ним прилагательном; нельзя исключить и влияние падежа.

(43) * Полицейские хорошо знакомы с Ренатой. Она была хроническим пьяницей.

Получается, что словам общего рода нельзя приписать женский лексический род (ср. полный запрет на появление женских согласовательных признаков на согласуемых словах при референте мужского пола в (44)).

(44) * Продавщицы не заметили Дениса. Удачливая воришка улизнула и на этот раз.

Предположение, что слова общего рода имеют мужской грамматический род, наталкиваются на два возражения. Во-первых, при референтах женского пола согласовательные признаки мужского рода появляются менее чем в 15% случаев. Во-вторых, если существительные общего рода имеют мужской лексический род, то почему их согласовательное поведение (45a) так сильно отличается от гибридных существительных (45b)?

(45) а. * Болельщики долго ждали решения Тамары. Медлительный судья пересматривала запись игры.

б. Пациенты долго ждали решения Тамары. Медлительный врач листала медицинскую карточку.

Полностью отказаться от идеи грамматического рода у слов общего рода не позволяет тот факт, что стимулы с референтами мужского и женского пола демонстрируют неодинаковое согласовательное поведение: предложения с референтом-женщиной в целом рассогласуются чаще (46). Они, кроме того, чувствительны к своему синтаксическому окружению (см. рис. 5, 6 и пояснения к ним).

- (46) а. * Мама не могла приучить Никиту к порядку. Забывчивая неряха опять пришла с прогулки в грязном.
- б. [?] Мама не могла приучить Нину к порядку. Забывчивый неряха опять пришел с прогулки в грязном.

На первый взгляд получается, что у слов общего рода нельзя подтвердить ни наличие грамматического женского рода, ни отсутствие рода, ни наличие мужского рода. Однако стоит помнить, что в синтаксической структуре может быть два источника признака рода, не связанных с референтом: грамматический род и признак рода, приписываемый по умолчанию.

Наше решение связано с разграничением этих двух источников нереперенциального рода. Мы считаем, что существительные общего рода, как и предсказывают теории [Steriolopo, Wiltschko, 2010; Matushansky, 2013; King, 2015], не имеют означенного ингерентного признака рода. Когда при деривации появляется необходимость означить признак рода, это делается за счет семантического признака рода, связанного с полом референта. В случае, если референциальный род труднодоступен (такое чаще случается в аргументной позиции), признак рода на согласуемых словах означает за счет мужского рода, по-видимому, дефолтного для одушевленных существительных (ср. согласование с мужским родом при местоимении «кто», например, в [Kibrik, 2019, р. 68]). Иными словами, при порождении рассогласование при референтах женского пола появляется потому, что говорящий вынужден означить признаки рода, и в отсутствие доступной альтернативы берет для этого дефолтный мужской род. В то же время, перед слушающим не стоит задачи означить признаки; слушающий воспринимает стимул, в котором пол референта и выраженный признак рода на согласуемых словах вступают в противоречие, и дает ему низкую оценку. Это объясняет низкие оценки приемлемости рассогласования в предложениях с референтом женского пола при их относительно высокой частотности.

Этот же механизм объясняет недопустимость смешанного согласования. Дефолтное приписывание признака рода словам общего рода запускается только в том случае, если согласование с референциальным родом не удалось. Значит, два признака рода никогда не присутствуют вместе в структуре. У гибридных существительных, наоборот, мужской грамматический род присутствует в структуре изначально, что делает возможным конкуренцию двух признаков рода – грамматического и семантического – и приводит к появлению смешанного согласования.

7. Заключение

В статье был исследован вопрос о моделях согласования по роду при существительных общего рода в русском языке. Мы рассмотрели три типа конструкций: предложения характеристики (с ИГ в предикативной позиции), предложения с ИГ в позиции аргумента с прилагательным и без него, в каждой из которых референтом выступал мужчина либо женщина. Мы провели два эксперимента на порождение и три – на оценку приемлемости.

Полученные нами эмпирические данные говорят о том, что референциальное согласование является наилучшей согласовательной моделью. Смешанное согласование неприемлемо. Полное рассогласование при референтах мужского пола не допускается. При референтах женского пола с полным рассогласованием данные порождения и понимания вступают в конфликт: такая модель встречается в 7–15% наблюдений, но при этом она получает низкие оценки приемлемости, сравнимые с не встречающимися в выборке моделями.

Мы предполагаем, что существительные общего рода не имеют лексического рода, а рассогласование при референтах женского пола объясняется запуском механизма согласования с дефолтным мужским родом в ситуациях, когда референциальное согласование затруднено.

Мы показали, что распределение согласовательных моделей при существительном *судья* не соответствует таковому при гибридных существительных. На этом основании мы отвергли гипотезу о принадлежности слова «судья» к гибридным существительным.

Библиографический список / References

РГ, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]

Герасимова, 2018 – Герасимова А.А. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 65–71. [Gerasimova A.A. Gender mismatch in Russian (experimental study). *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2018. Vol. 77. No. 1. Pp. 65–71. (In Rus.)]

Герасимова, 2019 – Герасимова А.А. Варьирование согласовательных характеристик в русской именной группе. Магистерская дис. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2019. [Gerasimova A.A. Variirovanie soglasovatelnykh kharakteristik v russkoy imennoy grupe [Variation in agreement features in Russian nominals]. MA dis. Lomonosov Moscow State University. 2019.]

Данилова, 2022 – Данилова А.А. Грамматическое и референциальное согласование с существительными общего рода в русском языке (экспериментальное исследование). Дипломная работа. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2022.

[Danilova A.A. Grammaticheskoe i referentsialnoe soglasovanie s sushchestvitelnymi obshchego roda v russkom yazyke (eksperimentalnoe issledovanie) [Grammatical and referential agreement with common nouns in Russian (experimental study)]. Graduate work. Lomonosov Moscow State University. 2022.]

Зализняк, 1980 – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980. [Zaliznyak A.A. Grammaticheskii slovar russkogo yazyka [Grammatical dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1980.]

Зализняк, 1967/2002 – Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. (1-е изд. Русское именное словоизменение. 1967). М., 2002. [Zaliznyak A.A. “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu [“Russian nominal inflection” with the application of selected works on the modern Russian language and general linguistics]. Moscow, 2022.]

Иомдин, 1980 – Иомдин Л.Л. О русских существительных так называемого общего рода // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 5. С. 456–461. [Iomdin L.L. About Russian nouns of the so-called common gender. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 1980. Vol. 39. No. 5. Pp. 456–461. (In Rus.)]

Лютикова, 2015 – Лютикова Е.А. Сogласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74. [Lyutikova E.A. Agreement, signs and structure of the nominal group in Russian. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 30. Pp. 44–74. (In Rus.)]

Лютикова, Герасимова, 2021 – Русские острова в свете экспериментальных данных: Коллективная монография / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.А. Герасимовой. М., 2021. [Russkie ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh [Russian Islands in the Light of Experimental Data]. E.A. Lyutikova, A.A. Gerasimova (eds.). Moscow, 2021.]

Павлова, 2011 – Павлова Т.С. Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Pavlova T.S. Sushchestvitelnye obshchego roda v russkom yazyke: semantika, grammatika, upotreblenie [Common nouns in Russian: Semantics, grammar, usage]. PhD dis. Moscow, 2011.]

Сичинава, 2011 – Сичинава Д.В. Род. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/new/>). На правах рукописи. М., 2011. [Sichinava D.V. Rod. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru/new/>) [Genus. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru/new/>)]. Ms. 2011.]

Федорова, 2020 – Федорова О.В. Психолингвистика. М., 2020. [Fedorova O.V. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Moscow, 2020.]

Stowe, Kaan, 2006 – Stowe L.A., Kaan E. Developing an experiment: Techniques and design. Ms. 2006.

Corbett, 1979 – Corbett G.G. The agreement hierarchy. *Journal of Linguistics*. 1979. No. 15 (2). Pp. 203–224.

Corbett, 1991 – Corbett G.G. Gender. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge, 1991.

Cowart, 1997 – Cowart W. Experimental syntax: Applying objective methods to sentence judgments. Thousand Oaks, 1997.

Crockett, 1976 – Crockett D. Agreement in contemporary standard Russian. Cambridge, MA, 1976.

Kibrik, 2019 – Kibrik Andrej A. Rethinking agreement: Cognition-to-form mapping. *Cognitive Linguistics*. 2019. No. 30 (1). Pp. 37–83.

King, 2015 – King K.E. Mixed gender agreement in Russian DPs. MA thesis. University of Washington. 2015.

Matushansky, 2015 – Matushansky O. Gender confusion. *Diagnosing Syntax*. L.-S. Cheng, N. Corver (eds.). Oxford, 2015. Pp. 271–294.

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA, 2013.

Schütze, Sprouse, 2014 – Schütze C., Sprouse J. Judgment data. *Research methods in linguistics*. R.J. Podesva, D. Sharma (eds.). Cambridge University Press, 2014. Pp. 27–50.

Steriopolo, 2018a – Steriopolo O. Morphosyntax of gender in Russian sex-differentiable nouns. *Journal of Slavic Linguistics*. 2018. No. 26 (1). Pp. 307–335.

Steriopolo, 2018b – Steriopolo O. Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns. *Questions and Answers in Linguistics*. 2018. No. 5 (2). Pp. 91–105.

Steriopolo, Wiltschko, 2010 – Steriopolo O., Wiltschko M. Distributed GENDER hypothesis. *Formal studies in Slavic linguistics*. G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.). New York, 2010. Pp. 155–172.

Zehr, Shwartz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. DOI: 10.17605/OSF.IO/MD832

Статья поступила в редакцию 10.02.2023

The article was received on 10.02.2023

Сведения об авторе / About the author

Данилова Анна Алексеевна – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Anna A. Danilova – MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: anndanilova1870@gmail.com

Ф.В. Байков

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Нелокальные синтаксические взаимодействия через границу именной группы: отрицательное согласование и вопросительное передвижение

Статья посвящена синтаксическому эксперименту по сравнению условий локальности, налагаемых на два синтаксических процесса: внутриклаузуальное отрицательное согласование (лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием) и вопросительное передвижение в матричных специальных вопросах (вынос вопросительных местоимений в начало предложения). Они различаются тем, что последнее часто приводит к фонологически выраженному передвижению, в то время как отрицательные местоимения могут оставаться в своей исходной позиции после согласования с отрицательной вершиной Neg⁰. Если допустить, что выраженные передвижения, предполагающие операцию по определению размера передвигающейся составляющей, затратнее скрытых, то предложения с отрицательным согласованием должны оцениваться выше предложений с вопросительным передвижением. Исследовались две структурные конфигурации: отрицательное или вопросительное местоимение было (i) либо вершиной именной группы в позиции прямого дополнения, (ii) либо вложено в такую именную группу. В экспериментальных материалах были и предложения без каких-либо нелокальных взаимодействий. Оказалось, что отрицательное согласование заметно отличается от вопросительного передвижения: наличие вложения мишени в две именные группы мало влияет на приемлемость вопросительного передвижения

всей составляющей, но снижает приемлемость лицензирования отрицательного местоимения. Обнаружилось и статистически значимое различие между предложениями с отрицательным согласованием, с одной стороны, и остальными типами предложений (с вопросительным передвижением и без нелокальных зависимостей) – с другой. Выявленные различия между отрицательным согласованием и вопросительным передвижением ставят под сомнение подходы, пытающиеся свести отрицательное согласование к A'-передвижению отрицательных местоимений в спецификатор вершины-лицензора.

Ключевые слова: синтаксис, русский язык, отрицательное согласование, вопросительное передвижение, именная группа

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байков Ф.В. Нелокальные синтаксические взаимодействия через границу именной группы: отрицательное согласование и вопросительное передвижение // Рема. Rhema. 2023. № 2. С. 171–189. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-171-189

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-171-189

F. Baykov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Non-local syntactic interactions across an NP/DP boundary: Negative concord and *wh*-movement

The paper reports the results of a syntactic experiment which was aimed at comparing locality conditions imposed on two well-known long-distance syntactic processes: intra-clausal negative concord (licensing of negative pronouns by sentential negation) and *wh*-movement in matrix constituent questions (placement of interrogative pronouns at the beginning of the clause). Since only the latter non-local interaction nearly always results

in overt displacement (while negative pronouns may remain in their base position upon agreeing with the Neg⁰ head), we hypothesized that sentences exemplifying negative concord should receive higher scores than sentences with *wh*-movement. Two structural configurations were investigated: the negative pronoun or the interrogative pronoun was (i) either (the head of) the direct object of the verb, (ii) or it was embedded inside a nominal (NP/DP). In addition to sentences with negative concord and *wh*-movement, our materials also included those without any such long-distance interactions. Thus, we asked 60 native speakers of Russian to judge such sentences (as well as some fillers) on a 7-point Likert scale. The results, somewhat surprisingly, did not bear out our expectations. Encapsulating the Goal of an Agree relationship inside a nominal does not lead to a significant change in mean scores (except for sentences with negative concord), while there is a statistically significant difference between sentences with negative concord on the one hand and other types of sentences (those containing *wh*-movement and those without any non-local dependencies) on the other. Such a stark contrast between negative concord and *wh*-movement casts doubt on approaches trying to assimilate them (and eventually aiming to reduce negative concord to A'-movement of negative pronouns to their licenser).

Key words: generative syntax, Russian syntax, negative concord, *wh*-movement, noun phrase, determiner phrase, syntactic locality

Acknowledgments. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

FOR CITATION: Baykov F. Non-local syntactic interactions across an NP/DP boundary: Negative concord and *wh*-movement. *Rhema*. 2023. No. 2. Pp. 171–189. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-2-171-189

1. Введение

Русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием: в предложениях с отрицательными местоимениями и наречиями (далее NCI, англ. *negative concord items*) обязательно наличие приглагольного отрицания *не*:

- (1) Никто из студентов не прочитал / *прочитал эту статью.
- (2) Эту статью не прочитал / *прочитал никто из студентов.

Несмотря на значительное число работ, посвященных отрицательно-му согласованию в русском языке [Brown, 1999; Abels, 2005; Fitzgibbons,

2008; Падучева, 2013, 2017; Gerasimova, 2019; Erschler, 2021; Lyutikova, Gerasimova, 2023], ограничениям на локальность лицензирования NCI в пределах клаузы уделялось сравнительно мало внимания. Единственным известным мне исключением является дипломная работа [Рожнова, 2009], однако и в ней не ставится задача сопоставить отрицательное согласование с другими типами нелокальных синтаксических взаимодействий с точки зрения ограничений локальности, которым они подчиняются.

Между тем данные об ограничениях на лицензирование NCI через границы разных категорий могут помочь прояснить его природу. Отрицательное согласование в генеративном синтаксисе нередко предлагается моделировать путем сведения его к другим нелокальным синтаксическим процессам вроде согласования или связывания. Различные исследователи уподобляли отрицательное согласование то связыванию анафоров антецедентом [Laka, 1990; Progovac, 1994], то согласованию отрицательного местоимения с лицензором [Haegeman, 1995; Zanuttini, 1997; Zeijlstra, 2004], то скрытому или выраженному передвижению [Brown, 1999]. В частности, С. Браун считает оправданным свести отрицательное согласование к A'-передвижению, т.е. сблизить лицензирование отрицательных местоимений и вопросительное передвижение, наблюдаемое в специальных вопросах (с поправкой на произнесение передвигающейся составляющей в исходной vs конечной позиции и на различие признаков, по которым происходит взаимодействие лицензирующей вершины с лицензируемой составляющей) [Brown, 1999].

Хотя С. Браун не ставит вопрос о том, в какой степени отрицательное согласование и вопросительное передвижение подчиняются одним и тем же ограничениям локальности, наши предварительные исследования показали, что из четырех рассмотренных нами нелокальных взаимодействий (лицензирование местоимений на *-либо* и *-нибудь*, анафоров, вопросительное и относительное передвижение, подъем квантора) именно ограничения на A'-передвижения в наибольшей степени сближаются с ограничениями на отрицательное согласование [Байков, 2022]. Как отрицательное согласование [Рожнова, 2009], так и вопросительное передвижение [Байков, 2022] могут пересекать границы предикативных групп прилагательного:

(3) а. Новая соседка не была похожа ни на кого из актрис.

б. На кого_i новая соседка была удивительно похожа _____i?

При этом ни отрицательное согласование [Рожнова, 2009], ни вопросительное передвижение [Байков, 2022] не могут пересекать границу

атрибутивных групп прилагательного (4), деепричастных оборотов (5) и адъюнктивных предложных групп (6):

- (4) а. * Нашу команду не возглавил довольный никем
из спортсменов тренер.
б. * [Каким спортсменом]_i нашу команду возглавил довольный
______i тренер?
- (5) а. * Этот ученый не прославился на весь мир, совершив никакое
открытие.
б. * [Какое открытие]_i этот ученый прославился на весь мир,
совершив ______i в тридцать с небольшим лет?
- (6) а. * Я не покину пост ради участия ни в одном собрании.
[Рожнова, 2009, с. 59, (286)]
б. * В чем_i / * В каком собрании_i он покинул пост ради участия
______i?

При этом, однако, совпадение не является полным: отрицательное согласование через границу аргументных именных и предложных групп является грамматичным [Рожнова, 2009], тогда как приемлемость предложений с извлечением из таких составляющих является примером контекста, в котором наблюдается варьирование между носителями русского языка [Байков, 2022]. Например, в работе [Abels, 2003] такие предложения считаются абсолютно грамматичными.

- (7) а. ^{OK} Его не допускали к участию ни в одном собрании.
[Рожнова, 2009, с. 59, (28a)]
б. ^{??/%} В чем_i / [в каких собраниях]_i его допустили к участию
______i?

Результаты сопоставления различных нелокальных синтаксических взаимодействий с точки зрения ограничений локальности представлены в таблице 1¹. Итоги сопоставления различных дистантных синтаксических процессов с точки зрения условий локальности более подробно обсуждаются в работе [Байков, 2022]; в данной статье мы сосредоточимся только на сравнении двух процессов – отрицательного согласования и вопросительного передвижения.

¹ Конфигурация в первом столбце показывает, внутри какой составляющей находится отрицательное местоимение, т.е. границу какой лексической категории приходится пересекать лицензирующему процессу (напр., передвижению или согласованию в зависимости от конкретной формализации). Конфигурация не отражает напрямую синтаксическую функцию самого отрицательного местоимения внутри этой объемлющей составляющей.

Таблица 1

**Локальность внутриклаузного отрицательного согласования
и других нелокальных синтаксических процессов**
[Locality constraints on intra-clausal negative concord in comparison to other long-distance syntactic processes]

Структурная конфигурация [Structural configuration]	Отрицательное согласование [Negative concord]	Лицензирование -нибудь и -либо местоимений (нелокальные NPI) [Licensing of indefinites in -libo and -nibud' (non-local NPIs)]	Связывание анафоров [Anaphor binding]	Вопросительное и относительное передвижение [Wh-movement in questions and relatives]	Подъем квантора [Quantifier raising]
Предикативные группы прилагательного [Predicative AdjPs]	OK	OK	(OK)	OK	??
Атрибутивные группы прилагательного [Attribute AdjPs]	*	OK	*/OK	*	*/???
Аргументные именные группы [Argument NPs/DPs]	OK	OK	OK	??*/	??
Адьюнктные именные группы [Adjunct NPs/DPs]	*	OK	OK	*	*
Деепричастные обороты [Attributive participle phrases]	*	OK		*	*
Совпадений/несовпадений с отри- цательным согласованием [Matches/ mismatches with negative concord]		2/3	3/1	4/1	2/1

Чтобы проверить, в какой степени ограничения локальности, которым подчиняется внутриклаузальное отрицательное согласование, совпадают с ограничениями на вопросительное передвижение, мы провели синтаксический эксперимент. Мы пытались ответить на следующий исследовательский вопрос: Можно ли считать, что как вопросительное передвижение, так и лицензирование NCI представляют собой A'-передвижение, а отличие между ними состоит только в том, что первое является выраженным передвижением, а второе – скрытым? Если это так, то вопросительное передвижение должно быть более затратным, поскольку оно включает (помимо согласования вопросительной вершины – комплементаризера C^0 [uwh] с целью – вопросительной составляющей с означенным признаком [iwh]) также операцию определения того, какая именно составляющая передвигается, само передвижение и эффект крысолова и представляет определенные трудности с точки зрения парсинга из-за наличия связи типа filler-gap (где под филлером в данном случае понимается вопросительная составляющая, находящаяся в позиции, не связанной с получением семантической роли, а под пробелом – отсутствие выраженной именной группы (ИГ) в тематической позиции, занятой следом от передвижения).

Таким образом, наша исходная гипотеза, послужившая отправной точкой исследования, состояла в том, что предложения с вопросительным передвижением будут оцениваться как минимум не лучше предложений с отрицательным согласованием, а при глубоком вложении мишени разница между их оценками будет еще более возрастать за счет дополнительной операции по определению объема выдвигаемой составляющей в предложениях с вопросительным передвижением.

Статья состоит из четырех разделов и имеет следующую структуру. В разделе 2 описан дизайн эксперимента, раздел 3 посвящен его результатам. Заключительный раздел 4 содержит обсуждение итогов эксперимента.

2. Дизайн эксперимента

Цель нашего эксперимента состояла в том, чтобы установить, как наличие двух границ именных групп между взаимодействующими единицами (отрицанием и отрицательным местоимением / вопросительным комплементаризером и вопросительным словом) влияет на приемлемость предложений с отрицательным согласованием / вопросительным передвижением.

Респонденты оценивали предложения, содержавшие одну из рассматриваемых нелокальных зависимостей (вопросительное передвижение или отрицательное согласование), либо не содержавшие нелокальных

зависимостей такого типа. При этом каждый из трех указанных вариантов рассматривался в двух конфигурациях: когда лицензирующую вершину и нуждающуюся в лицензировании составляющую разделяют две границы ИГ и когда между лицензором и лицензируемым нет границ лексических категорий.

Предложения без нелокальных синтаксических взаимодействий были включены в эксперимент, поскольку это позволяет получить представление о том, какая часть наблюдаемого различия в оценках объясняется наличием дистантного взаимодействия самого по себе (независимо от того, что именно это за взаимодействие: отрицательное согласование или вопросительное передвижение, и независимо от его принадлежности к выраженным/скрытым передвижениям). Противопоставление предложений, в которых вершину-зонд от составляющей-мишени отделяют две границы именных групп, и предложений, в которых между зондом и мишенью нет границ лексических категорий, позволяет определить, какой эффект оказывает более глубокое вложение мишени на скрытое или выраженное передвижение. Поскольку этот эффект при вложении мишени только в одну ИГ мог быть довольно слабым, мы решили противопоставить отсутствие вложения с вложением в две ИГ: с одной стороны, более глубокое вложение мишени (скажем, в три или четыре ИГ) могло бы приводить к громоздким и прагматически довольно странным предложениям (что уже само по себе снижало бы их оценки); с другой стороны, даже если эффект от интервенции каждой отдельно взятой границы ИГ между зондом и мишенью довольно слабый, наличие двух таких границ должно было все-таки показать наличие различий между предложениями с вложением и без него.

В эксперименте независимыми переменными были:

- 1) тип нелокального синтаксического взаимодействия (возможные значения: отсутствует / отрицательное согласование / вопросительное передвижение);
- 2) количество границ именных групп между взаимодействующими единицами (отсутствуют/две).

Таким образом, в каждом экспериментальном блоке было шесть предложений. Контролируемые и сбалансированные переменные отдельно не выделялись, а возможное влияние посторонних факторов исключалось с помощью единообразного построения экспериментальных предложений (см. ниже).

Все стимулы строились по единой схеме: интересующая нас именная группа, содержащая вопросительное местоимение (*какой*: (8e–f)) либо отрицательное местоимение (*никакой*: (8с–d)) или же прилагательное *другой* (в предложениях без дистантных взаимодействий: (8a–b)),

являлась дополнением переходного глагола. В вопросительных предложениях (8e–f) эта именная группа находилась в самом начале клаузы (тогда как подлежащее оказывалось в постпозиции к глаголу), в отрицательных и утвердительных повествовательных – после глагола (8a–d). В отрицательных предложениях (8c–d) ИГ-объект маркировалась аккузативом (а не генитивом отрицания). Наконец, для выравнивания предложений с вложением ИГ-мишени в две именные группы и без такого вложения по когнитивной сложности для парсинга/обработки мы в тех случаях, когда ИГ-мишень не была вложена в две ИГ, добавляли вложенные ИГ в подлежащее – ср. предложения (8a), (8c) и (8e).

- (8) а. [без дистантного взаимодействия + без вложения]
Адвокат сына бизнесмена оспаривал другое завещание в прошлом году.
- б. [без дистантного взаимодействия + вложение в ИГ]
Адвокат оспаривал законность составления другого завещания в прошлом году.
- с. [отрицательное согласование + без вложения]
Адвокат сына бизнесмена не оспаривал никакое завещание в прошлом году.
- д. [отрицательное согласование + вложение в ИГ]
Адвокат не оспаривал законность составления никакого завещания в прошлом году.
- е. [вопросительное передвижение + без вложения]
Какое завещание оспаривал адвокат сына бизнесмена в прошлом году?
- ф. [вопросительное передвижение + вложение в ИГ]
Законность составления какого завещания оспаривал адвокат в прошлом году?

Каждое из шести условий всякому респонденту предлагалось в четырех различных лексических вариантах, т.е. всего каждый респондент получал 24 экспериментальных предложения. Чтобы соблюсти соотношение филлерных и стимульных предложений (2 : 1), были добавлены 48 филлерных предложений, одинаковые для всех экспериментальных списков.

Филлеры были грамматичные и неграмматичные. Половина неграмматичных филлеров представляли собой специальные вопросы с выраженной ИГ в позиции следа (*Какого студента преподаватель выгнал Васю с экзамена?*), другая половина – предложения с отрицательными

местоимениями без приглагольного отрицания (*Секреты нашей компании были известны никому из конкурентов.*). Грамматичные филлеры также были двух типов: специальные вопросы и предложения с отрицательными местоимениями. Каждый из четырех типов филлеров (два типа грамматичных, два типа неграмматичных) был представлен 12 предложениями. Примеры филлеров приведены в (9).

- (9) а. [грамматичные: специальный вопрос]
^{OK} *Какой вопрос преподавателя остался без ответа на экзамене?*
- б. [грамматичные: отрицательное местоимение в составе подлежащего + отрицание]
^{OK} *Ни один исследователь не был известен таким количеством открытий.*
- с. [неграмматичные: специальный вопрос с ИГ в позиции следа]
** Какого мальчика учительница похвалила Лену на уроке химии?*
- д. [неграмматичные: отрицательное местоимение без предикатного отрицания]
** Наш главный бухгалтер был замешан ни в какой сомнительной сделке.*

Мы использовали одну из наиболее популярных методик проведения экспериментов на оценку – оценивание предложений по шкале Ликерта. Участники должны были оценить предложенные им предложения по шкале от 1 до 7, где 1 – самая низкая оценка (совершенно неприемлемое предложение), а 7 – самая высокая (абсолютно нормальное предложение русского языка). Для псевдорандомизации материала использовался метод латинского квадрата. Респондентам демонстрировалось сразу все предложение целиком, а они должны были выставить ему оценку, прежде чем переходить к следующему предложению. На оценивание каждого предложения у респондента было не более 12 секунд.

Суммарно, таким образом, участники оценивали 72 предложения по 7-балльной шкале Ликерта. Всего в эксперименте на оценку приемлемости предложений, который мы провели в мае 2022 г. с использованием платформы Яндекс.Толока (toloka.yandex.ru) для набора респондентов, приняли участие 61 носитель русского языка, по 10 человек на каждый из 6 экспериментальных листов. Эксперимент проводился с использованием программы PCibex Farm [Zehr, Schwarz, 2018].

3. Результаты эксперимента

После обработки результатов эксперимента, отсева 8 респондентов, чьи оценки филлерных предложений значительно отклонялись от ожидаемых (критерии отсева респондентов были взяты из работы [Герасимова, 2021]), и нормализации оценок, выставленных оставшимися 52 респондентами, мы провели статистический анализ результатов с помощью линейных смешанных моделей регрессии и критерия множественных сравнений Тьюки, а затем построили графики взаимодействия переменных (двух независимых и зависимой – оценки предложения респондентом).

В эксперименте приняли участие 27 мужчины и 25 женщин (1 респондент предпочел не указывать пол). Средний возраст участников составил 41,94 лет (со стандартным отклонением 12,49 лет); самому старшему было 74 года, самому младшему – 25 лет.

Для анализа результатов была посчитана максимальная линейная модель регрессии, учитывавшая все возможные факторы (2 переменные: наличие вложения и тип нелокального взаимодействия – и случайные факторы, обусловленные влиянием ответов одного респондента или ответами респондентов на одну и ту же лексикализацию), затем было проведено итеративное сокращение модели до получения оптимального значения информационного критерия Акаике (AIC) (см. подробнее [Bates et al., 2015]). В оптимальной модели (10) оба фактора, а также их взаимодействие оказались значимы (глубина вложения: $\beta = -0,41664$, $SE = 0,06827$, $t = -6,103$, $p\text{-value} = 1,68 \cdot 10^{-8}$; тип взаимодействия: $\beta = 0,88960$, $SE = 0,09449$, $t = 9,414$, $p\text{-value} = 1,23 \cdot 10^{-15}$; глубина вложения : тип взаимодействия: $\beta = -0,53167$, $SE = 0,10444$, $t = -5,091$, $p\text{-value} = 1,14 \cdot 10^{-6}$)

(10) оценка

$$\begin{aligned} &\sim 1 + \text{глубина вложения} \times \text{тип взаимодействия} \\ &+ (1 + \text{глубина вложения} \times \text{тип взаимодействия} \mid \text{респондент}) \\ &+ (1 + \text{тип взаимодействия} \mid \text{предложение}) \end{aligned}$$

На графике взаимодействия изображено влияние различных типов нелокальных синтаксических процессов на оценку предложений с разной глубиной вложения мишени согласовательного взаимодействия. В целях удобства сравнения на обоих графиках приводятся оценки грамматичных и неграмматичных филлеров. Видно, что оценки предложений с отрицательным согласованием в целом заметно ниже, чем оценки предложений с другими типами синтаксического взаимодействия. Статистически значимыми оказались только различия между теми

парами условий, где отрицательное согласование присутствует только в одном из членов пары (во всех случаях $p\text{-value} < 0,009 \ll 0,05$, табл. 2). Иными словами, отрицательное согласование, в частности, значимо отличается от вопросительного передвижения. Значимо также и различие между отрицательным согласованием при наличии вложения и в его отсутствие ($\beta = -0,33$, $SE = 0,11$, $t = -3,12$, $p\text{-value} = 0,02$), а различия между всеми остальными парами условий оказались статистически незначимыми. В том числе незначимы различия между вопросительным передвижением в случае наличия или отсутствия последовательного вложения в две именные группы ($\beta = -0,01$, $SE = 0,06$, $t = -0,2$, $p\text{-value} = 1$).

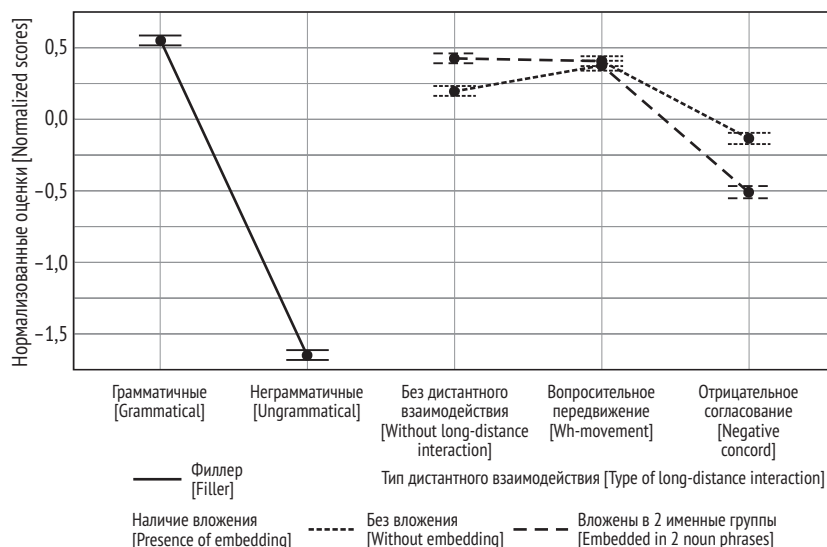

Рис. 1. График взаимодействия: как различные типы дистантного взаимодействия влияют на средние нормализованные оценки предложений с вложением и без него

Fig. 1. Interaction plot: how different non-local syntactic interactions affect mean normalized scores of sentences depending on the presence of embedding

Таким образом, в дополнение к тому, что предложения с отрицательным согласованием оцениваются хуже, чем предложения с вопросительным передвижением, оказалось, что глубокое вложение ухудшает приемлемость отрицательного согласования, но не влияет на вопросительное передвижение. Этот результат заслуживает более подробного

**Множественные попарные сравнения Тьюки
(только значимо различающиеся пары условий)
[Multiple pair-wise Tukey comparison test
(only those pairs of conditions are given which differ statistically significantly)]**

Сравниваемые условия [Comparable conditions]	estimate	SE	df	z.ratio	p.value
Отрицательное согласование без вложения – вопросительное передвижение без вложения [Negative concord without embedding – wh-movement without embedding]	–0,5447	0,0905	107,56279	–6,020	<0,0001
Отрицательное согласование с вложением – вопросительное передвижение с вложением [Negative concord with embedding – wh-movement with embedding]	–0,8618	0,1035	139,01999	–8,331	<0,0001
Отрицательное согласование с вложением – без нелокальных взаимодействий с вложением [Negative concord with embedding – no long-distance interactions with embedding]	–0,8856	0,1029	105,38158	–8,603	<0,0001
Отрицательное согласование с вложением – без нелокальных взаимодействий без вложения [Negative concord with embedding – no long-distance interactions without embedding]	–0,6883	0,1161	107,12748	–5,931	<0,0001
Отрицательное согласование с вложением – вопросительное передвижение без вложения [Negative concord with embedding – wh-movement without embedding]	–0,8741	0,1130	138,78528	–7,738	<0,0001
Отрицательное согласование без вложения – без нелокальных взаимодействий с вложением [Negative concord without embedding – no long-distance interactions with embedding]	–0,5562	0,0859	138,92982	–6,473	<0,0001

Окончание табл. 2

Сравниваемые условия [Comparable conditions]	estimate	SE	df	z.ratio	p.value
Отрицательное согласование без вложения – без нелокальных взаимодействий без вложения [Negative concord without embedding – no long-distance interactions without embedding]	–0,3589	0,1053	105,18165	–3,409	0,0086
Отрицательное согласование без вложения – вопросительное передвижение с вложением [Negative concord without embedding – wh-movement with embedding]	–0,5324	0,0912	94,13547	–5,839	<0,0001
Отрицательное согласование с вложением – отрицательное согласование без вложения [Negative concord with embedding – negative concord without embedding]	–0,3294	0,1057	100,68764	–3,117	0,0225

рассмотрения, поскольку он прямо противоположен нашим исходным ожиданиям: оказывается, что глубокое вложение мишени в две ИГ гораздо сильнее снижает приемлемость скрытого передвижения (при условии, что мы считаем отрицательное согласование передвижением), чем выраженного (которое представлено в специальных вопросах).

4. Обсуждение итогов эксперимента

Как было показано в предшествующем разделе, итоги проведенного нами эксперимента свидетельствуют о том, что предложения с вопросительным передвижением и предложения без нелокальных взаимодействий получили более близкие оценки, чем любое из них в сравнении с предложениями с отрицательным согласованием. Иными словами, отрицательное согласование и вопросительное передвижение не проявляют заметного сходства ни в одном из двух рассматриваемых нами контекстов: ни при последовательном вложении мишени согласовательного зонда в две именные группы, ни при отсутствии такого вложения (т.е. когда мишенью для зонда становится прямое дополнение глагола). Этот результат, безусловно, является довольно неожиданным: при прочих равных условиях мы бы ожидали, что предложения с разными типами нелокальных взаимодействий, такими как вопросительное передвижение или отрицательное согласование, ведут себя более или менее похожим образом, а предложения без таких дистантных синтаксических процессов, напротив, ведут себя отличным образом. То, что полученные экспериментальные данные продемонстрировали совершенно другие результаты, сильно отличающиеся от тех, которые предсказывала наша изначальная исследовательская гипотеза, безусловно, является значимым итогом.

В настоящей работе мы не сможем представить полноценный формальный анализ полученных результатов, поскольку для этого нам явно недостаточно информации о том, как носители русского языка оценивают предложения с вопросительным передвижением или отрицательным согласованием в других типах контекстов (например, при большей глубине вложения вопросительного или относительного местоимения, при маркировании прямообъектной ИГ генитивом отрицания вместо аккумулятива или в тех случаях, когда оно находится внутри подлежащей ИГ или внутри косвенного дополнения).

Возможно, отрицательные предложения сами по себе сложнее для анализа, чем утвердительные или вопросительные, т.е. сниженные оценки стимулов с отрицательным согласованием могут объясняться «штрафом» за непрототипическую (отрицательную) полярность предложения. Можно предположить, что респондентам трудно оценивать отрицательные предложения в изолированном виде, без контекста, поскольку

условия уместности отрицательных высказываний требуют определенных общих знаний и пресуппозиций у участников речевого акта².

Тем не менее, уже можно говорить о том, что результаты проведенного эксперимента как минимум заставляют нас пересмотреть исходное предположение о том, что открытое передвижение в специальных вопросах «дороже» скрытого (которое, как мы считали, имеет место в предложениях с отрицательным согласованием). Таким образом, проведенный эксперимент показал отсутствие предпочтительности скрытого передвижения относительно выраженного, а предложения с выраженным вопросительным передвижением получили даже более высокие оценки (и это различие, как указано выше, статистически значимо).

Еще одним довольно неожиданным итогом проведенного эксперимента стала близость оценок предложений с вопросительным передвижением и без каких-либо дистантных синтаксических взаимодействий. Это свидетельствует о том, что само по себе наличие вопросительного передвижения не приводит к значимому снижению оценок (т.е. не становится причиной значительной нагрузки на системы обработки языка), по крайней мере, в рассмотренных контекстах. Полученные данные вряд ли позволяют делать какие-либо более содержательные обобщения о природе вопросительного передвижения, поскольку в данном эксперименте оно рассматривалось не само по себе, а преимущественно как фон для изучения отрицательного согласования.

Кроме того, результаты эксперимента показывают, что полной идентичности между поведением отрицательного согласования и вопросительного передвижения не наблюдается, а это приводит к вопросу о том, позволяют ли итоги эксперимента поставить под сомнение анализ отрицательного согласования в терминах передвижения. Как было отмечено в разделе 1, ряд авторов [Naegeman, 1995; Brown, 1999] пытались построить анализ отрицательного согласования как в русском языке, так и в ряде других языков на сведении его к передвижению отрицательного местоимения в позицию спецификатора вершины-лицензора Neg⁰. Однако если и за отрицательным согласованием, и за вопросительным передвижением стоит, по большому счету, один и тот же синтаксический процесс (дистантное согласование вершины-зонда (Probe) с целью (Goal) и последующее передвижение цели в спецификатор вершины-зонда), то встает вопрос, каким образом можно в принципе совместить это теоретическое допущение с полученными нами эмпирическими экспериментальными данными. Хотя заявлять о том, что результаты

² Такой подход к возможному объяснению полученных результатов мне предложила Е.А. Лютикова (личное сообщение).

нашего эксперимента показывают несостоятельность попыток свести отрицательное согласование к передвижению, было бы чересчур сильным утверждением, можно говорить о том, что они заставляют усомниться в оправданности такого решения.

Дополнительным основанием для того, чтобы не спешить с отказом от анализа отрицательного согласования через передвижение, является близость (или даже почти полная идентичность) ограничений локальности, которым подчиняются эти синтаксические взаимодействия. Как показано в таблице 1, приведенной в разделе 1, именно *wh*-передвижение, иллюстрируемое вопросительным и относительным передвижением, оказывается наиболее похожим на отрицательное согласование дистантным синтаксическим процессом. Таким образом, теоретические заключения, представленные в [Байков, 2022] и основанные преимущественно на данных интроспекции и неформального опроса небольшого числа носителей (см. выше, разд. 1, и указанную работу), и результаты экспериментального исследования приводят к прямо противоположным выводам: первые свидетельствуют об обоснованности и желательности сведения отрицательного согласования к *wh*-передвижению, тогда как вторые, напротив, ставят обоснованность такой редукции под вопрос. Для разрешения этого противоречия, безусловно, важно понять, насколько систематическим, стабильным и воспроизводимым на разном материале является наш главный результат, состоящий в том, что отрицательное согласование сильнее отличается от вопросительного передвижения, чем предложения с вопросительным передвижением от повествовательных утвердительных предложений без дистантных синтаксических взаимодействий. Все это, в свою очередь, невозможно без дальнейшего сравнительного исследования свойств различных дистантных взаимодействий в русском языке экспериментальными методами – исследования, к которому мы надеемся обратиться в дальнейших работах.

Библиографический список / References

Байков, 2022 – Байков Ф.В. Локальность внутриклаузного отрицательного согласования в русском языке: сравнение с другими нелокальными взаимодействиями. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров – 2022». Москва, 12–13 октября 2022 г. [Baikov F.V. Loklnost vnutriklauzalnogo otritsatel'nogo soglasovaniya v russkom yazyke: sravnenie s drugimi nelokalnymi vzaimodeistviyami [Locality restrictions on intra-clausal negative concord in Russian: A comparison with other long-distance interactions]. Talk given at the “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov – 2022” confenece. Moscow, October 12–13, 2022.]

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 20.04.2023). [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktikuma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Падучева, 2013 – Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. [Paducheva E.V. Russkoe otritsatelnoe predlozhenie [Russian negative sentence]. Moscow, 2013.]

Падучева, 2017 – Падучева Е.В. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. 2017. [Paducheva E.V. Otritsatelnye mestoimeniya [Negative pronouns]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). Ms. 2017.]

Рожнова, 2009 – Рожнова М.А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках: Дипломная работа. РГГУ. 2009. [Rozhnova M.A. Sintaksicheskie svoystva otricatelnykh mestoimenij v ispanskome i russkom yazykah [Syntactic properties of negative pronouns in Spanish and Russian]. MA thesis. Russian State University for the Humanities. 2009.]

Abels, 2003 – Abels K. Successive cyclicity, anti-locality and adposition stranding. PhD dis. University of Connecticut. 2003.

Abels, 2005 – Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–74.

Bates et al., 2015 – Bates D., Kliegl R., Vasishth S., Baayen H. Parsimonious mixed models. arXiv preprint (arXiv:1506.04967). 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1506.04967> (date of access: 10.03.2021).

Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford, CA, 1999.

Erschler, 2021 – Erschler D. Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord. Talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.

Fitzgibbons, 2008 – Fitzgibbons N. Freestanding negative concord items in Russian. *Nanzan Linguistics*. 2008. Special Issue 3. Vol. 2. Pp. 51–63.

Gerasimova, 2019 – Gerasimova A. Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations. *Proceedings of ConSOLE XXVII*. 2019. Pp. 106–117.

Haegeman, 1995 – Haegeman L. The syntax of negation. Cambridge, 1995.

Laka, 1990 – Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. Dr. dis. MIT, Cambridge, Mass. 1990.

Lyutikova, Gerasimova, 2023 – Lyutikova E., Gerasimova A. Negative Concord and locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics*. 2023. Pp. 1–43.

Zanutini, 1997 – Zanutini R. Negation and clausal structure. Oxford, 1997.

Zehr, Schwarz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. DOI: 10.17605/OSF.IO/MD832

Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. PhD dis. University of Amsterdam. 2004.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023
The article was received on 28.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Байков Федор Владимирович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; техник Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Fyodor V. Baykov – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; research assistant at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9376-0118>

E-mail: baykov3105@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2023.2

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.06.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 11,9 п. л. Тираж 1000 экз.